

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 МАЙ 1982

1 МАЯ

**ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА, ПОД РУКОВОДСТВОМ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ВПЕРЕД,
К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!**

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 1 МАЯ 1982 ГОДА

ЛЕНИНИЗМ — НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭНЕРГИИ И ТВОРЧЕСТВА МАСС

22 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 112-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Здесь собрались передовики и новаторы производства столицы и Подмосковья, ветераны партии, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели науки и культуры, воины Советских Вооруженных Сил, космонавты. Присутствуют иностранные дипломаты, зарубежные гости.

17 часов. Бурными, продолжительными аплодисментами встретили участники заседания товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

В президиуме также Генеральный секретарь Компартии Чили Л. Корвалан, Генеральный секретарь Компартии Аргентины А. Фава.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс» выступил член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности СССР Ю. В. Андропов.

Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами.

Под сводами Кремлевского Дворца съездов торжественно звучит Гимн Советского Союза.

Затем состоялся большой праздничный концерт.

В президиуме торжественного заседания, посвященного 112-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

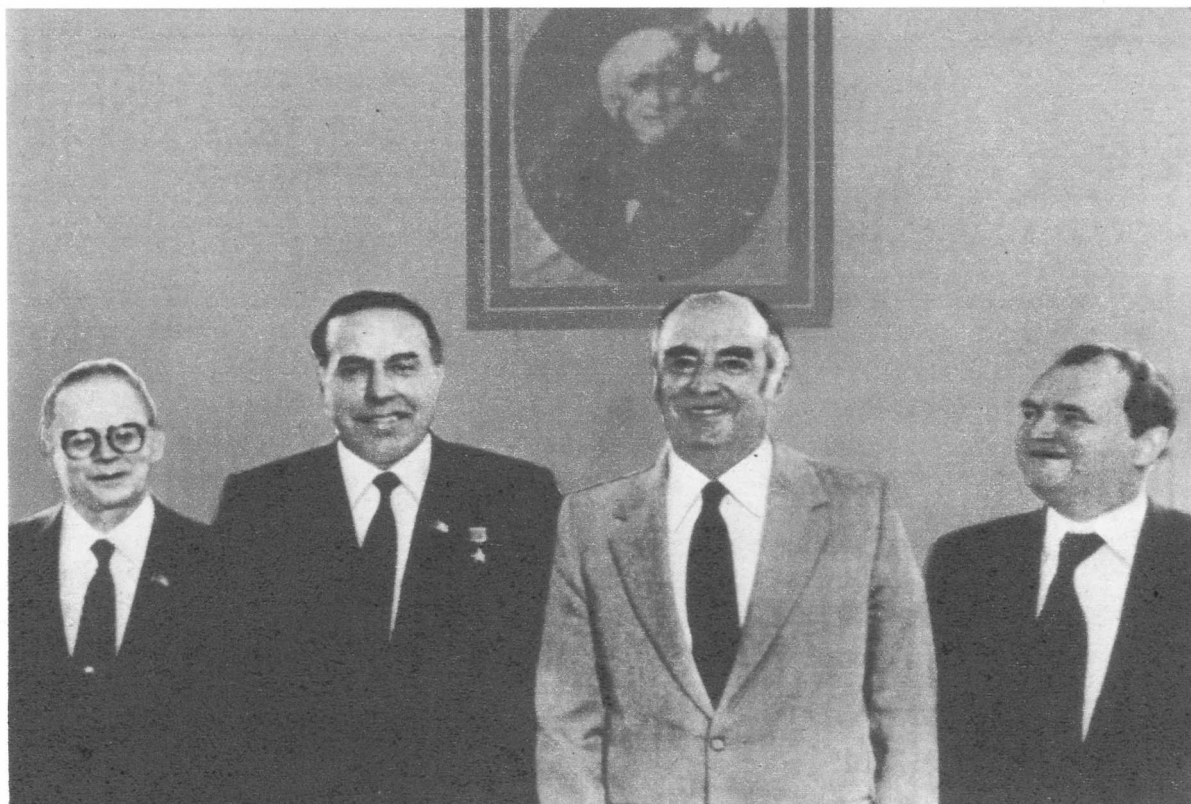
Основан
1 апреля
1923 года

№ 18 (2859)

1 МАЯ 1982

© Издательство «Правда». «Огонек». 1982

Прием советской делегации президентом Мексики Х. Лопесом Портильо.

Телефото ТАСС

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

22 апреля по приглашению палаты депутатов конгресса Мексики в Мехико с официальным дружественным визитом прибыла делегация Верховного Совета СССР во главе с кандидатом в члены

Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, депутатом Верховного Совета СССР Г. А. Алиевым.

Состоялась рабочая встреча советских и мексиканских парламентариев, проходившая в теплой и откровенной атмосфере, в духе взаимопонимания.

Советская делегация нанесла визит министру иностранных дел Мексики Х. Кастаньеде. В беседе, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, стороны высказались за дальнейшее развитие отношений между двумя странами во всех областях, в том числе экономической.

Глава делегации — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, депутат Верховного Совета СССР Г. А. Алиев, член делегации депутат А. М. Александров, посол СССР в Мексике Р. А. Сергеев и заведующий первым латиноамериканским отделом МИД СССР В. Н. Казимиров были приняты президентом Мексики Х. Лопесом Портильо. Президент выразил большое удовлетворение прибытием в Мексику парламентской делегации СССР.

Г. А. Алиев вручил Х. Лопесу Портильо послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, в котором дается оценка современного международного положения, состояния и перспектив дальнейшего развития дружественных отношений между Советским Союзом и Мексикой.

В беседе, которая прошла в теплой, дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам международной политики и развитию дружественных отношений между двумя странами.

Делегация Верховного Совета СССР совершила поездку по стране.

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ЗАСЛУЖЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Р. П. Лемешева (в центре) со своими ученицами Любой Калининой и Ниной Батовой.

Фото Г. Калачьяна (ТАСС)

В сложном текстильно-прядельном деле издавна бытует мнение, что только после пяти лет практики толковую, способную от природы работницу можно считать мастером. Раиса Лемешева, если исходить из этого в общем-то верного критерия, мастер вдвойне: несмотря на молодость, за ее плечами почти десять лет работы прядельщицей на Великолукском льнокомбинате. За это время в большом коллективе, где сотни первоклассных прядельщиц, у нее сложилась добрая и устойчивая репутация. А начало ей было положено еще в стенах здешнего профтехучилища, где Рая пытливым постигала азы своего будущего ремесла. На практике и в первые месяцы самостоятельной работы присматривалась, как сноровисто выполняют те или иные операции лучшие мастерицы, запоминала их приемы, старалась лучше организовать свой труд. Это помогло быстрее набраться опыта. В цехе все чаще и чаще стали отмечать качество ее изделий. А качество продукции, как известно, визитная карточка мастера.

Потом как-то незаметно для нее самой, но не для подруг по комбинату Раису несколько раз признавали лучшей на производстве. Неизменно доброжелательная, сердечная в отношениях с людьми, она становится бригадиром, а с недавних пор инструктором производственного обучения.

И вот новое признание. Можно сказать, его более высокая степень. На предвыборном собрании коллектив льнокомбината назвал молодого коммуниста Раису Павловну Лемешеву своим кандидатом в депутаты городского Совета.

А. ГРИГОРЬЕВ

1

2

4

3

5

В БОРЬБЕ ЗА СВОИ ПРАВА

1

БЕЛЬГИЯ

Каждый день тысячи уволенных сталелитейщиков бельгийских городов Льежа и Шарлеруа приходят в школы и другие общественные здания, переоборудованные в учреждения по регистрации безработных. «Я готов на любую работу», — сказал один из них. — Все, что я находил, была работа на два-три месяца. Найду ли я когда-нибудь постоянную — трудно сказать».

Эта безысходность вызвала бурю протеста рабочего люда Бельгии. Тысячи из них пришли в столицу страны Брюссель из районов, подверженных депрессии, чтобы сказать «нет» безработице, «нет» новым увольнениям. Когда демонстранты вошли в респектабельный правительственный район столицы, их путь блокировали шесть рядов вооруженных полицейских. Завязалось настоящее сражение между сталелитейщиками и отрядами полицейских, специально вымуштрованных «для борьбы с

мятежами». Демонстрантов забросали гранатами со слезоточивым газом, водяные пушки мощной струей сбивали с ног, сметали и разбрасывали протестующих. В ответ в полицейских полетели бутылки.

На снимке: полицейские разгоняют демонстрацию сталелитейщиков в Брюсселе.

Фото из журнала «Тайм»

2

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

На снимке: массовая манифестация протеста против антинародной политики британского правительства в городе Кардиффе.

Фото из газеты «Морнинг стар»

3

ЯПОНИЯ

«Страна восходящего солнца», которая некогда полностью обес-

печивала себя необходимым продовольствием, стала одним из крупнейших его импортеров. Сокращение сельскохозяйственного производства внутри страны вызвало резкий рост импорта дорогостоящих продуктов. Такая аграрная политика правящей либерально-демократической партии (ЛДП) привела к значительному сокращению числа хозяйств сельских труженников — с 11980 тысяч в 1960 году до 4660 тысяч в 1980 году. Да и оставшиеся в деревнях фермеры в условиях непрерывного роста дороговизны едва сводят концы с концами. Семьдесят процентов крестьян вынуждены ежегодно уходить в город на побочные заработки, чтобы как-то прокормить свои семьи.

На снимке: так своеобразно выражают свой протест против аграрной политики ЛДП крестьяне префектуры Тиба. Плакат на чучеле гласит: «Административная реформа правительства Судзуки наносит удар по сельскому хозяйству».

Фото из газеты «Акахата»

4

США

«Пушки вместо масла» — эта формула, которой придерживается нынешняя администрация США, оборачивается настоящей трагедией для миллионов американцев. В стране растут цены на основные продукты питания, медицинское обслуживание, на электричество, газ и топливо для обогрева жилищ.

«Со скоростью ракеты».

Рисунок из газеты «Дейли уорлд»

5

ФРГ

Митинг в защиту занятости провели рабочие завода компании «Оренштайн унд Коппель» в Хаттене. Участники выступления выразили решительный протест против намечаемых массовых увольнений и потребовали от правительства принятия действенных мер против растущей безработицы.

Фото АДН — ТАСС

КТО ПООЩРЯЕТ АГРЕССОРА

Юрий КОРНИЛОВ

Разрушенные дома, черный дым пожарищ, десятки убитых и раненых — вот последствия совершенного 21 апреля пиратского налета израильских бомбардировщиков на пригороды Бейрута...

Напомним данные из Белой книги, вышедшей в столице Ливана: в 1975—1977 годах эта страна свыше 160 раз становилась объектом агрессивных акций Тель-Авива, в 1978 году 30-тысячная израильская армия совершила вторжение на ливанскую территорию по фронту шириной более 100 километров. И вот вновь израильские бомбы рвутся на многострадальной ливанской земле, вновь течет кровь ни в чем не повинных людей — женщин, детей, стариков.

Бандитские налеты израильской военщины на суверенный Ливан — лишь одно из многих звеньев в длинной цепи преступлений Тель-Авива, совершенных и совершаемых им против народов арабских стран. Вот уже 15 лет Израиль, грубо попирая Устав ООН и международное право, оккупирует захваченные арабские территории. Всячески препятствуя мирному урегулированию на Ближнем Востоке, правители Израиля провозгласили своей «вечной» столицей Иерусалим, объявили об аннексии исконно сирийской территории — Голанских высот. Стремясь «закрепить» плоды агрессии, они превратили захваченные ими земли в огромный концлагерь, в подлинное «палестинское гетто» и, действуя по рецептам Гитлера, осуществляют на этих землях самый настоящий геноцид против арабского населения: достаточно напомнить, что, по данным Организации освобождения Палестины, с 1967 года в израильские тюрьмы было брошено около 100 тысяч палестинских патриотов. Совершая один за другим акты ничем не прикрытой агрессии и вопиющего произвола, Израиль продолжает накалять обстановку на Ближнем Востоке, превращая этот взрывоопасный регион в источник все более серьезной угрозы для всеобщего мира.

Нет нужды говорить, что Тель-Авив, который возвел разбой и террор в ранг государственной политики, не мог бы действовать столь вызывающе и нагло, если бы он не опирался на поддержку и поощрение могущественных заокеанских покровителей. Правящие круги США, которые, выражаясь словами президента Р. Рейгана, рассматривают Израиль как собственное «стратегическое сокровище», вот уже на протяжении многих лет направляют в эту страну и мощные арсеналы военной техники, несущей смерть и разрушения жителям арабских городов и сел, и щедрые финансовые ассигнования, предназначенные в основном для наращивания военной машины Тель-Авива. В русле этого курса лежат и циничные, отмеченные печатью лицемерия и демагогии маневры американской дипломатии в ООН, где Вашингтон стремится во что бы то ни стало обеспечить политическое прикрытие агрессора, налагая вето на любую резолюцию, ставящую цель обуздать тель-авивских «ястребов», идет ли речь об аннексии ими Голанских высот или об осуждении израильского вандализма в отношении исламских святынь в Иерусалиме. Недавнее подписание между США и Израилем так называемого меморандума о «стратегическом сотрудничестве», который пытается подвести договорную базу под военно-политический альянс этих двух государств, — еще одно свидетельство широкого заговора империализма и сионизма против мира и безопасности на Ближнем Востоке и за его пределами.

В последнее время Вашингтон, усердно пытающийся выставить самого себя в роли этакого «миротворца», усердно рекламирует очередную инсценировку «урегулирования по-кэмп-дэвидски» — вывод израильских войск с Синайского полуострова, выдавая эту акцию чуть ли не за «освобождение Синая». Однако, если отбросить в сторону эту заведомо лживую пропагандистскую эквилибристику, станет очевидно, что так называемое «освобождение» не более чем заранее спланированный фарс, представляющий в действительности не что иное, как «смену караулов», когда на место одних оккупантов — израильтян приходят другие — американцы, ибо именно американские воинские подразделения составляют костяк размещаемых на Синае так называемых «многонациональных сил». «Нам необходимо находиться там, нам необходимо создать там внушительное присутствие», — говорил некоторое время назад о Ближнем Востоке шеф Пентагона К. Уайнбергер. И вот пентагоновская военщина, призванная «в случае необходимости» обеспечить быструю переброску в регион крупных жандармских «сил быстрого развертывания», «осваивает» Синай — это ли не свидетельство того, что Вашингтон не только не намеревается гасить на Ближнем Востоке пламя конфликта, но, напротив, разжигает его, стремясь любыми средствами насытить аппетиты хищных империалистических монополий!

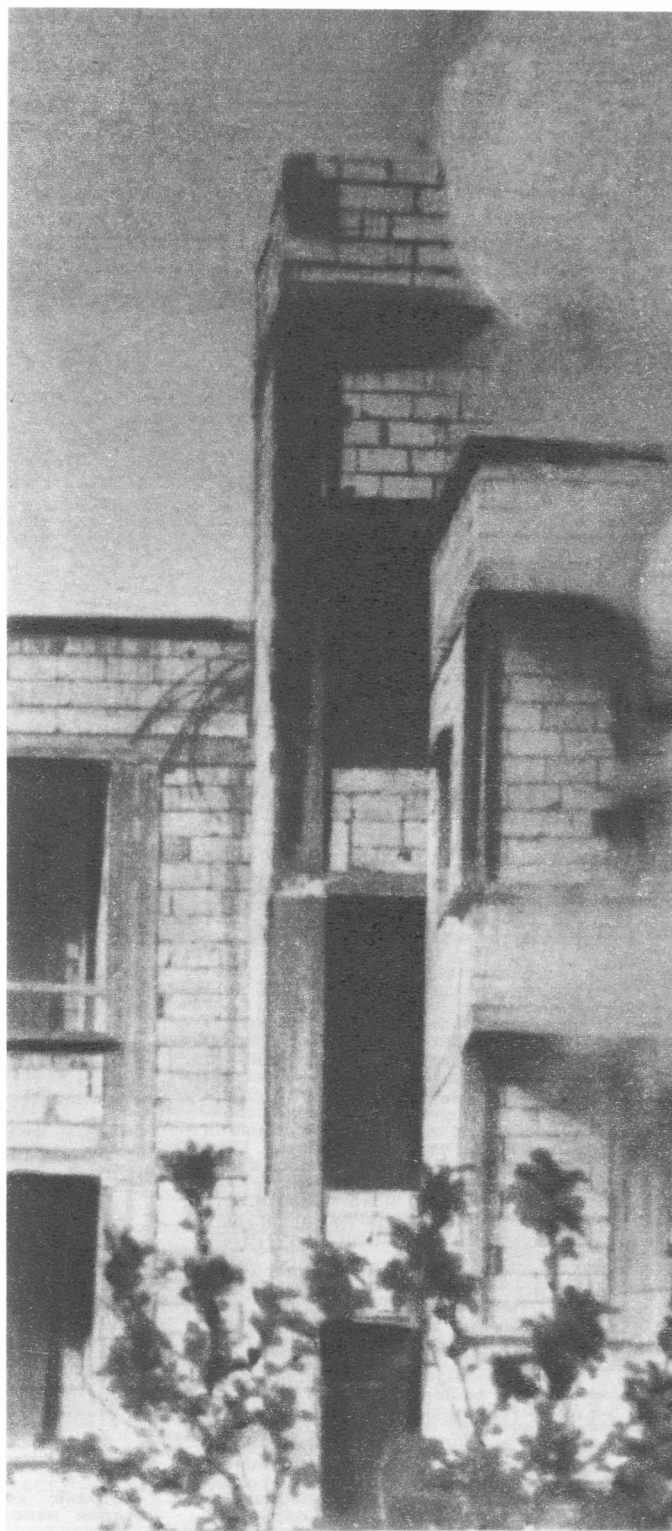
При этом, как подчеркнуто в недавнем Заявлении ТАСС, в Вашингтоне и Тель-Авиве не делают секрета из того, что замена израильских оккупационных войск на Синае американскими вовсе не означает конца политики Кэмп-Дэвида. Напротив, там намерены с удвоенными усилиями продолжать политику сепаратных антиарабских сделок, стремясь навязать палестинцам на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы пресловутый план «административного самоуправления», рассчитанный на то, чтобы не допустить создания самостоятельного палестинского государства и подготовить аннексию Израилем палестинских земель.

«Израиль по своей форме напоминает кинжал — кто же держит рукоятку?» — писал в свое время известный французский публицист Арман Лану. Ныне более чем очевидно: рукоять сионистского кинжала — в руках тех империалистических кругов США, которых неудержимо влечет запах ближневосточной нефти и для которых Израиль служит главным орудием осуществления их гегемонистских планов.

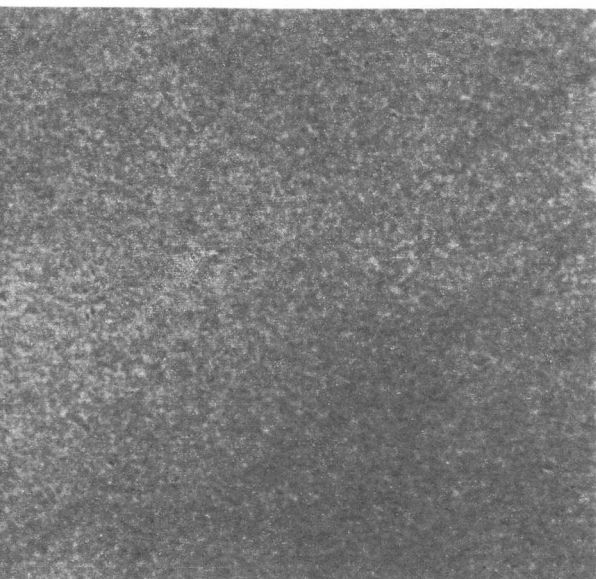
Но чем агрессивнее политика империализма и сионизма, тем решительнее поднимаются против нее народы! Положить конец опасной игре с огнем на Ближнем Востоке, призвать к порядку зарвавшегося агрессора — этого требуют интересы всех народов региона, этого требует дело мира и безопасности во всем мире.

Ливан. 21 апреля. ВВС Израиля бомбят жилые дома.
Фото АП — ТАСС

Самолеты на борту авианосца «Инвинсибл», входящего в состав британской эскадры в Южной Атлантике.
Фото ЮПИ — ТАСС

Конфликт в океане

В ночь с 25 на 26 апреля радиосвязь между Лондоном и находящейся в Южной Атлантике английской военной эскадрой прекратилась. Это означало: корабли получили боевой приказ...

Нападение на остров Южная Георгия фактически поставило крест на продолжающихся заявлениях Великобритании о том, что она стремится к поиску мирных путей урегулирования кризиса в ее отношениях с Аргентиной. Действительно, даже если какое-либо решение конфликта и будет наконец найдено, вряд ли кто отважится назвать его мирным после грохота канонады на Южной Георгии.

Сообщения английских и американских информационных агентств, которые поступают в последние дни из британской столицы, полны напускного оптимизма. Трагические события в Южной Атлантике пытаются представить даже бескровной войной, заявляя, что «со стороны англичан не имеется человеческих жертв». Трудно все же представить себе, что в Великобритании изобрели новый способ воевать — без крови.

Диссонансом прозвучало лишь сообщение корреспондента телекомпании Си-би-эс М. Тайчнер, которая в своем репортаже из Лондона отметила, что «никто не знает, в какую сторону повернутся настроения, когда военный конфликт затянется и начнут поступать вести о военных потерях».

В связи с англо-аргентинским конфликтом в политических кругах ряда латиноамериканских стран вызывает растущее сомнение эффективность механизмов «коллективной безопасности», прежде всего межамериканского договора о взаимопомощи.

Известный в Венесуэле специалист по международным проблемам Карлос Герон заявил, что до настоящего времени этот договор был применен под давлением Вашингтона лишь против социалистической Кубы и Доминиканской республики. «Если межамериканский договор не будет использован против агрессивных действий британского колониализма», подчеркнул он, «латиноамериканцы должны сделать вывод, что этот договор служит лишь интересам США».

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1982 ГОДА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложение Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, постановляют присудить Ленинские премии 1982 года:

1. Аранаску Леонасу Семеновичу, архитектору, Тхору Борису Ивановичу, заслуженному архитектору РСФСР, Каминскому Григорию Наумовичу, заслуженному строителю РСФСР, Львовскому Юрию Петровичу, инженеру, — за архитектуру спортивного комплекса «Олимпийский» в г. Москве.

2. Бажану Миколу (Николаю) Платоновичу, поэту, — за книгу стихов «Знаки».

3. Биешу Марии Лукьяновне, народной артистке СССР, — за концертные программы 1978—1980 годов.

4. Кулиджанову Льву Александровичу, народному артисту СССР, автору сценария и режиссеру, Гребневу Анатолию Борисовичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, Добродееву Борису Тихоновичу, авторам сценария, Юсову Вадиму Ивановичу, народному артисту РСФСР, оператору, Кисеву Венцеславу (Народная Республика Болгария), заслуженному артисту

НРБ, исполнителю роли Карла Маркса, Блюме Ренате (Германская Демократическая Республика), актрисе, исполнительнице роли Женни Маркс, — за телевизионный художественный фильм «Карл Маркс. Молодые годы».

5. Лаврову Кириллу Юрьевичу, народному артисту СССР, — за исполнение роли В. И. Ленина в спектакле «Перечитывая заново...» в Ленинградском академическом Большом драматическом театре имени М. Горького.

Секретарь Центрального
Комитета КПСС
Л. БРЕЖНЕВ

Председатель Совета
Министров СССР
Н. ТИХОНОВ

«ТРУДНОЕ ВРЕМЯ ПОЛЬШИ»

НА ЭКРАНЕ — НОВЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

Эта честная документальная кинолента, недавно снятая советскими и польскими кинопублицистами (производство творческого объединения «Экран»), остается в памяти. Телефильм о сегодняшней Польше, новое исчисление времени в которой началось с декабря прошлого года, смотрится с неослабевающим интересом с первых же кадров. Вот они, кадры минувшего декабря — на заснеженных улицах столицы варшавяне дарят цветы молодым солдатам Войска Польского, угощают их горячим кофе из термоса. Это те самые солдаты, на которых пытались сделать ставку контрреволюционеры и которые остались верны присяге защищать родину в минуты опасности. О том, насколько серьезной была эта опасность, в какую пропасть толкали страну силы реакции, которыми дирижировали штабы НАТО и его разведывательные службы, рассказывает фильм, и мы, зрители, воочию убеждаемся, как своевременно были решительные меры, принятые польским правительством, перечеркнувшим введением военного положения замыслы контрреволюции. Да, это было, как говорил на VII пленуме ЦК партии Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР В. Ярузельский, «последней из возможных политических инициатив, чтобы избежать неисчислимых последствий конфронтации». Как известно, ошибки прежнего руководства ПОРП вызвали недовольство масс, этим воспользовались внутренние и внешние враги социалистического государства. Перед зрителем проходят кадры, рассказывающие о том, как они действовали. Мы видим мешки с листовками, призывающими к свержению социализма. Инструкции, разъясняющие, как уничтожать коммунистов Польши. Оружие из подпольных складов. Карты, где кружочками обозначены объекты диверсий — горючки, райкомы партии. На экране те, кто участвовал в подготовке контрреволюционного путча. Вот они, пойманные с поличным шпионы, агенты ЦРУ — сотрудники посольства США.

Как могло случиться, что главарь «Солидарности» увлекли за собой многих честных поляков? Фильм рассказывает и об этом. Мы видим кадры из повседневной жизни страны, ввергнутой в стачечную анархию, — очереди у магазинов, спекулянты, процветающие на рынке, пустые полки в молочной. «Чем больше стачек, тем меньше продуктов, а значит, больше недовольных!» — рассуждали экстремисты из «Солидарности», вовлекая обманом, шантажом и угрозами людей в забастовки... Фильм рассказывает и о тех, кто мужественно разоблачал демагогов, кто отстаивал социалистические завоевания народа. Автор фильма, политический обозреватель Советского теле-

видения, лауреат Государственной премии СССР Владимир Дунаев беседует с маркшейдером из Силезко-Домбровского угольного бассейна Ежи Романиком, с руководителем строительной бригады из Варшавы Альбином Сиваком. Подстрекатели забастовок на шахтах стремились оставить Польшу без тепла и света. Нехватка угля привела к тому, что на него были введены карточки. Страна с трудом дышала одним легким. Но в те трудные, трагичные дни руководители «Солидарности» меньше всего думали о судьбах миллионов сограждан. Положив себе фантастическую зарплату — до сорока тысяч злотых, они беззастенчиво прикармливали также крупные суммы, поступавшие от «друзей Польши» из-за рубежа. Все более нагло и открыто звучали их призывы к расправе с коммунистами. В кадрах кинохроники глава «Солидарности» Лех Валенса, он призывает: «Борьбу за смену власти надо выиграть любой ценой!» И они рвались захватить власть. Вот они собрались 13 декабря в Гданьске на свой очередной шабаш, чтобы определить «день X» — день начала контрреволюционного переворота. Стоп-кадр! В тот день шабаш был закончен, правительство ввело военное положение, и Польша собственными силами восстановила контроль над событиями.

Как живет страна теперь? Этот вопрос волнует нас больше всего, и создатели фильма дают нам возможность увидеть эту жизнь и услышать, что думают о ней сами поляки. Идет собрание коммунистов на силезской шахте «Пяст». Той самой шахте, где сотни шахтеров под давлением психологического террора боевиков «Солидарности» две недели оставались под землей. Кинокамера приглашает зрителей в дом одного из этих шахтеров. За чаепитием собралась его семья — жена, старшие дети. Младший сынишка уютно устроился на коленях отца, который говорит: «Я сам теперь хорошо вижу, кто нам друг, а кто враг! С введением военного положения стало спокойнее жить и работать».

Стало спокойнее жить и работать! Но не такого финала ожидали заокеанские режиссеры

событий в Польше, и перед новым годом США объявили «непослушной» Польше экономический бойкот. По волнам радиостанции «Свободная Европа» пошли гулять легенды, одна страшнее другой, о том, что в тюрьмах лидерах «Солидарности», которые не видят ни родных, ни белого света. Фильм «Трудное время Польши» разоблачает эти легенды. Вот он, пансионат «Силезия», где ныне пребывают интернированные деятели «Солидарности». Вот они сами в полном здравии прогуливаются на балконе, а группа женщин, которые входят на наших глазах в двери пансионата, — это те самые родные, которых якобы не допускают в тюрьму.

Трудные дни переживает Польша и сегодня. Но постепенно налаживается нормальная работа предприятий, улучшается снабжение населения. Враг проиграл, он развенчан, однако трудность нынешней ситуации состоит в том, что надо обманутых, запуганных людей убедить в необходимости работать сегодня лучше, чем вчера. И люди взялись за дело! Вот польский уголь, который так необходим стране — из Силезии его доставляют в порт Гданьск, и репортеры идут по гданьской судовой верфи, где в августе 1980 года прозвучала сирена и забастовка. Как живет сегодня верфь, что думают рабочие о будущем страны? На вопросы, которые задает автор фильма В. Дунаев, отвечает те, кто пришел на верфь 30 лет назад, и те, кто совсем недавно начал здесь свою рабочую биографию, как тот парень, который сказал: «Я оптимистично смотрю в будущее Польши, я верю в него! У меня десятилетняя дочка, и я все чаще думаю о том, что наш главный долг — уберечь мир на земле!»

За счастье этого молодого отца, во имя счастья всех поляков погибших, освобождая эту землю от фашистов, 600 тысяч советских солдат, и в финале фильма — могилы героев, которых по сей день оплакивают на Родине. Для нас, советских людей, интернационализм не отвлеченное понятие. Это — могилы наших соотечественников на польской земле. Это — вагоны пшеницы, отправленные в Польшу, разоренную войной. Это — металлургический гигант Новая Гута, который проектировали и строили вместе поляки и советские люди. Вот почему так весело и убедительно прозвучали на весь мир слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные на XXVI съезде нашей партии: «...Польские коммунисты, польский рабочий класс, трудящиеся этой страны могут твердо положиться на своих друзей и союзников; социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!»

Н. ЦВЕТКОВА

Н. И. ЛЫКОВ,
начальник «Союзглавтары»
Госснаба СССР

— Тарное хозяйство мы нередко представляем упрощенно. Вроде бы что мудрить: ящик он и есть ящик.

— Вот именно. Десятилетиями культивировалась мысль удобная, но экономически малограмотная: был бы товар, а упаковка для него — дело второстепенное. Возьмем, дескать, первый попавшийся под руку ящик, положим в него яблоки или пачки соли — и вези, куда надо. Но в пункте назначения нередко оказывается, что яблоки пришли подгнившими, а соль рассыпалась. А это, как известно, к ссоре. Вот и ссорились поставщики и получатели, вместо того чтобы вместе подумать о том, как объединить усилия, направить их на получение или изготовление добротной упаковки.

Жизнь поправляет тех, кто не желает идти по этому пути. Но все же нынешнее тарное хозяйство заметно отстает от потребностей. Потери от отсутствия тары и от ее несовершенства все еще весьма значительны... И хотя ежегодно на тару и упаковку расходуется около 11 миллиардов рублей да более 27 миллионов кубометров новой, свежей, как принято говорить, древесины, почти 1300 тысяч тонн картона, многие тонны металла и пластмассы, бумажные и полиэтиленовые мешки, состоящие дела мы не можем признать удовлетворительными.

Тара и упаковка — это сохранение миллионов тонн промышленной, сельскохозяйственной продукции, это культура перевозок. Это, наконец, и равномерные поставки тех же овощей. Один пример. Год тому назад на предприятиях пищевой промышленности скопилось более 1250 миллионов условных банок овощных и фруктовых консервов, соков, компотов и другой подобной продукции. Банки в вагон навалом не погрузишь. Нужны деревянные или картонные ящики. Именно из-

за их отсутствия торговля не смогла получить своевременно всю эту продукцию.

— Мы говорим об экономике. А как внешне выглядит тара, отвечающая требованиям сегодняшнего дня? Деревянный ящик? Или контейнер из суперсовременного материала?

— Деревянный ящик тоже тара. Но весьма неэкономная да и дорогая. К сожалению, доля ее в общем хозяйстве очень велика — около пятидесяти процентов.

Более прогрессивна картонная и полимерная упаковка. Она хорошо сохраняет продукцию, удобнее да и выгоднее, что тоже имеет свое значение. Экономика должна быть экономной — рабочая формула пятилетки к таре применима во всей своей полноте. В самом деле, давайте произведем несложные подсчеты. Из одного кубометра древесины можно сделать 37 обычных деревянных ящиков. Если такое же количество дерева переработать в картон, то из него можно изготовить 159 ящиков. Если применять (для тонны продукции) деревянные ящики, то придется уплатить за них 27 рублей 50 копеек. Фанерных ящиков для той же тонны надо приобрести на 18 рублей. Картонные того дешевле — семь с половиной. Согласитесь, убеждающая арифметика. Продолжая сравнения, скажу, что когда одно из объединений Министерства пищевой промышленности позаботилось об изготовлении 3,7 миллиона полимерных ящиков, оно тем самым не только сберегло полмиллиона кубометров древесины, но и получило пять миллионов рублей экономии.

Следует добавить, что нередко лесная промышленность отказывается от выпуска дощечки, поставляет даже небольшим предприятиям круглый лес. А это, извините за несколько вольное сравнение, почти то же самое, что поставка тому или иному заводу не станков, а металла, из которого эти станки можно сделать. Я несколько обостряю сравнение, но когда речь идет о таре, такое обострение не будет лишним.

— Когда разрыв между потребностью и производством тары будет сокращен или, что еще лучше, ликвидирован вовсе?

— Затрудняюсь точно ответить на этот вопрос. Дело в том, что темпы производства тары ниже, чем темпы прироста промышленной и сельскохозяйственной продукции. Приведу еще один пример — из практики Астраханского лесоперевалочного комбината Минлесбумпрома СССР, головного предприятия по производству плодовоовощной тары для многих хозяйств Астраханской и соседних с ней областей. Этот регион дает стране отличные помидоры, ранние овощи, другую подобную продукцию, и ящики тут нужны не вообще, а в определенных, сжатые сроки. Производство же их не растет, а уменьшается. Вот и завозят сюда ящики. Для

этого требуется около двух тысяч железнодорожных вагонов. В период уборки урожая для сборки ящиков приходится привлекать более 1500 человек. Они оставляют работу на плантациях и начинают сколачивать доски. Ну, хозяйский ли это подход? Конечно, есть трудности объективные. Одна из них известна многим: «неудобная» география — фрукты растут на юге, а лес, из которого делают деревянные или картонные ящики для перевозки этих фруктов, заготавливают и перерабатывают на севере. Но ведь такое положение сложилось не сегодня. Оно легко прогнозируется.

Выход? Во-первых, наладить работу местных комбинатов. Во-вторых, активнее, смелее переходить на упаковку из полимеров, картона. Ведь надо учитывать и то, что потребность в древесине возрастает и скоро достигнет 44—45 миллионов кубов в год. Расточительно.

— Тарой у нас занимаются предприятия почти пятидесяти министерств. Ни для одного из них тот же ящик не является основной продукцией, за которую спрашивают со всей строгостью.

— Именно так. Сорок восемь министерств и ведомств занимаются производством тары. Ежегодно мы их упрощаем — иных мер воздействия у «Союзглавтары» нет, — доказываем, предлагаем: делайте больше. Нас внимательно выслушивают, соглашаются, но при составлении планов производства делается все, чтобы взять на себя как можно меньше обязательств.

Выпуском деревянной, наименее совершенной тары занимаются десять тысяч предприятий, а вот картонную делают только сто шестьдесят. Специализированных же предприятий, высокомеханизированных, имеющих хорошую инструментальную и станочную базу, — всего восемнадцать. Из ста шестидесяти заводов, делающих металлическую тару, доля специализированных предприятий того меньше — всего три. На неспециализированном же, порой просто приспособленном предприятии и производительность труда ниже и качество изделий тоже. В итоге только шестьдесят процентов деревянных ящиков изготавливается в соответствии с требованиями стандартов. На упаковку однотипной продукции разные ведомства пускают в ход столь различную тару, что при погрузке удается далеко не полностью использовать емкость вагона или автомобильного кузова.

— А не пора ли всю тару передать, как это сделано в некоторых странах СЭВ, одному хозяйству? Тогда возрастут и возможности контроля и ответственность. Сейчас нередко и такая картина: во дворе магазина горят ящики.

— Да, одноразовая тара — одна из издержек нынешнего тарного хозяйства. Многооборотная тара и выгоднее и удобнее, но ее мало. А торговля, один из основных на-

ших получателей, похоже, не очень-то заинтересована в том, чтобы навести здесь порядок. Объяснение этому найти легко: за тару почти не спрашивают. Она не проходит отдельной строкой в отчетах ЦСУ, она не включена в стоимость товара. А пора бы в накладных писать: столько-то таких-то изделий, в таком-то количестве коробок или ящиков. Пока же отношение к таре если и небезразличное, то несерьезное.

Теперь о главном. Единый хозяйственный тары? Видимо, это и было бы выходом из положения. Так вопрос ставился уже неоднократно. Но пока он не решен. Издержки тут велики, о некоторых я уже говорил. Добавлю к ним и то, что распыленную по многим ведомствам тару делают в этих ведомствах кое-как, без учета имеющихся достижений. Не знают подчас и о работах наших конструкторов, которые создали образцы подлинно современной тары — логично выстроенный, модульный ряд ее. Нередко случается, что не выдерживают размеры. А что такое ящик, который чуть больше или чуть меньше стандартного? Это, в частности, исключает возможность механизированной погрузки.

— Вы упомянули конструкторские работы. Нельзя ли коротко рассказать о них?

— Конструкторы, создавая тару для сегодняшних потребностей, не забывают и о том, что завтра необходимость в ней возрастет.

Проблемами создания новых видов тары и упаковки занимается Всесоюзный научно-исследовательский и экспериментально-конструкторский институт тары и упаковки «Союзглавтары». Здесь разработаны конструкция и технология изготовления картонно-навивных барабанов, необходимых для перевозки и хранения сыпучих и смазочных материалов — каждый из них может находиться в обороте до пятнадцати лет. Здесь же получен и испытан новый вид картона, не боящегося влаги.

Исследования показали, что специальные ящичные поддоны исключают казавшиеся незаменимыми мелкие ящики и тем удешевляют упаковку. Тара сегодня — это термоусадочная пленка, особая прочная фанера, полимеры, металл, гофрированный картон. И всем этим занимается институт, помогая внедрению контейнерных и пакетных, наиболее экономичных и удобных способов перевозки.

* * *

...Вопросы обеспечения тарой, безусловно, не просты. Но они разрешимы при постоянном к ним внимании. Пора, в частности, предприятиям всех отраслей народного хозяйства усвоить, что изготовление тары для выпускаемой ими продукции столь же важно, как и производство основной продукции.

Беседу вел
К. БАРЫКИН

ДАВАЙТЕ ПОСЧИТАЕМ!

ТАРА НА ВЕСАХ ЭКОНОМИКИ

Редакционный корпус газеты «Правда»

К 70-ЛЕТИЮ «ПРАВДЫ»

«Правда» — голос жизни, голос великой партии коммунистов, голос, полный силы и уверенности. Вся наша Родина слушает его каждый день, от края до края. Свежие номера «Правды» летят на самолетах, пересекая неизмеримые пространства, едут в поездах через степи, леса и поля, их страницы читают в колхозных станах, в поле, в снегах Арктики, в пустынях, на кораблях, в каждом малом поселке, в каждом огромном городе, на фабриках и заводах.

Печататься на этих славных страницах для писателя — ответственная, большая честь. Здесь слово писателя должно быть направлено к народу, ничего лишнего, ничего случайного не может быть в стихах или в прозе, напечатанных в этой всенародной, строгой и верной газете».

Эти полные глубокого смысла строки принадлежат известному советскому поэту Николаю Тихонову.

Просматривая комплекты газеты за многие годы, словно встречаешься с самой историей, соперничаешь время, пройденное нашей страной. Сколько писательских имен, которые мы произносим с гордостью и глубоким уважением, появлялось на страницах ленинской «Правды»: М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, А. Толстой, Б. Горбатов и многие другие.

Сегодня мы печатаем малоизвестные страницы воспоминаний А. Серафимовича, Ф. Панферова и М. Шагинян о первых шагах сотрудничества в «Правде».

ВСЕНАРОДНАЯ, СТРОГАЯ И ВЕРНАЯ

Александр СЕРАФИМОВИЧ [«Правда», 6 мая 1927 года]

...С фронта систематических известий не было. Что доходило оттуда — было отрывочно, случайно, маловразумительно. Не было кадра постоянных корреспондентов. Случайные же корреспонденты неизменно возглашали «гром победы» даже и тогда, когда красные полки с «громом победы» пятились. И мало этим сообщениям верили.

«Правда» первая это положение попыталась выправить и послала меня на Восточный фронт. Поехал.

Качеств, так необходимых корреспонденту — быстрота, натиск, умение быстро освоиться с обстановкой, умение влезть куда нужно, заговорить зубы, вынюхать, выведать, — этих необходимых качеств корреспондента у меня не было, но был писательский глаз, уж что-нибудь, думаю, да схвачу. Да и то сказать — на безрыбье и рак рыба.

Ехать было холодно, голодно. На остановках и с деньгами сдохнешь с голоду — нигде ничего не купишь, торговлю-то всю прикончили. И лавки и базары стояли дохлые.

А тут на пересадках мұка — в вагон не влезешь; всюду полно, друг на друге, всюду гонят в шею, приправляя сдобным словом. Хоть пешком иди.

Пошел в комендатуру. Замученный человек в кожанке, с серым лицом, из рабочих.

— А?

— Я — писатель такой-то... еду...

— Ну-к что ж. Че-во вам нужно-то?

— Так и так... Писатель... еду на фронт... Ни в один вагон не влезу... Посодействуйте...

Он не то равнодушно, не то замученно посмотрел в окно.

— Ну-к что ж... Я-то что же сделаю? Не рожу же нового вагона... Я с отчаянием:

— Я послан «Правдой»... корреспондентом на фронт...

Он разом засветился весело и радостно:

— Что ж ты не сказал, товарищ!.. Садись, отдохни... Вот что... Хлеб-то у нас того. Эк ево, завернуло! Устрою в лучшем виде... Хочешь, подождешь — вечером штабной пойдет, как дома будешь. Ну-ну, не хочешь, — сразу устрою...

Через полчаса я трясся в товарном. Спереди несло нестерпимо от печурки, растапливаемой разнесенными по дороге заборами, сзади леденил свистевший в щели ветер. Красноармейцы, матросы сидели, лежали, матерно рассказывали бывальщины, смеялись и пели.

А я понял, что я прежде всего корреспондент «Правды», маленький крохотный кусочек, осколочек «Правды», несущий для нее работу, а потом уж такой-то писатель.

И где бы я ни был во время этой поездки, я протягивал корреспондентский билет «Правды» и сразу попадал в сврй дом товарищества, сердечности, близости.

За Волгой ударил крепкий мороз, понесло степной метелью. Сквозь снежное мелькание дымилась студено чернеющая речка; по громадине куполообразной вершины черно щетинились иззябшие леса. В ложине верст на 10 протянулась заваленная снегом деревня. К лесу выдвинуты крайние посты, дальше враг. Он затаился, и было тихо. Только метель неустанная то проступала чернеющими пятнами леса, то колебалась безглазой мутой от края до края.

На передовой линии люди всегда недоверчивы и замкнуты, точно лица их немо подернуты, и официальные бумаги их трудно разогреть. Но как только я протянул — «Правда», как сейчас же очутился среди друзей и товарищей. И полились рассказы о боевой жизни. За окнами все сине застыло в 22-градусном морозе.

Да, было. Налетели белые, обошли с тыла и налетели. Сколько обозных порубили! Все смешалось и побежало. Но часть полков уперлась: по горло в каленой ноябрьской воде, на руках перетаскивали орудия. Белых отбили. Я обо всем написал корреспонденцию.

В те времена много слали подарков в армию. Специальная комиссия была. В центре решали вопрос, что посылать, и никто не удосужился на месте проверить, что наиболее нужно красноармейцу.

А получилось следующее. Присылают кожаные куртки. Красноармейцы, получившие куртки, бегают высуня язык и продают за бесценок. Дело в том, что куртки зимой обуза — не греют, а приходится с ними возиться, беречь. А вот шарфы самые дрянные рвали из рук друг у друга. Дело просто, у шинелей ворот страшно выхвывается, и шарф в морозный ветер — спасение. Я написал корреспонденцию.

Как-то утром морозом дымились горы, на лошади, тоже дымившейся, к штабу подъехал красноармеец. Через плечо набитая сумка. И по улице и по избам, как электрический толчок, пронеслось: «Правда» приехала! Бежали, как на пожар. Я тоже прибежал в избу. «Правду» рвали из рук. Два товарища стояли друг перед другом, тянули каждый к себе «Правду» и урезонивали друга друга:

— Дорогой товарищ, вы же нахал. Ведь я первый взял.

— Дорогой товарищ, вы понюхайте вот этого. — И он деликатно поднес к его носу волосатый кулак.

А третий, пока они друг с другом деликатничали, изловчился, дернул с боку, вырвал газету, юркнул к окну и застыл глазами.

Точно потеплело по избам, где шуршали «Правдой»; точно вернулось в родные семьи, точно ласково накормили всех голодных и усталых. И уже не думали, что вон из-за того чернеющего леса каждую минуту могут выкатиться лавой казаки и с гиком начнут разваливать

А. Бахарев. ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ. 1981.

А. Жабский. ЮНОСТЬ. 1981.

головы, переполненные мыслями родной газеты. Целый день и другие дни товарищи ходят веселые и оживленные.

Вернулся я в Москву. «Правда» с корреспонденциями к этому времени дошла до линии фронта. Батюшки, какой содом поднялся! Командный состав, политотдельцы, командующий армией встали на дыбы: как рассказать в газете, что было поражение? Разве это допустимо?!

По армии отдан был приказ: «В армию приезжают ничего не понимающие корреспонденты, которые злобно извращают события... Таких надо гнать из рядов Красной Армии»...

В редакцию «Правды» прилетела громадная телеграмма, где на все корки поносился корреспондент «Правды», — телеграмма за подписью командующего армией и политотдельца.

Наконец, сам тогдашний народный комиссар по военным делам заявил Марии Ильиничне (Ульяновой, бывшей в то время ответственным секретарем газеты. — А. С.), что придется отдать корреспондента «Правды» под суд за дискредитацию армии.

Через 2 года тот же наркомвоен писал в «Правду»: «Нам не нужно хвалебных статей о Красной Армии. Нам нужна истина»... Читая эту статью, я установил некоторую логическую непоследовательность Троцкого.

Эта непоследовательность подчеркивалась еще больше письмом, помещенным в «Правде» и подписанным командным и политическим составом целой бригады, о том, что корреспонденции верно рисуют события, достоинства и недостатки боевой жизни на фронте.

Шуба шубой поднялась и подарочная комиссия и тоже письмо в редакцию — обидели и ее.

В конце концов все утихомирилось.

Так «Правда» пробила дорогу для верного, беспристрастного освещения жизни армии и всей страны.

Федор ПАНФЕРОВ [из выступления перед правдистами 5 мая 1947 года].

С 1918 года по 1924 мои очерки, рассказы, заметки и даже агитпески печатались на страницах уездных и губернских газет. Я уже был редактором газеты, заведующим отделением Центропечати, ответственным секретарем укома. Казалось, «Правда» должна была бы уж печатать мои очерки и заметки, которые я то и дело посылал в редакцию. Но на мои заметки, очерки я или никакого ответа не получал, или получал весьма краткое: «Нам это не подходит». «Слишком расплывчатое у Вас». Иногда я мрачнел, получив такой ответ, что было вполне нормально для начинающего журналиста, но чаще думал так: «Напечататься в «Правде» — это великое дело. И я этого обязательно добьюсь». И снова принимался писать, уже с такими приписками: «Товарищи! Прошу вас не утруждать себя. Если моя заметка (очерк) вам не подходит, не отвечайте».

И вот в 1924 году в одном из майских номеров, на последней странице, в правом углу, появляется мой небольшой очерк «Огневцы». В этом очерке я писал о том, как в село Широкий Буерак пришел первый трактор «Фордзон». Трактор этот получила сельскохозяйственная артель из бедноты, возглавляемая Огневым. И трактор этот «произвел переворот умов на селе».

Этот номер газеты я долго носил с собой и показывал всем знакомым (хотя уже знал, что очерк все прочли). Но, кроме радости, я еще получил и другое: «То, что ты посылаешь в «Правду», черпай из доподлинной жизни, упорно работай над материалом, и тогда твои очерки будут напечатаны».

Очерк «Огневцы» лег потом в основу первой книги романа «Брусники», но, главное, с этого момента я стал постоянным сотрудником «Правды».

Мариэтта ШАГИНЯН [из многотиражки «Правдист»].

Это было осенью 1922 года. Ездить по нашей стране было в то время еще приключением. Закавказье недавно стало советским. Оно было для нас, по трудностям путешествия, не ближе Цейлона или Флориды. В нем имела еще хождение собственная «деньга», ее печатали из-за девальвации во множестве: азербайджанские боны, грузинские боны, армянские дензнаки... И носили их в мешках. На наши русские советские деньги их не меняли. Чтобы получить возможность путешествия по Закавказью, надо было купить в банке турецкие лиры (валюта поплотнее), а потом разменивать их в каждой республике. Но и тогда путешествие еще не становилось возможным, нет, — нам не продали бы билета в кассе без предъявления трех бумажек: о том, что вам сделано три прививки — противооспенная, противохолерная, противотифозная. Вот при таких обстоятельствах в редакцию «Правды» пошел разговор о том, чтобы командировать меня в Закавказье, — первого писателя, получившего туда первую командировку.

Секретарь редакции сам составлял командировку и разорвал два листа из блокнота, прежде чем ему удался черновик. Зато когда она была напечатана на бланке со штампом «Правды», эта первая писательская командировка повеяла романтикой, мало похожей на официальные документы. Привожу ее здесь целиком:

«Москва, 7 сентября 1922 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Редакция «Правды» командует писательницу Мариэтту Шагинян в Азербайджанскую, Грузинскую и Армянскую советские республики для информации «Правды» о жизни, нуждах и достижениях братских республик в их упорной работе по заживлению ран, восстановлению хозяйства, водворению мирного сожительства народов под знаменем совместной трудовой жизни.

Редакция обращается ко всем организациям и учреждениям республики с просьбой оказать возможное содействие тов. Шагинян в ее работе по ознакомлению с жизнью, нуждами и достижениями трудового народа и его хозяйственных и политических органов».

Из этого сложного и трудного путешествия (с невероятными приключениями!) я привезла тогда первый свой, уже настоящий очерк «Канал имени Ленина», тогда же напечатанный в «Правде».

...Прошло много времени. Трудно сказать, прошло; пролетело, как мгновение, словно это было вчера, хотя все истекшие годы были полны напряженной работы, нескончаемой учебы, и непрерывных, сменявших один другой боевых и трудовых фронтов, — для всей нашей страны, для нашей родной «Правды» и для каждого из нас, работников советской печати. Но если задуматься, откуда же это живое ощущение краткости, мгновенности прошедших лет, это неумирающее чувство прошлого в его слитности с сегодняшним днем, то ответишь себе: оно выросло, растет и будет расти из неумирающего чувства непрерывности самой борьбы и созидания, придающей вечную свежесть течению времени, ту самую свежесть, о которой Гете сказал: «остановись, мгновенье». Советское печатное слово и особенно правдистское печатное слово никогда не было пассивным сопровождением этих великих лет, — оно «орудовало», строило, боролось, как и все прочие орудия нашей строительной работы: лопата, молот, станок, и следы его вошли в здание советского мира, зацементированные в нем, как реальный наш вклад в историю. Вот почему мы ощущаем наше вчера, как сегодня, и сегодня, как завтра.

Публикацию подготовил А. САФОНОВ.

Первые читатели свежего номера — печатники. На этот раз — ударники коммунистического труда А. Айдиев, М. Ахмедов, В. Шитенков, П. Лейхнер, В. Тимохин.

Фото А. Бочинина

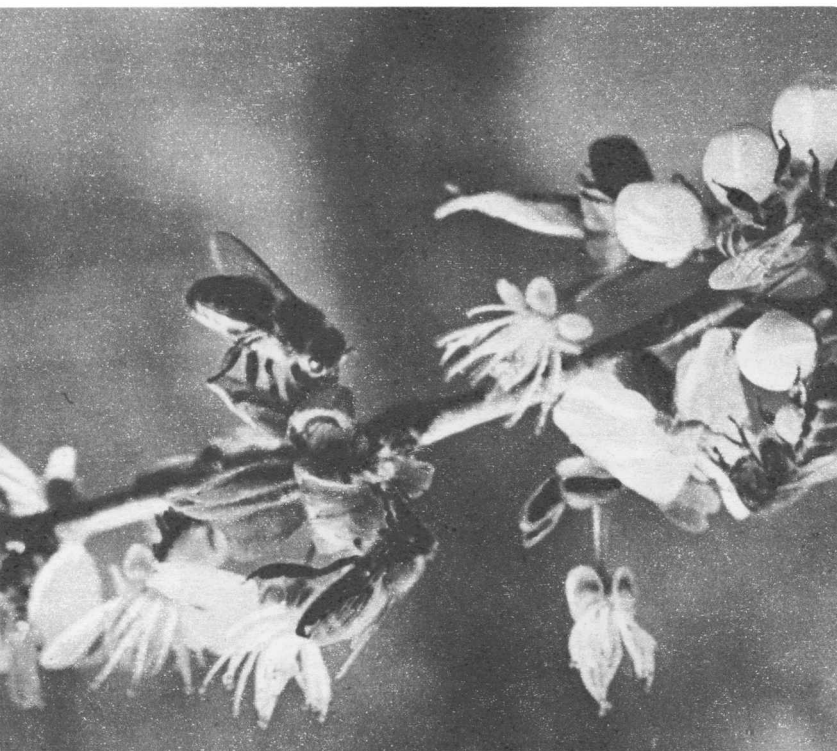

Путру сизый туман веет над приречными лугами.

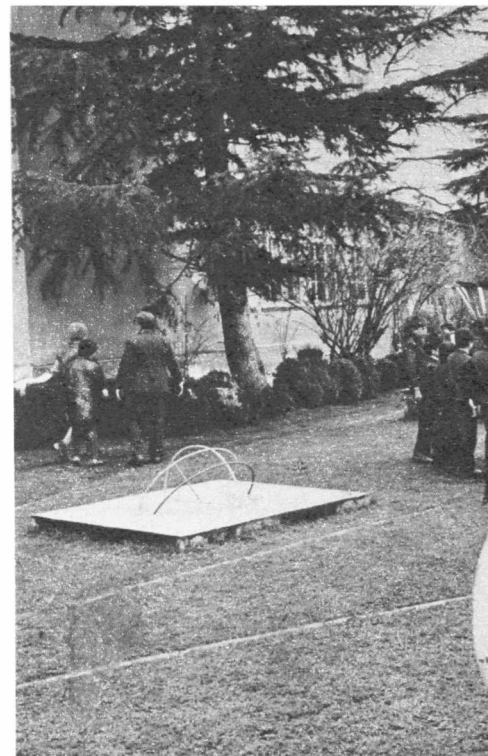
Первый взяток.

У десятиклассницы Лелы Хорава последняя школьная весна.

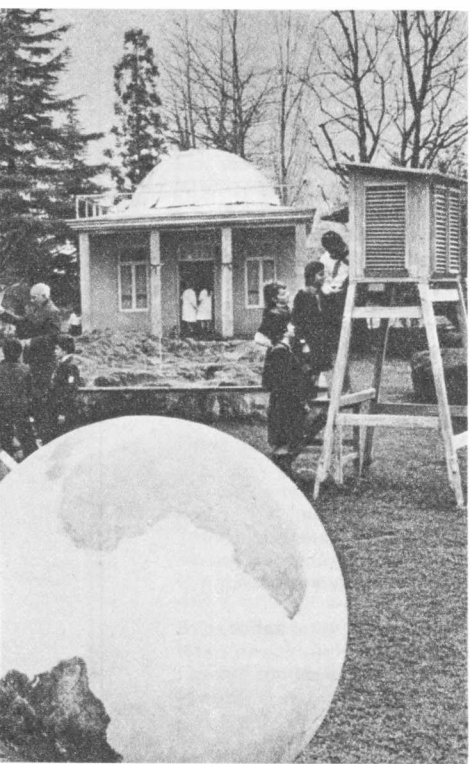
Географическая площадка в школьном дворе села Онтопо. Ее соорудил учитель географии Лаврентий Зосимович Пертелева.

Ия МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

ВЕСНА

Природа так устроилась на земле, что нет ни одного похожего друг на друга уголка.

Взять, например, Абашу, что в междуречье Риони и Цхенис-Цкали. Раздолье — заливные луга, затейливые петли на земле выделяют медленню стекающие к морю реки. Где-то там, в горах, они кипят и пенятся, сражаясь с камнями. Здесь же, на плоской и мягкой, как пух, земле, текут медленно и как бы нехотя. Быть может, потому нехотя, что здесь «я, Риони, вот, мол, какая красавица, полная, всеми любимая, а там, в море, в общей чаше кто меня заметит?»

Человек непрестанно думает. Человеческое общество ищет новые, более успешные к своему благосостоянию пути-дороги. И может быть, выпалывая прошлогодний чертополох, набредает порой и на старое рациональное зерно?

Ведь что произошло в Абаше, в недавнем прошлом самом слабеньком, самом отсталом районе Грузии? Не вникая в общую программу перестройки районного хозяйственного механизма, позволим себе сказать, что под крышами домов абашских крестьян произошли тысячи маленьких и больших радостей. Абашец перестелил старые, прохудившиеся крыши своих амбаров, в которых мыши одни бегали, крыши коровников, в которых коровы не мычали, свинарников, где давно уже ничто не хрюкало. Перестелил, залатал, по-скорому вновь отстроил, потому что все это, как и должно быть, наполнилось звуками жизни, ароматом семян некогда знаменитой белой абашской кукурузы, потребовало неуныпного внимания к себе.

А все как будто получилось просто. Раньше совестливый гнул спину, бессовестный покуривал в сторонке, середнячок не шибко утруждал себя. Нарботанное складывалось в один колхозный котел и делилось поровну, и это «поровну» равнялось иной раз половине килограмма кукурузного зерна на трудодень. До плана сдачи продукции государству еле дотягивали, дома — ветер в щелях свистит. Теперь же, если выполнишь план (повышенный притом!), получишь от колхоза дополнительную оплату натурой. Перевыполнишь — половина, а то и больше наработанного тобой (лично тобой!) твое. Наполняй свои амбары, заводи скотину, излишки продавай государству, на рынок, все равно все это — людям. Вот они, личная заинтересованность и хозяйственный расчет, о которых говорил В. И. Ленин.

Конечно, далеко не только материальное стимулирование вызвало достаток в домах абашцев. Руководство района пошло на ломку межведомственных барьеров в управлении сельским хозяйством своего района, создало агропромышленный комплекс (об этом опыте уже рассказывалось в № 41 нашего журнала за 1980 год — «Как развязали узелок»), и осталось не одиноко в своих смелых начинаниях. Сегодня в Грузии уже во всех районах созданы АПК, а также возглавляющий эти новые районные организации республиканский координационный совет АПК.

Абашцы гордятся и тем, что не далее как в начале нынешнего года их вместе с Талсинским районом Латвии слушали в Москве, на заседании Президиума Верховного Совета СССР.

Человеческая природа не терпит уравниловки. Тем более не терпит уравниловки природа самого передового социалистического общества, где все делают по совести, трудом... В Абаше этим новым веяниям уже почти девять лет, пошла десятая весна. Десятая весна, как пришел в дома абашцев достаток, в районе появилось два крупных животноводческих комплекса, девять больших ферм. Красивым стал центр Абаша; построили в районе семь новых школ, пять детских садилов, пять новых магазинов, новый мост через Риони. Абаша снова стала кукурузной житницей республики.

Веселый весенний дождик.

В А Б А Ш Е

У Ж И З Н И

Михаил ДУДИН

* * *
Росу в сирени солнце пьет
И стрелы в листья мечет.
А в солнце иволга поет.
И ласточка щебечет.

В сверканье капель и лучей
Там, в середине лета,
Весь мир ничей, и ты ничей,
И песня недопета.

* * *
Есть хаос, есть порядок
И рядом с Долгом Честь.
И миллион загадок
В любой травинке есть.
Грядущее тревожно.
Прошедшее темно.
Возможное, возможно,
По-новому умно.
Из тьмы свинцовых копей
Прокладывает след
Заманчивых утопий
Передрассветный свет.
Что истинно, что ложно,—
Душе не все равно.
Прошедшее тревожно.
Грядущее темно.
Но над тоской и ложью,
Над всем, что не понять,
Идет по бездорожью
С грудным ребенком мать.
Идет, поет и плачет
У жизни впереди,
И, прижимая, прячет
Ребенка на груди.

* * *
Весь мир туманный и неясный.
И все загадки естества
Веленью разума подвластны
И совершенству мастерства.

Лишь только мастер видит всюду
Следы Гармонии во мгле,
И только он умеет чуду
Помочь родиться на земле.

* * *
В какой закономерности,
Попробуй назови,
Измена учит верности,
А ненависть — любви.

Что быть должно, то станется,
И этим жизнь права.
Под снегом к солнцу тянется
Бездумная трава.

* * *
Вид из окна неприхотливый
В моем убежище глухом:
Куст бузины зарос крапивой,
Татарником и лопухом.

Стеснительно и неумело,
Как на сочувствие намека,
Горит в крапиве чистотела
Крестообразный огонек.

И это малое горенье,
Большого солнышка родня,
Преображает в удивленье
Пустыню пасмурного дня.

* * *
Все поглощающие воды
Времен усиливают бег.
Вслепую ищет человек
Свою судьбу в судьбе природы.

Непостижимый жизни гений
Обрек его на этот круг
Великих радостей и мук
И бесконечных превращений.

Но человек, себя губя,
Вновь поднимается из праха,
Чтоб мир опять глядел без страха
Его глазами на себя.

* * *
Все, словно должное, приемля,
Без передышки, в полчаса,
Мы губим океан и земли
И жжем, как лампу, небеса.

Мы добираемся до точки,
Своих размахов не тая.
Скрипят, как обручи на бочке,
Круги земного бытия.

Чем мы еще потешим души,
Каких наделаем чудес,
Куда мы двинемся без суши,
Без океанов и небес?!

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НАРОВЧАТОВА

Еще один однополчанин
В дорогу вечности отчалил.
Ушел еще один солдат.
Ушел из жизни легкой тенью
К оставленному поколению
Туда, на сорок лет назад.

Ушел к друзьям любви и чести,
Чтоб навсегда остаться вместе
На рубежах сторожевых.
Ушел связным времен и веры,
Примером мужества без меры,
Надеждой мертвых на живых.

Он был воистину поэтом.
Пусть жизнь печалится об этом.
И пусть не тронет никогда
Его судьбы и жизни дело,
Осуществленное умело,
Забвенья горькая вода.

* * *
Правда в старинной пословице
Трусу — оружие, мужеству —
честь!

Слава — за всех умереть одному.
Хитрость — коварству, победа —
уму!

Горечь разлуки — великой любви!
Милая, мир возведен на крови.

В мир без войны мы поверить
вольны —
Мир недоверия хуже войны.

* * *
Все прочное висит на волоске.
Все совершенство держится
на чуде.
Течет песок времен. И на песке
Бессмертие сооружают люди.

Спит танец легкой грации в зурне.
Спит мужество в необоримом
страхе.
В зерне росток мечтает о зерне,
О вспышке — порою и топор —
о плахе.

В развалинах, на щебне старых
стен,
Уже другие вырастают стены.
В самом чередованье перемен
Глобальные клубятся перемены.

И через ночь пускается в полет
Гармонии пленительная птица.
На ветке ивы соловей поет.
В песчинке малой — хаос
шевелится.

* * *
В июле по обочинам
Проселочных дорог
Иван-да-марья в очи нам
Пылает из-под ног.
Сияет синью верности
И желтизной измен
У жизни на поверхности
Двух душ единый плен.
Цветут без осторожности
Гостям для новостей
Две противоположности
Трагедии страстей.
Течение влечения
И временный причал
Взаимоисключения
Двух песен, двух начал.
Как радостно и молодо
Сейчас в твоей руке
Горит лазурь и золото
На тонком стебельке.

* * *
Пока душа твоя нежна
Восторгом вольной воли,
Тебе не боль моя нужна,
Преодоление боли.
Любовь и совесть — у ворот
Сторожевые башни,—
Там в тень от завтрашних забот
Уходит день вчерашний.
Твой день в пути. Мой вечер тих.
И ночь за нас в ответе.
А песни ласточек моих
Там, на твоём рассвете.

* * *
И душе сомневаться не ново,
И душе сомневаться права,
Делу слова поверив на слово
И растратив себя на слова,
Чтоб другая могла подивиться
Откровению истинных книг,
Где в бессмертии времени длится
Навсегда остановленный миг.

НА ПОСТУ

* * *

В пустой, заброшенной избе
Покинутой деревни,
Покорная своей судьбе
Своею долей древней,
В последний раз на образа
Перекрестившись сухо,
Легла в углу, закрыв глаза,
Последняя старуха.
Скрестила руки на груди,
Слезы не обронила.
И обо всем, что позади
И впереди, забыла,
Всех, кто о ней забыл вдали
И ничего не знает:
Как умирает мать Земли,
Мать Жизни умирает.

* * *

Среди растений я не гений.
Я — Подорожник. Я расту
По колеям твоих сражений
За жизнь, у жизни на посту.
В свою уверовав победу,
Я шел сквозь миллионы лет
По человеческому следу,
Собой означив этот след.
Я накопил упорства опыт,
Движеньем времени прибит
Под дикий рев, под тяжкий топот
Опустошительных копыт.
Бежали люди, мчались кони.
Гремел огонь. Редела мгла.
В мои зеленые ладони,
Как дождь, людская кровь текла.
И плоть мою в пылу атаки
С землею вместе на клоки
Колеса рвали, мляли траки,
Утапывали каблук.
Но я вставал. Я — вон из кожи —
Лез на твою тропу опять.
Ты человек. Ты можешь тоже
Мое упорство перенять.
(Одна взыскательная дама,
Ко мне признательность храня,
В моей судьбе не видя срама,
Ввела в поэзию меня.)
И я несу свою победу,
Свою надежду и любовь
По человеческому следу
И останавливаю кровь.

* * *

Мир бесконечен и богат,
И небо жизни звездно.
Пусть будет пахарем солдат,
Пока еще не поздно.

Пусть ярче светится во мгле
Мечта сторожевая.
Пусть жизнь ликует на земле,
Пока земля живая.

Земля — твой мир, твой отчий дом,
Твои любовь и дети.
Храни ее своим трудом
И песней на рассвете.

Будь к совершенству устремлен,
Как колос — к солнцу в поле,
Пока бессмертие времен
И вера в нашей воле.

* * *

Железная дорога,
Далекой дали даль
От станции Тревога
До станции Печаль.
Мотаются колеса
В пыли из-под колес.
Высокий скат откоса
Мать-мачехой зарос.
И листья, как ладони,
Вдогонку машут мне
На этом перегоне

В распахнутом окне.
И машинист не хочет
Нажать на тормоза.
Гремучий гром грохочет,
И ветер бьет в глаза.
Локомотив задерган,
Уже немолодой,
Вчерашнего восторга
Сегодняшней бедой.
Летучий поезд мимо
Летит, как заводной,
И родины родимой
И матери родной.
На дальнем перегоне
В далекой стороне
Мать-мачехи ладони
Ночами снятся мне.
Железная дорога.
Далекой дали даль.
Вчерашняя тревога.
Грядущего печаль.

* * *

В песках времен иссякнет наша
речь.
Плоды и песни растеряет лето.
С томительного перекрестка

встреч
И я уйду и ты уйдешь. Но где-то

Проявятся незримые следы,
Которые и в нас оставил Гений,
Как тихие хрустальные цветы
В пустых полях ночных
воображений.

Останется зеленая листва
На дереве познания былого
И музыка вселенского родства
В тоске еще не сказанного слова.

* * *

Я вам за все спасибо говорю:
За рваную вечернюю зарю,
Пронизанную ветром и печалью,
За горький дым
И за далекой далью
Пустых полей
Мелькнувший огонек.
Он для меня
Надежда и нарек.

По щедрости души и своеволью,
Погибелью и самой сладкой болью
Вы стали для меня в укор
календарю.

И я спасибо вам за это говорю.
За взгляд в мои глаза,
За легкую игру,
За взлет воображенья
На пиру
Охваченного страстью листопада.

А если б знали вы,
Как безрассудно рада
Моя душа на вашем берегу
Опять цвести...
Я рад тому, что я еще могу
Сходить с ума...

* * *

Виднее в чаше жизни дно.
Короче ночи.
И все томительней одно
Из одиночеств.
А позади горит костер
У перевала,
Ликует песня, и простор,
И запевала.
И рады песни и весне
Трава и трубы.
И девочка твои во сне
Целует губы.
И сорок миллионов роз
Раскрыли веки.
И реки материнских слез

Текут, как реки.
А впереди и долг и рок,
Томленье наше.
Последней горечи глоток
В последней чаше.
Но ты допей ее, допей
И — кости на кон.
Ты жил с людьми. И для людей
И пел и плакал.
А что там будет впереди,
Мечтой не трогай.
И в одиночество иди
Своей дорогой.

* * *

Что-то страшное в мире творится,
Что-то в мире от мира таится,
Мир в тревоге не спит по ночам.
И гордец человеческий разум,
Словно робот, послушный

приказам,
Продолжает служить палачам.
Может, скорость мечту укачала,
Может, спутало время начала,
По дорогам познания спеша.
Может, правду достигла предела,
В философии общего дела
Разуверьясь, живая душа?
Что-то в мире случилось такое,
Что забыл человек о покое,
О делах, подтверждающих речь.
И всеобщий закон беспокойства
Растерял благородные свойства
Человеческий праздник беречь.
Но издревле донныне на свете,
Перед Прошлым с Грядущим
в ответе,
Человек человеку родня.
И воистину распри и войны
Мы, как боги, оставить достойны
За порогом вчерашнего дня.

* * *

Увы, не представляет разум
Предела жадности своей,
Упрямо следуя приказам
Своих обманчивых затей.
Мы все доводим до предела,
Разъединяя жизни круг.
От наших действий поредела
Ее мозаика не вдруг.
Мир покорён, и мир покорен
Уму и делу, но, увы,
Мир, уничтоженный под корень,
Не восстанавливаем мы.
Посмотришь: кровь по жилам
стынет —
Как это сделать мы смогли
Многоэтажные пустыни
Из нашей царственной Земли?!

* * *

Ах, женщина! Мне тоже опыт дан
Не замечать твой вековой обман.
И никогда
У бездны на краю
Я за обман тебя не укорю.
Мне вековая нравится игра
И неприметный проигрыш добра.
В конце концов
Мне на мое добро
Мое недостающее ребро
Вдруг стало женщиной...

И взгляд ее — закон.
Через нее я с вечностью знаком.
И там, в ночи,
На ложе всех начал,
Я перед ней о вечности молчал,
Пока для нас
Вселенная
Из звезд
К другой вселенной возводила мост
И открывала миру, не тая,
Над бездной мрака
Солнце бытия.

«ПЕРЕКРЕСТОК» И ЖИЗНЬ

...Мне очень хотелось увидеть пьесу «Камень под голову», которую похвалил Свободан Селенич, но ее в мою белградскую неделю не было в репертуаре. И все-таки мне удалось увидеть пьесу о современной сельской жизни. Ее автор Драган Томич вырос в крестьянской семье, окончил юридический факультет в столичном университете, и «Перекресток» — его первая пьеса, поставленная талантливым режиссером, прославленным актером Югославского драматического театра Стевой Жигон. Спектакль получил первую награду Ассоциации театральных драматургов Сербии, и награда эта, безусловно, заслуженная. Я видела, как зал воодушевленно встречал каждую хлесткую реплику героев, бурно переживая все события, происходившие в обыкновенной крестьянской семье. Оба акта пьесы начинались на фоне дороги, по которой, сверкая фарами, с шумом проносились невидимые зрителям машины, оставляя на обочине сербское село. Но дорога эта — не только отличная режиссерская находка, она символ неразрывной связи маленького села с жизнью всей страны.

После спектакля я познакомилась со Стевой Жигон. И с первых же минут беседы поняла, что

века о справедливости, и театр должен бороться за идеалы социализма!»

Тридцать три года Стево Жигон работает в Югославском драматическом театре. Он сыграл ведущие роли во многих спектаклях — в «Короле Лире», «Иванове», «Пигмалионе», «Егоре Булычове», «Манбете». В его постановках здесь шли «Отелло», «Варвары», «Ромео и Джульетта», «Гамлет». В Сомборе и Любляне он ставил спектакли «Ревизор», «Дети солнца», в Москве в его постановке идет «Агония». Чем же привлекла этого прославленного режиссера пьеса молодого автора?

— «Перекресток» — это одна из редких пока еще пьес в Югославии о современности, о судьбах простых людей. В ней показана ситуация, типичная для деревни наших дней, и герои ее — крестьяне, каких тысячи в нашей стране. Такая пьеса дает возможность бороться за зрителя! Мачва — часть Сербии, где происходит действие спектакля, — становится полем битвы между двумя поколениями. На глазах у зрителей решается вопрос: как быть нынешним крестьянам? Уйти с земли? Или остаться? Я не люблю пьес, герои которых — люди со сломанной судьбой, воры, наркоманы, убийцы. Да, такое случается в жизни. Но задача искусства — показать наиболее типичное, близкое людям, а не пугать их ужасами. Для меня в типичном — красота и поэзия. Вот отчего я так люблю Чехова, люблю героев его

лективы из всех республик и краев этой страны. И такие встречи, по его убеждению, дают большой творческий стимул для развития национальной культуры.

НЕСКОЛЬКО ИНТЕРВЬЮ О ЛИТЕРАТУРЕ

Вместе с Миланом Чоличем, который много лет переводит русскую и советскую литературу, мы пришли в гости к писателю Филипу Радуловичу, заинтересовались огромной фотографией великолепного белого скакуна и услышали такую историю.

Живет в Белграде человек, влюбленный в белогривого коня. Дня не проходит, чтобы они не встретились — конь и человек. Если же случается такое, человек бросает самые важные дела и едет к коню мириться. Конь ждет человека, но, увидев, обиженно отворачивается и не берет из протянутой руки лакомство.

— Моего коня зовут Видра, и мы с ним брали на скачках призы, — говорит Филип.

Он вырос в бедной черногорской семье, где было девять ребятшек. В те довоенные годы никто из семьи Радуловича не мог даже мечтать об учебе. Но ему, Филипу, повезло — сообразительного мальчугана взял к себе дядя и отдал в школу.

в войну. В пятнадцать лет взял винтовку, пошел в партизаны.

— Вот тут и началась моя настоящая учеба! У нас в партизанском лагере шли уроки политической жизни, и учились мы на примере большевиков и Красной Армии. Я, конечно, прежде знал о Ленине, но, честно признаюсь, плохо представлял, как проходила Октябрьская революция, и не слышал о героизме красных бойцов революции. Это было для меня настоящим открытием.

Филип вышел в соседнюю комнату и, вернувшись, протянул мне школьную хрестоматию для учеников четвертого класса.

— Здесь есть страничка о моей партизанской жизни.

В небольшом рассказе шла речь о мальчишке-связном партизанского отряда, которого звали Сашей.

— «Саша» — было мое партизанское имя в бригаде, где командиром был Пеко Далчевич, в прошлом участник боев в Испании. Встреча с такими замечательными людьми и определила мою судьбу, ведь именно тогда я пристрастился к чтению!

Я спросила Филипа Радуловича, как он пришел в литературу.

Он улыбнулся: «Это забавная история, и она, кстати, связана с конем!»

После войны он работал, окончил школу, поступил на философский факультет столичного университета. На втором курсе услы-

СЕМЬ ВЕЧЕРОВ В БЕЛГРАДЕ

репортерская судьба подарила мне встречу с человеком остромыслящим, бескомпромиссно влюбленным в театр, и я не удивилась тому, что Жигон с болью и волнением почти дословно повторил все то, о чем также взволнованно говорила Боряна Проданович и ее коллеги в Академии.

«Острая социальная тема, современные герои — вот что делает театр истинным. И я считаю, что коммерческие спектакли, как и коммерческие фильмы, не так безвредны, а мода на декадентское искусство — опасная мода. Меня настораживает и тревожит, когда гуманизм кто-то называет догматизмом или, напротив, догматизм выдает за гуманизм». Так ответил Жигон на мой вопрос о том, как в современном театре отражаются социально-политические процессы, происходящие в жизни общества. Жигон подчеркнул: «Искусство должно служить идеалам ИСТИНЫ. Социалистическая революция осуществляет мечты чело-

вьес, которые и сейчас созвучны современности.

— Русская классика, пьесы советских драматургов много раз ставились на сцене вашего театра. Случаен ли для Югославии этот интерес к драматургии нашей страны?

— Нет, не случаен! Это уже давняя традиция, и корни ее следует искать в истории наших народов, немало вместе переживших тяжелых годин. Что же касается меня, то я, как актер и режиссер, просто не мыслю развития театра без пьес Островского, Чехова, Горького, Толстого. А женские образы русской драматургии — это же бесценная сокровищница! Признаться, что мечтаю поставить спектакль в Ярославле или Воронеже.

Главный режиссер Югославского драматического театра рассказывал мне еще об одной традиции — разнообразии театральных и музыкальных фестивалей, которые ежегодно проходят в Югославии. В них принимают участие театральные и музыкальные кол-

— Главной моей заботой были два белых дядиных коня. С ними я вырос — купал их, кормил, выхаживал, когда они болели, и с той поры я не могу жить без коня!

Филип поставил на стол чашки удивительно ароматного чая.

— Угощайтесь, я добавил в чай нашу черногорскую травку и мед — тоже из нашего села, мне присылает его сестра.

Я пью чай и глаз не могу отвести от удивительно красивого покрывала, сотканного из белой и красной шерсти.

— У нас в Черногории такие наряды прежде носили все женщины, а теперь она скоро станет этнографической редкостью. В нашем селе — оно называется Комани — когда-то побывал Бернард Шоу и написал репортаж. Очень честный это был репортаж, и назывался он «Земля без земли». Я читал его много раз и особенно запомнил строки о бедности моих односельчан и их беспримерном героизме.

Из бедного детства он шагнул

шал, что газета «Политика» объявила конкурс на короткий рассказ, решил попытаться счастья.

— Я написал рассказ о моей партизанской лошади. По условиям конкурса автор должен был подписаться псевдонимом, и я, не раздумывая, поставил подпись — «Конь». Через несколько месяцев жюри объявило результаты, и я узнал, что мой рассказ получил первую премию. Мне показалось, что произошла ошибка, и я не стал звонить в редакцию. Но газета обратилась с просьбой к «Коню» прийти и получить премию. Помню, сильно волнуясь, я постучал в редакционную дверь, и когда меня спросили: «Кто там?», — ответил: «Конь!..» История с конем повторилась во время вручения премии мне. Председатель жюри, известный писатель Бранко Чопич забыл мое имя, замешкался и произнес: «Дорогой Конь! Я и все мои коллеги поздравляем тебя с наградой!» В зале смеялись, и было это двадцать пять лет тому назад.

Теперь он автор десяти романов, и почти все они о минувшей войне.

— Современная югославская литература известна нашим читателям прежде всего как литература о войне. Чем вы это объясняете?

— На нас, писателей, ложится

огромная ответственность перед обществом — нам доверена ИСТИНА ПРОШЛОГО и НАСТОЯЩЕГО. Ведь нет никаких указаний, постановлений, о чем писать и как писать! Если ты берешь в свои руки перо, ты выходишь на суд народа. И те, кто пережил минувшую битву, лучше всего знали и помнили эту Истину и рассказывали о ней в то время, как наша послевоенная жизнь так быстро менялась, что порой писателю бывает трудно угнаться за этими переменами и в них до конца разобраться. А разве вправе ты писать о том, в чем сам еще не разобрался?

— В наши дни акселерация размыла границы между детской и взрослой литературой. Порой уже невозможно провести точную границу между тем, что рано читать и что не рано. Общедоступность духовной пищи с особой остротой ставит вопрос о ее чистоте. Когда вы пишете, думаете ли вы о юных читателях?

— Мое поколение прошло через тяжелые годы, когда горели города, села и погибали герои, которых мы даже не успевали хоронить. Это было время жестокости, принесенной на нашу землю фашизмом, и когда я рассказываю о той поре, я хочу, чтобы молодые люди поняли, что кровопролитная битва с врагом — всегда акт высшей гуманности! Когда же в книжных магазинах я вижу издания, пропагандирующие насилие и жестокость, вижу, что эти «произведения» покупают подростки, и они идут на фильмы, которые смотреть неловко даже взрослым, я не спешу обвинить их родителей в том, что они плохо воспитали детей! Виноваты те, кто отвечает за репертуары кино-театров и за издание подобных «произведений».

Рассказывая о героях своих книг, Филип Радулович отмечал, как много значит для него русская, советская литература. «Очень люблю Шолохова. Пожалуй, он самый близкий мне писатель. Читаю его много, часто перечитываю любимые страницы. Нравится мне также Леонид Леонов. Он бывал у нас в стране. Я с ним познакомился и даже, набравшись смелости, просил его помочь мне встретиться с Шолоховым! И я был счастлив узнать, что в Советском Союзе была переведена и издана Военным издательством моя повесть «Громы пробуждаются!»

...Прощаясь, Филип Радулович поинтересовался, с кем из писателей я собираюсь встретиться. И, услышав имя Божидара Тимотиевича, улыбнулся. «С Богом мы давно приятели, и дом его, кстати, тут неподалеку».

Оба писателя живут в районе, который называют индустриальным бассейном Белграда — тут сосредоточено больше двадцати различных предприятий. В отличие от своего черногорского друга Божидар коренной белградец. Однако с первых же минут нашей беседы выяснилось еще одно обстоятельство. Оказывается, имя Божидара также можно найти в школьном учебнике. «Причем в самом главном учебнике! — смеется Тимотиевич и показывает «Букварь». — Этой книгой я горжусь больше всего!»

Пять поэтических сборников, несколько пьес для детских театров и множество рассказов сделали этого энергичного, жизнерадостного человека одним из популярных в стране детских писателей. Что же заставило его взяться за букварь? Пробую угадать: «Наверное, в доме растут ребята, и эта красочная веселая

книжка с картинками была прежде всего для них?»

— У меня их трое, и когда старшему пришла пора учиться, я прочитал старый, знакомый с детства букварь и понял, что хорошо бы сделать эту книгу по-новому. Профессор Десанка Стоич-Янушевич, которая была такого же мнения, предложила мне вместе с еще одним педагогом создать новый букварь. Сознаюсь, я не подумывал, какой это огромный труд. Зато теперь, когда вижу в руках малыша его самую первую книжку, чувствую себя самым счастливым автором на свете!

— Божидар, я знаю, вы вступили в литературу как поэт-лирик, автор многих песен. Одна из них — «Девочка мала» была очень популярной в нашей стране. Почему же вы «изменили» взрослым и перешли на сторону детей?

— Хороший вопрос! Я часто думаю об этом и чем старше становлюсь, а мне уже сорок четыре года, тем с большим удовольствием пишу для ребят. В наши дни, когда на человека со всех сторон — книги, фильмы, радио, телевидение — обрушивается поток информации, причем часто поток довольно мутный, мы, поэты, первыми должны воспитать в молодежи неприятие цинизма, пошлости.

— Вы считаете, что поэзия может остановить зло на пороге детства?

— Может! Но для того, чтобы это произошло, нужно, чтобы дети любили читать, любили поэзию. Тут главная роль принадлежит родителям, а уже потом — школе. Я с болью убеждаюсь — многие родители мало знают о духовной жизни детей. А ведь если в детстве человеку не сделать прививку от цинизма, его моральное здоровье в опасности.

— Литература, поэзия — в роли врача?

— Я убежден — интерес людей к литературе и поэзии свидетельствует о нравственном здоровье общества. В западном мире есть превосходные поэты, но у них нет читателей, потому что, разувшись в доброте и справедливости, люди отвернулись от поэзии и не верят ей! Бывая в социалистических странах, я убеждался в том, что там любят и прозу и поэзию.

— В Югославии любят поэзию?

— На литературных вечерах я часто встречаюсь с молодыми читателями и каждый раз волнуюсь — придут ли сегодня рабочие? Поймут ли меня крестьяне? И каждый раз радуюсь, убеждаясь, что люди не только с удовольствием слушают поэтов, но и разбираются в их творчестве, задают серьезные, профессиональные вопросы.

— Как бы вы определили роль поэзии в наши дни?

— Поэзия должна честно отражать свое время, быть духовным наставником для людей, а не словесной безделушкой. Не случайно во все времена истории человечества настоящие большие поэты становились совестью нации, ее знаменем.

— А сам поэт, — нуждается ли он в духовном наставнике?

— Безусловно, нуждается! У меня, например, не один, а несколько таких наставников — это наш поэт Кркец, Сергей Есенин. У этих поэтов я учился и продолжаю учиться по сей день. Должен сказать, что до войны у нас ти-

ражи изданий русской классики были крохотными — не более 600 экземпляров, и книги эти буквально ходили по рукам. Мы, я помню, переписывали стихотворения Есенина, Маяковского... Впоследствии, когда мне довелось заниматься переводами советской поэзии и во время моей работы как члена правления Союза писателей Югославии, я познакомился со многими советскими литераторами. Мне даже посчастливилось побывать на Пушкинских днях в Михайловском, и это было настоящим праздником для меня! Там я встретился и подружился с отличным украинским поэтом Виталием Коротичем. Я побывал у него в гостях в Киеве, ближе познакомился с украинской литературой, поэзией и сожалел, что у нас пока очень мало переводят этих интересных поэтов... Моя заветная мечта — увидеть одну из моих книг в руках советского мальчика или девочки.

...Последнее интервью в Белграде оказалось самым коротким. Столе Янкович, член Президиума ЦК СК Сербии, известный деятель культуры, киносценарист, предупредил, что придет на встречу с корреспондентом «Огонька» в перерыве между заседаниями в Скупшине, где в те дни обсуждались важные вопросы развития экономики Сербии. Этот высокий, седовласый и очень усталый человек не был охотником до интервью, и все-таки мы проговорили больше часа.

«Их было двое» — первый фильм по сценарию Янковича был снят в 50-е годы. Почему он написал этот сценарий?

— Честно сказать, я и не думал стать литератором. В то время мне было двадцать пять лет, и по заданию партии я работал в ЦК СК Сербии, занимаясь вопросами культуры. Это было очень интересное, трудное время. Мне, молодому человеку из рабочей семьи, окончив школу, прошел через войну, поручили работать с известными литераторами, профессорами, которым я годился в сыновья и у которых мне надо было многому учиться. Мое поколение входило в литературу, озираясь на авторитеты, мучаясь своей профессиональной неграмотностью. Сейчас, оглядываясь на то время, особенно отчетливо понимаешь, отчего я и мои товарищи все-таки дерзали и писали свои первые сценарии и повести. Мы писали о пережитом, о том, что было главной темой жизни нашего поколения, и без этой правды немислимо было рождение новой, социалистической культуры в Югославии.

Еще подростком он знал наизусть всего «Гамлет», «Сирано де Бержерака», был «весь пропитан есенинскими стихами», оставаясь порой на сон всего пять часов в сутки. Жаждой чтения было охвачено тогда все его поколение, хотя хорошие книги издавались маленькими тиражами, и их трудно было раздобыть. Отчего же теперь югославские издательства сетуют на падение интереса к книгам?

— Верно — есть такая проблема, и думается, тут несколько причин. Во-первых, образование, которое получает молодежь, делает их узкими специалистами в какой-то одной области. Во-вторых, телевидение «крадет» время, и человек становится пассивным потребителем информации. Хотя следует сказать, что в тех семьях, тех домах, где старшее поко-

ление любит книгу, молодые тоже дружат с ней. Например, в моей семье этой проблемы нет — мой сын окончил технический вуз, но читает запоем художественную литературу, поэзию, книги по философии.

— За неделю, проведенную в Белграде, я познакомилась с некоторыми деятелями театрального искусства, кинематографистами, писателями, побывала в кино, театрах, на концерте Белградского оркестра смычковых инструментов, которым руководит Александр Павлович, и у меня сложилось впечатление, что в области культуры сосуществуют произведения несоизмеримых ценностей.

— В Югославии сегодня следует говорить о таких явлениях культуры. Одно — так называемая «коммерческая культура», большого вреда она не приносит, кроме того, что отнимает у человека время. Другое включает промежуточную культуру. Сюда следует отнести те книги и ту музыку, которые уже не назовешь чисто развлекательными, но и к серьезной музыке и литературе не отнесешь. Кстати, часто именно из среды почитателей этой культуры вырастают любители умной, серьезной книги, спектакля и музыки, то есть подлинной культуры. И вот какое отрядное явление я наблюдаю в последние годы — все больше молодежи интересуется не мишурой, а подлинными ценностями культуры, проявляя интерес к нашей национальной классике. Люди чаще стали уходить от телевизора на концерты серьезной музыки, в оперу, на художественные выставки.

Чем же обусловлено их существование? Не проще ли, чем создавать заведомо примитивные в художественном отношении книги, фильмы и спектакли, сосредоточить все творческие силы на развитии истинной, полноценной культуры?

— Вы, очевидно, знаете, что у нас кинематограф, театр и издательство должны в основном рассчитывать на собственные доходы. Так называемая коммерческая культура дешева. Например, переводные комиксы стоят несколько десятков динаров, а хорошая книга несколько сот динаров. Вот и приходится, заработав на дешевой литературе, издавать хорошие книги. И мы издаем много научной, серьезной литературы!

* * *

Моя неделя в Белграде подошла к концу. Конечно, за такой короткий срок я могла познакомиться лишь с некоторыми сторонами культурной жизни Югославии. Мне посчастливилось встретиться здесь с очень интересными писателями, драматургами, критиками, актерами и режиссерами, которые все свое сердце отдают благородному делу служения Искусству. И встречая эти свидетельства о том, как велико и многообразно взаимное стремление народов наших дружественных стран больше знать друг о друге. Вот отчего в дни моего пребывания в Белграде я видела толпы на выставке «Средневековое искусство Грузии». Вот почему с таким успехом в минувшем году проходили в нашей стране Дни культуры Черногории. А в этом году с большим интересом мы ждем начала Дней культуры Сербии.

Белград — Москва.

ЛИЩОМ К МОРЮ

**Юрий КОЗЛОВ,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Мягкое, как бы насыщенное теплом и светом слово «весна» неизбежно влечет за собой ряд привычных ассоциаций: солнечный ветер, деревья в цвету, небесная голубизна, некая всеобщая приподнятость, свойственная именно этому времени года. В Ильичевском ордене Трудового Красного Знамени морском торговом порту имелось все перечисленное за исключением лишь цветущих деревьев. Буйство живой природы подменялось здесь буйством разноцветного металла: контейнерным терминалом — сотнями аккуратных железных прямоугольников всех оттенков, медленно плывущими в воздухе стрелами портовых кранов, автопогрузчиками, снующими от мест разгрузки к складам и обратно, корпусам судов, трепещущими на мачтах экзотическими флагами, причудливыми эмблемами на бортах и трубах. Голубизна неба усугублялась голубизной акватории. Корпус стоящего на внутреннем рейде греческого корабля «Архангел» тоже был голубого цвета, отчего сам корабль казался взметнувшейся к небу волной, на которой покачивалась, как плавающий дом, белая надстройка. И все равно от сопоставления с живой природой этого металлического хаоса, а точнее, металлического порядка, было не уйти: с площадки самого высокого крана порт казался именно цветущим лесом, а если угодно, одним огромным деревом, распространившим необъятную свою крону и на землю и на море, вбирающим в себя все, что приплыло по морю, и одновременно насыщающим пустые трюмы, деревом, которое круглый год встречается и расстается с кораблями, как с листьями.

Ильичевский порт принял первое свое судно четырнадцать лет назад и с тех пор стал морскими воротами страны на юге. Выгодное географическое положение на берегах Сухого лимана по соседству с Одессой, развитая сеть железных и автомобильных дорог позволяют перерабатывать большой поток грузов, а удобная, защищенная от господствующих здесь северо-восточных ветров, глубокая бухта — принимать современные крупнотоннажные суда. В прошлом году, например, в Ильичевском порту было переработано почти восемнадцать с половиной миллионов тонн грузов, принято 2210 судов со всех континентов. Ильичевский порт — место работы семи с половиной тысяч человек. Три взятые наугад судьбы — короткий рассказ о том, чем живет и дышит Ильичевский порт.

ДОКЕР

Анатолий Федорович Ротар — высокий человек в защитной каске, бригадир хозрасчетной укрупненной бригады докеров. Пришел в порт в 1959 году, было тогда Ротару двадцать пять лет. Начиная простым докером, потом работал на кране, стивидором — прорабом на разгрузке иностранных судов и, наконец, стал бригадиром. Как укрупненная хозрасчетная его бригада существует третий год и специализируется на выгрузке труб больших диаметров и листовой стали. Трубы идут на строительство нефте- и газопроводов на Урале и в Сибири.

Порт расширялся буквально на глазах, — вспоминает Ротар, — поток грузов тоже возрастал, необходимо было и докерское дело ставить по-новому, то есть специализироваться. Сейчас у Ротара в бригаде 92 человека, разделенные на шесть звеньев. Деньги получают по суточным нарядам, премия делится на всех поровну. Почти все в бригаде одновременно и крановщики, и бульдозеристы, и трактористы, и шоферы, и «тойотчики» — это от названия японского автопогрузчика «Тойота», — то есть имеют комплекс специальностей, позволяющий коллективу идти на любой груз, на любую разгрузочно-погрузочную технику.

Новички сейчас обучаются всем специальностям сразу, без этого современному докеру нельзя, а Ротар проходил «докерские университеты» в одиночку, на каждую специальность тратил по несколько лет. Пришлось покрутиться, зато и опыт у него большой, опыт, сформировавший его не только как мастера своего

дела, но и как человека с гражданской позицией, имеющего собственное мнение, готового его отстаивать. Ротар говорит резко и острые углы не закругляет.

Трубы идут сплошным потоком. Железная дорога должна непрерывно подавать под них полувагоны. Наше дело — погрузить трубы в полувагоны, но их постоянно не хватает. Если работать на полную мощность, то можно за смену нагрузить девяносто полувагонов, а больше тридцати — тридцати пяти железная дорога не подает. В результате простаиваем. Бывает и по-другому — задерживаются на территории порта уже загруженные полувагоны... Такой напрашивается не веселый вывод: железная дорога сдерживает работу докеров... Ну, а вторых, мы считаемся хозрасчетной бригадой, и, следовательно, нам хочется работать самостоятельно, тем более что резервы-то есть, и немалые. Именно об этом шла речь на недавнем съезде профсоюзов. Как я понимаю хозрасчет? Допустим, повредим технику или груз — сами и платим. Но тогда нужно и нам давать дополнительную премию за досрочную разгрузку судна, как получают строители за досрочно сданный дом. Куда быстрее бы дело пошло, большая появилась бы материальная заинтересованность. Премию мы получаем из фонда материального поощрения, а что, если создать дополнительный фонд за досрочную разгрузку? На совещании портовиков в Новороссийске я поднял этот вопрос. Мне ответили: вопрос трудный, слишком много в портах простых людей. Да, много. Но надо же решать. Принять меры, чтобы и докеры, и железная дорога, и автотранспорт — все были заинтересованы быстрее эти суда разгрузить и вывезти груз. Неужели лучше платить деньги судам за простой во вине портов, чем докерам за досрочную разгрузку?

Вопрос справедливый, и ответ на него портовики ждут и от Министерства морского флота и от МПС. Ведь есть же хороший опыт ленинградцев, умело планирующих и координирующих работу парохозяйства, порта, железной дороги и автотранспорта.

ЛОЦМАН

На базе прежней береговой радиолокационной станции ильичевцы два года назад создали систему «Бриз», позволяющую нынешней службе управления движением судов видеть на теле- и радиолокационных экранах каждое судно не только в акватории порта, но и в радиусе пятидесяти километров. Работа Ильичевского порта теперь не останавливается ни при какой погоде. Имеется план объединить в подобную систему всю акваторию северо-западной части Черного моря.

Александр Семенович Савенко — один из десяти здешних лоцманов. Он окончил высшее мореходное училище, плавал штурманом, старшим помощником, работал лоцманом в Народной Демократической Республике Йемен. И вот уже одиннадцатый год, как проводит суда в порт, швартует их к причалам, ставит на внутренний рейд, выводит в открытое море. Бывает, что и до десяти судов в смену.

Лоцман, когда он находится на борту корабля, несет полную ответственность за все скрытые опасности, о которых не может знать капитан. А обстановка меняется с калейдоскопической быстротой — волна, направление и сила ветра, туман, — и тут при оценке ситуации, принятии решения счет времени идет на секунды. Савенко к этому привык, он один из опытейших лоцманов, которому поручаются самые сложные проводки.

Ему за сорок, но он выглядит моложе своих лет, профессия лоцмана требует выдержки, собранности и хорошей физической подготовки. Чего стоит хотя бы высадиться на судно с лоцманского катера по штурманскому трапу, особенно если волна. Или покинуть судно в открытом море, когда оно идет на большой скорости, и на такой же скорости рядом идет катер, только пена летит белыми ключьями. Судно и катер то соприкасаются, то расходятся, и надо уловить момент, чтобы прыгнуть на палубу катера. Выходит, профессия лоцмана еще и сопряжена с немалым риском...

Заместитель капитана порта по лоцманской службе Игорь Васильевич Орлов рассказал, как в ноябре прошлого года на порт сначала обрушился ураган, а потом два дня бушевал шторм. Многие суда посрысало с бочек, во избежание столкновений их необходимо было вывести в открытое море. В тот вечер вахту несли лоцманы Савенко и Конак. Пришлось вызывать и лоцмана Михайлова. И они сделали

все, чтобы спасти суда. Шел сильный сгон воды, некоторые суда, особенно груженные, могли обмелиться. Особенно это угрожало греческому сухогрузу. А Савенко каким-то чудом удержал его на плаву. Лоцманы работали, пока не стихло на море.

...Вместе с Савенко мы поднялись на борт сухогруза «Иркутск», который шел на ходовые испытания в открытое море после ремонта. Акватория порта из рубки «Иркутска» показалась шахматной доской — туда-сюда сновали пешки-буксиры, неторопливо двигались солидные фигуры — большие корабли. Машину на «Иркутске» удалось завести далеко не сразу, корабль болтался, и Савенко показал высокий класс мастерства, удержав корабль в нужном положении, чтобы его не снесло, не развернуло. Вместо запланированного часа он пробыл на «Иркутске» три. И привыкшее для Савенко лоцманское дело — проводка судна в открытое море — сейчас обернулось своеобразным экзаменом, который он сдал с честью.

Лоцманская служба и есть непрерывный экзамен.

КАПИТАН

Анатолий Тимофеевич Якутин — капитан парома «Герои Шипки». Четыре огромных парома — два советских и два болгарских — уже несколько лет курсируют на линии Ильичевск — Варна. «Герои Шипки» открывал линию 14 ноября 1978 года.

Паром — плавучая железнодорожная станция, каждый раз принимает на борт сто восемь вагонов! Специальный электровоз размещает их на трех палубах. Все было тогда — да и теперь остается — единственным и крупнейшим в мире: и протяженность линии, и сам паром, и сколько он принимает груза, и даже лифт, соединяющий три палубы.

Якутин хорошо знал дорогу на Варну, давно плавал на этой линии. Плавал и в более суровых широтах, когда был капитаном судна «Северодвинск», — в Соединенные Штаты, в Канаду. Однако же все это, как считает Якутин, а сравнение с паромной переправой не идет.

Якутин — капитан не только с морским, но и с инженерным образованием. В 1977 году, как раз накануне открытия переправы, окончил Одесский институт инженеров морского флота. Диплом защищал на тему «Организация работы паромных судов на линии Ильичевск — Варна». Защищал на «отлично», а некоторые положения диплома было решено внедрить в производство.

Сейчас экипаж парома «Герои Шипки» — лидер в социалистическом соревновании советских и болгарских моряков. Лидер не только в плане производственном, но и в том, как организовать быт и досуг моряков. На борту есть оркестр, сауна, дискотека, бассейн, спортивный зал. Все стремится учиться, понимают, что без технического образования на таком сложном комплексе, как паром, не обойтись.

И вот еще что отличает моряков «Героев Шипки» — интернациональная дружба с болгарскими моряками, понимание, что судьбы СССР и Болгарии связаны издавна. Прадед полита Александра Стрюкова — кузнец из Архангельской губернии Яков Демидович Стрюков — освобождал Болгарию от турецкого ига, воевал на Шипке. А отец второго механика Владимира Проскуры освобождал Болгарию уже во вторую мировую войну, был награжден болгарскими медалями.

...Сейчас в порту весна. Светит солнце, и волшебно синеют волны. Огромный паром удивительно легко и красиво на чистой воде в открытом море. Он берет курс на Варну и постепенно скрывается из виду. А в порт заходит другое судно, которое привел другой капитан, которое будет швартовать, возможно, другой лоцман, а разгружать — другие докеры. И так будет всегда, пока существует порт.

Встреча в порту. Капитан парома «Герои Плевны» Иван Иванович Коваль с детьми Оксаной, Марией и Иваном. * Курс — Варна. * В рубке парома «Герои Шипки» капитан Анатолий Якутин, старпом Павел Кудюкин, четвертый помощник Сергей Молчан.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Ильичевский порт. * Бригадир докеров Анатолий Ротар.

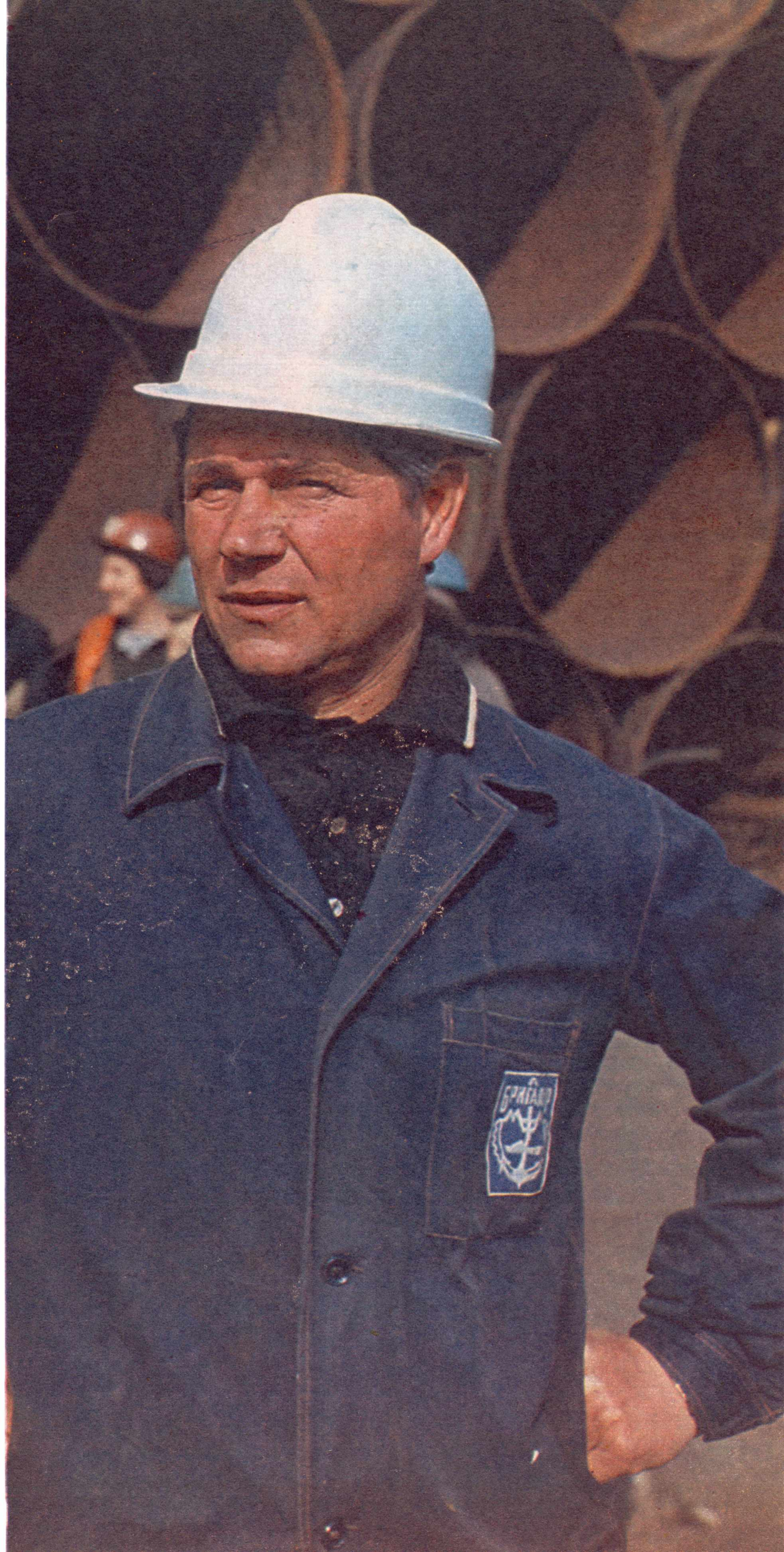
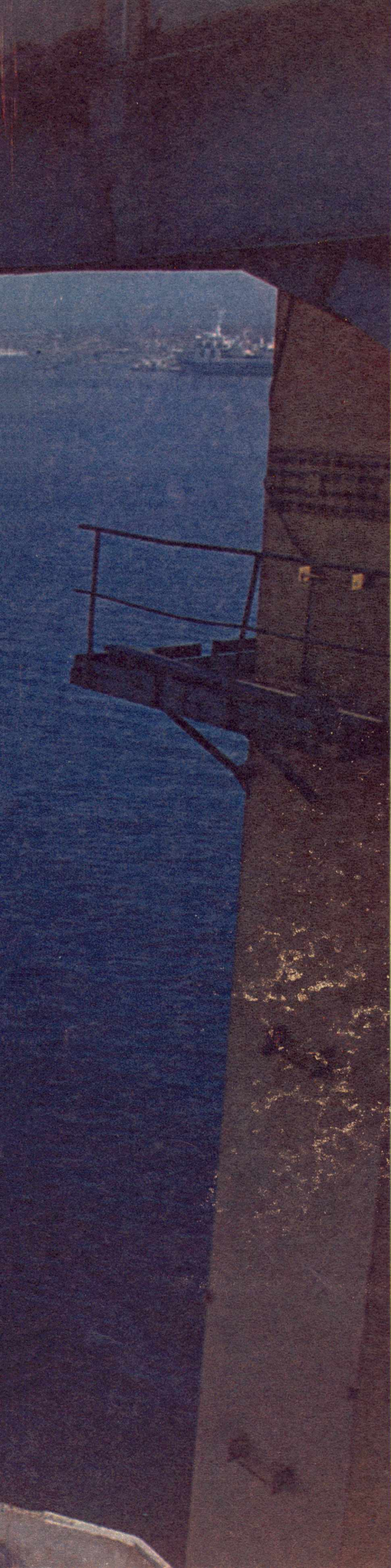

ОСОБАЯ СУТЬ ТАЛАНТА

Трудно писать об актрисе, о которой, казалось бы, сказано все. Драматичное начало творческой биографии Людмилы Гурченко изложено в газетных и журнальных статьях, телевизионных передачах и даже на страницах книг...

А, впрочем, было ли драматичным начало?.. Скорее драматичным стало продолжение, когда на смену шумного успеха, выпавшего на долю главной героини «Карнавальная ночь», пришли годы полузабвения с редкими ролями в проходных картинах.

Но давайте предположим невероятное: жизнь Гурченко в искусстве складывается иначе — после «Карнавальная ночь» и окончания ВГИКа (во время съемок в своем первом фильме она училась на втором курсе) ее приглашают на одну центральную роль за другой, одновременно актриса занята в труппе какого-нибудь глубокоуважаемого театра.

Наверняка способности актрисы помогли бы ей найти свою дорогу в кинематографе, а быть может, и в театре... Но эта дорога, конечно же, ничем не походила бы на путь, который пройден народной артисткой РСФСР Людмилой Гурченко по сегодняшний день...

В связи с этим хотелось бы высказать еще одну «крамольную» мысль. Общим местом большинства публикаций, посвященных либо творчеству того или иного мастера актерского цеха, то ли пресловутой «актерской проблеме», стало утверждение, что, дескать, актеры используются у нас «не по-хозяйски».

Особенно часто такие упреки адресуются кинематографу.

После подобного упрека следует, как правило, стандартный риторический вопрос: а пойдешь ты по-хозяйски(?) к таланту имярек, сколькими (и какими) новыми ролями мог бы он (она) порадовать зрителей?!

«Хозяйское» использование таланта — по мысли тех, кто протестует против небрежного к нему отношения, — видимо, заключается в создании каких-то особых, чуть ли не тепличных условий для его существования. Но тут же возникает вопрос вполне практический: а кто возьмет на себя право после первого же, пусть и удачного дебюта, скажем, на экране, выдавать юному дарованию диплом, «удостоверяющий талантливость»?.. Где и как должен существовать подобный «питомник талантов»?.. Когда, в какое время следует туда помещать тех, чей талант в будущем надо использовать «по-хозяйски», — сразу же по окончании высшего учебного заведения? После удачного дебюта? Или подождать многократного подтверждения первого успеха?..

Полагаю, что актерская судьба Людмилы Гурченко свидетельствует: талант — феномен сугубо индивидуальный, «штучный». Абсурдно было бы «планировать» его «хозяйское использование», при всей внешней привлекательности такой идеи. Хотя, разумеется, могут быть понятны истоки ее появления.

Бережное отношение к народному достоянию — благородная традиция нашего общества, рожденная в первые же дни его существования. И талант, разумеется, нужно всячески лелеять!

Не побоюсь быть субъективным, утверждая, что талант Людмилы Гурченко впервые в полной мере проявился лишь в фильме «Старые

стены», поставленном на «Ленфильме» Виктором Трегубовичем.

Анна Георгиевна — героиня Гурченко — человек непростой судьбы; руководитель крупного ткацкого производства. На протяжении своего рабочего дня она легко разрешает десятки больших и малых вопросов. Но она неопытна, и даже в какой-то мере беззащитна, когда сталкивается с собственными, личными проблемами, будь то встреча на курорте с глубоко симпатичным ей человеком, либо ставящие ее в тупик признания взрослой дочери о неладах с супругом.

— Как это просто у вас получается: любила — разлюбила, любил — разлюбил!... — говорит она с горькой и недоброй усмешкой.

Сложности Анны Георгиевны идут от глубины, порядочности, высокой взыскательности к себе и окружающим.

Актриса рисунком этого образа как бы внутренне полемизирует с легкомысленным отношением к таким основополагающим понятиям жизни, как Любовь, Верность, Долг... Гурченко убеждает нас, что понятия нравственной чистоты и аморальности не существуют сами по себе, в отрыве от «мелочей» повседневной жизни. Тысячи невидимых нитей всегда тянутся от поведения человека в быту к его взаимоотношениям с товарищами по трудовому коллективу, с близкими людьми, с окружающим миром.

Думается, что именно тонкая и точная игра Людмилы Гурченко в той памятной и очень важной для ее творчества картине «Старые стены» смогла вывести эту работу из рамок так называемого «производственного фильма». А ведь, что греха таить, кое-кто и поныне склонен рассматривать эти рамки как некое ограждение, гарантирующее тому или иному фильму снисходительное отношение к его художественным просчетам, к упрощенному взгляду на сложные, актуальные явления действительности.

Надо отдать должное постановщику ленты, сумевшему разглядеть в «девушке с гитарой» исполнительницу объемной, многогранной, драматической роли.

Правда, подступы к ней были вполне ощутимы и в характерах, воплощенных Людмилой Гурченко в фильмах «Рабочий поселок», «Дорога на Рыбцалов», «Дети Ванюшина», «Открытая книга»... А после «Старых стен» последовали съемки в картинах «Двадцать дней без войны» и «Обратная связь». Здесь мы вновь становимся свидетелями филигранной работы актрисы над каждой деталью, каждой чертой новой роли.

Именно эта тщательность отделки создает стереоскопичность, создает ту глубинную атмосферу, что раскрывает простор зрительской фантазии, воображению... За скупыми фразами угадывается страстный внутренний монолог, и мы ощущаем доверие и симпатию к героиням актрисы, «вычисляя» для себя по репликам, жестам, чутким реакциям на происходящее прошлое и будущее этих женщин.

В умении Гурченко кроется особое свойство, особая суть таланта. Я назвал бы его способностью к моноролии, как бы подчиняющей своему влиянию весь ход повествования, впитывающей в себя суть главных идей произведения.

Были, разумеется, у нее за это время и другие роли. Но я хотел бы остановиться на рабо-

тах, которые, на мой взгляд, наиболее полно позволили проявиться драматическому дарованию Гурченко. Ее Тамара из «Пяти вечеров», Рита из фильма «Любимая женщина механика Гаврилова» живут в разные времена. Тамара замкнулась в круге возложенных на себя самоограничений, полагая главным для себя воспитание племянника-студента. В этой истовой отрешенности героини от радостей «мирской» послевоенной жизни явственно читается стремление утопить память о первой любви, о сгинувшем без вести любимом... Но под внешними признаками нарочитой размеренности существования нет-нет да и промелькнет отчаянная страстная мечта о счастье, — будто дальние сполохи какой-то другой, бурной жизни. Это — проявление темперамента горячего, характера живого, непосредственного и чистого. А на поверхности — serene быт, хождение в бигуди по утренней густонаселенной коммунальной квартире тех, уже неблизких лет; тенденция, увы, уже немолодой женщины к чтению нудных нравоучений племяннику... И вроде бы не в силах взорвать эту инерцию даже появление любимого после долгих лет разлуки...

Рисунок образа Тамары в сценарии словно распадается на части противоположные. Но талант и мастерство Людмилы Гурченко убеждают нас в такой сложности, в таком перевооружении, а главное, во всеисцеляющей силе любви. В этом — светлый, гуманистический смысл новых работ актрисы, утверждающей и ролью Тамары и ролью Риты («Любимая женщина механика Гаврилова»), что разговоры о «современных ритмах жизни», которым якобы противопоставлены глубокие и сильные чувства, не имеют под собой никакой почвы!

И Рита, что всю жизнь мечется в поисках такого чувства, и Тамара, которая вроде бы бежит от него, приходят вместе с нами к единым выводам. Счастье любого человека — это верность идеалам юности. Неколебимая верность близким и любимым людям.

И вновь игра Людмилы Гурченко, ее порой почти неуловимые характеристики, неистребимое чувство юмора, которым неизменно наделяет она своих благородных и чистых, а вместе с тем очень разных героинь, убеждают в жизненности образов, дают пищу зрительскому воображению, будят мысль...

Полагаю, это и есть главное свойство щедрого таланта актрисы.

* * *

На этой высокой ноте и закончить бы «прочерчивание штрихов» к портрету Людмилы Гурченко. Однако ноты высокие вряд ли способны исчерпать содержание творчества любого требовательного к себе художника, чуждого суетной шумихе, которая лишь сбивает с толку, заставляет уверовать в собственную непогрешимость.

Думаю, что и саму Людмилу Гурченко не может не беспокоить, при всей своей разности, сходство героинь последнего времени.

Есть все основания надеяться, что уже в самое ближайшее время кинематографическая практика Людмилы Гурченко позволит преодолеть ей «похожесть», принесет нам радость новых встреч с новыми интересными и разнообразными работами актрисы.

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

У

тром того дня, когда должна была состояться демонстрация, некому было заняться Чокнутым Бодом, который вошел в молочный бар, как только он открылся, в семь часов, и потребовал французских конвертов. Он всегда требовал то, что в молочном баре не продается: или гребенку, или почтовые марки, или четки, или овсяную кашу — в общем, все на свете, кроме молочных коктейлей.

Нервный, почти доведенный до бешенства хозяин бара мистер Гил Ганор, который терпеть не мог ежедневных встреч с Чокнутым Бодом, издал страшный вопль, выражая тем самым свой обычный протест: «Послушай, приятель, ты ведь, сукин сын, мешаешь работать! Ты протираешь здесь штаны часами!» или: «Если ты здесь ничего не покупаешь, то проваливай отсюда к чертовой матери!».

Эти полные презрения вспышки гнева в полную силу обнаруживали акцент мистера Ганора, и налет австралийского, тщательно накопленный за двадцать лет, таял, исчезал у него в глотке, вулканически издающей уже что-то невообразимо иностранное. Заскрежедав зубами, он повернулся к Чокнутому Боду.

— У меня нет времени! У меня полно хлопот! Подожди, пока откроется лавка напротив, и ты купишь там эти проклятые конверты. За кого ты меня принимаешь? За вонючего разносчика? Проваливай, проваливай!

Чокнутый Бод, с изнуренным, давно небритым лицом, резко опустился в кресло за одним из столиков и потребовал чаю и гренок.

— Слишком рано! Слишком рано! — хриплым голосом закричал Ганор. — Девушки еще не пришли. Нет ни чаю, ни гренок. У меня полно дел, да к тому же сегодня демонстрация. Может, мой бар разнесут в куски. Откуда мне знать? У меня столько забот, а ты приперся сюда в такую рань и сводишь меня с ума, понимаешь, с ума!

Он ударил себя по лбу кулаком, жалея, что не может ударить Чокнутого Бода.

— Тогда молочный коктейль, — невозмутимо сказал Чокнутый Бод.

У него была явная слабость к молочному бару мистера Ганора, и он приходил сюда почти каждый день с совершенно невообразимыми просьбами; возможно, они ему служили, как стартовый пистолет, началом беседы, так как, когда ему отказывали в этих абсурдных вещах, он не предпринимал ни малей-

шей попытки отыскать их где-нибудь в другом месте. Он сидел здесь часами, наблюдая главным образом за тем, как входили и выходили посетители, иногда предпринимал всегда заканчивающуюся неудачей попытку поболтать с официантками, затем погружался в тишину и, казалось, получал истинное удовольствие от мерного шума миксеров, грохота кассового аппарата, смеха и хихиканья девушек за стойкой.

Он был студентом богословского факультета, перенес невроз, и лишь пять недель назад два проходивших мимо незнакомца предостерегли его попытку броситься вниз головой с моста Харбор Бридж. Мистер Ганор относился к нему с презрением, не умея понять этого странного типа, но никак не мог придумать способа запретить ему посещать свой бар, при этом не заходя, однако, так далеко, чтобы вызвать своих любимчиков-полицейских и засадить Чокнутого Бода за бродяжничество и тунеядство в тюрьму. Нет, так далеко он, правда, не заходил.

Когда пришли девушки, он налетел на них, как петух на кур, и быстро забормotal: «Ведь демонстрация, демонстрация! Боже, что за ужас! Двадцать лет прожить в тихой Австралии, и вот на тебе! Больше нельзя считать себя в безопасности. Дайте им все, что они пожелают. Только не перечьте им! Не хватало нам еще только свалки. Боже, что же со мной будет! А если они не оставят здесь камня на камне?»

Мэй зевнула.

— О, поговорим лучше об этом превосходном вечере в Саут Сидней Лигс. Представьте, мы пошли ва-банк, и выигрыш наш. Хотите, я возьму вас с собой туда как-нибудь, мистер Гил? О, неужели Чокнутый Бод уже здесь? Не верю глазам своим!

Чирил с недовольной физиономией надевала свой розовый халатик.

— Мне нужно было заниматься сегодня утром, а не тащиться сюда и помогать вам.

Она была студенткой ветеринарного факультета. Мистер Ганор никак не мог вдолбить в голову девушкам свои опасения. Им было абсолютно наплевать на демонстрацию, которая должна была начаться на этой улице, как раз возле его молочного бара. Они только ворчали, недовольные тяжелой работой. Они не могли понять находящегося в вечном конфликте ужаса и веселья мистера Ганора. Они не верили в насилие, как верил в него мистер Ганор. Он часто вспоминал дни проведения выборов в своем родном городе там, в Европе, — убийства, вооруженных полицейских, но ярче других воспоминаний были воспоминания о второй мировой войне, когда банды Гитлера прочесывали улицы, сметая все на своем пути, сеяли страх и ужас. Сегодня он испытывал двойное чувство страха и радостного возбуждения. Радостное возбуждение от мысли о большой выручке, а страх от мысли об уличных волнениях, когда могли перевернуть автомобиль, побить бутылки или даже украсть бисквиты с витрины возле входной двери.

Двадцать лет прожил он в Австралии и считал австралийцев спокойными, немного скептическими, даже язвительными людьми. Это не тот народ, чтобы устраивать демонстрации. Разве не видел он, как они осмеивали и вышучивали мятежников и подстрекателей толпы, когда те орали о своих взглядах по воскресеньям в Сиднейском Домейне? Он не мог поверить в Австралию, кипящую от негодования, выражающую свой протест. Двадцать лет, и вот на тебе! Демонстрация возле самой двери его молочного бара. Его сердце тяжело билось, охваченное ужасом

и дурными предзнаменованиями, затем вдруг прыгало от радостной надежды; его болезненное желтое лицо искажалось, сплошь покрывалось глубокими бороздами морщин, как будто он испытывал невыносимую внутреннюю боль.

Бизнес мистера Ганора воздавал ему за то, что можно было бы назвать одиночеством, отсутствием социальной уверенности, столь недостающей иностранцу, а также личной неудачей, ибо он относился либо с презрением, либо с завистью к своим новым соотечественникам и избегал встреч с ними. Его лавка была тем цементом, который заполнял все его душевные пустоты. У него была неистребимая любовь к деньгам, которые ему приносили бар, и он вполне удовлетворялся компанией своих девушек, не испытывая необходимости ни в милосердии, ни в стремлении к общественной деятельности. Его лавка и была мистером Ганором. Он сотворил ее как художник, и, как произведение художника, она сотворила его самого.

Именно поэтому любая угроза ей представляла собой опасность не только для стекол витрин, хромированной стойки и денег, но и для того солидного сооружения, каким стал он сам. Лишите мистера Ганора лавки, и перед вами предстанет голый, пустой, одинокий и бесчувственный эмигрант. Лавка защищала Ганора от современной болезни отчуждения. В своей лавке он самым чудесным образом находился в постоянном контакте с жизнью. Он, конечно, понятия не имел об отчуждении. При первом же студенческом порыве ветра инстинкт немедленно создавал вокруг него защитную оболочку, и за сохранностью этой оболочки он больше всего переживал.

Но сегодня был вовсе не такой день, как всегда, когда он щелкал по головам расшалившихся мальчишек или клая Чокнутого Бода за то, что тот «провонял насквозь» его заведение рыбой и жареной картошкой. Сегодня уже не пелось с таким страстным усердием, как всегда:

Бледные руки,
которые любил я в Шалимаре,
Где вы теперь,
на чем лежите вы плече?
Пусть лучше горло сдавят,
как в ночном кошмаре,
Чем навсегда «гуд бай» помашут мне!
Чем навсегда «гуд бай» помашут мне!

Пение, а скорее завывания трясущегося от страха мистера Ганора — «Бледные руки, которые я любил...» — ужасно действовало всем на нервы. Мэй прокомментировала его в том смысле, что он любил только те руки, которые загребали деньги со стойки, а на те, в Шалимаре, ему наплевать. Гнусный стяжатель.

Эта песня не могла иметь никакого отношения к бывшей жене мистера Ганора, женщине, руки которой были покрыты мозолями от тяжелой работы, а сам мистер Ганор ни по какому, даже самому романтическому случаю не позволил бы себя удушить, предпочтя, конечно, расставание. И в самом деле, он скорее с облегчением, чем с сожалением, воспринял ее «гуд бай». Она встретила менее одержимого человека, который располагал временем, чтобы воспринять ее любовь. Мистер Ганор обычно пел с устрашающей всепоглощенностью и ставил в тупик тех, кто гадал о его сексуальных наклонностях, когда предпочтение отдается песне, а не обременительному реальному существованию любовницы. У всех у нас есть непрожитая жизнь, и вот мы поем, декламируем или чудовищно

ДЕМОНСТРАЦИИ

грезим. Мистер Ганор воспевал свой так и не осуществившийся роман. Но не сегодня.

Его бледность, выражение внутреннего страдания на лице сильно развлекали девушек, которым никогда не приходилось испытать, даже подумав, не говоря уже о том, чтобы прочитать о вспышках насилия в других странах. Они смотрели на демонстрацию как на развлечение, а демонстранты для них были лишь «кучей тронутых». Даже полицейские патрули, хотя и выражали недовольство из-за того, что их лишили привычного «уик-энда», неодобрительно ухмылялись и все время подмигивали друг другу.

Когда время начала демонстрации приблизилось, мистер Ганор выскочил на улицу, чтобы оценить обстановку, и увидел, что ее будущий маршрут с обеих сторон оцеплен невиданными нарядами полицейских. «Как будто в другой стране!» — с волнением произнес он. Он всерьез подумал, не запереть ли лавку, — невероятный шаг, так как бар мистера Ганора был открыт круглый год, ежедневно, даже на страстную пятницу или рождество. Его разрывало на части. Он страдал страданиями шизоида: сердце его ликовало от мысли о хорошей торговле, и в то же время он не мог отделаться от ужаса и печальных предчувствий. Он боролся... боролся с собой. И в конце концов принял окончательное решение: лавка будет открыта.

Смелость — относительная вещь, как и всякое другое. Ибо для мистера Ганора решение не закрывать свою лавку перед лицом возможной демонстрации представляло собой акт мужества. То, что причиной такого решения послужила алчность и стремление как можно больше заработать, и то, что этот мотив пересилил его страх, несколько не умаляло его мужества.

Он рискнет жизнью и всеми своими членами, не закрывая двери перед носом того, что он рассматривал как нашествие мародерствующих орд, которые либо вознесут, либо похоронят его...

Когда он увидел толпы людей, останавливающиеся на своем пути, либо чтобы поглазеть на демонстрацию, либо чтобы присоединиться к ней, внутренности мистера Ганора перевернулись, и его истерический крик: «Мэй, присмотри за лавкой, мне нужно идти!», — когда он пулей вылетел за дверь, стал предметом довольно скабрёзных шуточек, которыми перебрасывались девушки.

— Рехнулся из-за демонстрации, — ухмыльнулась Мэй, и затем, плавно повернувшись к вошедшему посетителю, весело спросила: «Да, сэр, что прикажете?»

Прибегнув к крайности, возможно, под влиянием собственного отчаяния, мистер Ганор вдруг вызвал дьявольское видение эффективного метода дезактивации демонстрантов. Он решил проверить его на своих девушках.

— Вот что я вам скажу. Я сейчас пойду в аптеку, куплю там слабительного и всыплю им в стаканы, когда они появятся здесь... Ха! Ха! Вам смешно? Отличная идея! Тогда они

будут думать только об одном — о туалете! Девушки покатались со смеху.

Тем временем с улицы послышались крики и пение, которые становились все громче, решительней. Они оповестили о том, что демонстрация началась. Поглядывая через полуоткрытую дверь, мистер Ганор увидел в конце улицы сотни людей, направивших на кордон из сцепленных рук полицейских. Тут же стояла пожарная машина, а пожарники держали шланги наизготовку. Он закрыл дверь, не переставая дрожать. Как будто в другой стране! Что же происходит в этой тихой, давшей ему приют Австралии? Когда же заговорят ружья вместо пожарных шлангов?

Вытянувшись за стойкой, как солдат на часах, собрав все свое мужество, он обслуживал многочисленных посетителей, которые вваливались к нему с улицы. Некоторых он знал — из тех, кто ухмылялись, подмигивали и называли демонстрантов не иначе, как «бандой фанатиков» или «кучей спятивших», и он чувствовал облегчение оттого, что эти австралийцы были такими же, как и прежде.

Он страшился реакции толпы, если вдруг полиции придет в голову подавить их желание выразить протест. Он свертотлично понимал выражение «насадить порядок». Он неоднократно был жертвой таких действий. Неудачники, разочарованные во всем, так и не достигшие своей цели, приходили в бар, устраивали здесь дебош, не скупившись на угрозы, издевались над ним, называя его «негодяем», «скотиной», «проклятым иностранцем» и т. д. Да, ему все было известно о том, как «насаждают порядок». И он обладал страстью Цезаря к празднествам, карнавалам, различным увеселениям, — проницательный Цезарь, опасавшийся дурного настроения толпы и заботившийся о том, чтобы выпустить «пар из котла» и растворить недовольство в доставляющих наслаждение мероприятиях. Он, Ганор, конечно бы, одобрил бои гладиаторов в древнем Риме. Он хотел продолжать то, что делает, и не хотел, чтобы его беспокоила ярость черни, ищущей выход своим подогретыми страстям. Он был человеком, перед которым стояла цель, а посему он опасался всего, что вступало в конфликт с его целью: остаться в стороне и тихо-мирно зарабатывать деньги.

Чокнутый Бод, который предавался размышлениям со времени его неудачной попытки броситься с моста, избрал тот момент, когда гул и пение демонстрантов нарастали с улицы, как девятый вал, чтобы сообщить присутствующим результат своих медитаций. Он встал и тихо, но твердо сказал:

— Небесный Пес на моей тропе. Он жаждет меня.

— Да, он только тебя и жаждет. — Мэй усмехнулась и вытерла его стол. — Послушай, любезный, сматывайся отсюда, ты только будешь мешать.

Несколько посетителей посмотрели на Чокнутого Бода, улыбнулись и вновь занялись своими стаканами. Жаль беднягу, спятил.

Чокнутый Бод с заговорщическим видом подошел к мистеру Ганору:

— Вы, конечно, читали «Небесного Пса» Фрэнсиса Томпсона, — спросил он, бесспорно, не без причины.

Мистер Ганор вовсе не был озадачен вопросом, так как можно быть озадаченным только тогда, когда хочешь знать, что же, собственно говоря, люди имеют в виду, задавая каверзный вопрос. Мистеру Ганору было абсолютно наплевать на то, что он не знал. Запуганные люди вряд ли могут соперничать с тем, что они уже знают. Другие могут поколебать или даже уничтожить неизвестное, либо продолжить фортификационные работы с целью самозащиты. Личность мистера Ганора была хорошо укреплена бруствером из мешков с песком против всякой атаки со стороны мистицизма.

— Я ожидал здесь Даму Милосердия, — объяснил бывший студент. — Что же вы нашли здесь иррационального?

— Ее здесь нет, пойдй поищи ее где-нибудь в другом месте, — отпаривал мистер Ганор, в высшей степени не отдавая себе отчета в том, что он отпустил остроту — даже когда стоящий рядом посетитель рассмеялся. Мистеру Ганору были ведомы многие чувства, кроме смущения.

— Видите ли, я бегу от Небесного Пса, — уточнил Чокнутый Бод. Мистер Ганор, который прекрасно понимал сущность «насаждения порядка», сам, однако, вовсе не презирал подобной тактики.

— Ради всего святого, — заорал он, — иди-ка

ты отсюда прочь вместе со своим Небесным Псом. Сидишь здесь уже два часа, и ничего еще не купил.

— Он жаждет меня, — сказал Чокнутый Бод, как будто очнувшись от своего навязчивого сна, и в тот же миг щелкнул по стойке монетой, предназначавшейся для плитки шоколада, что предоставляло ему законное право еще на двухчасовое присутствие в молочном баре мистера Ганора. На лице его было написано ликование.

Мистер Ганор интерпретировал это ликование как выпад против себя и отодвинул в сторону двадцатипятицентовую монету.

— Я тебе ничего не продам. Проваливай. Мне будут нужны все столики, когда придут они.

Чокнутый Бод, однако, кое-что знал.

— Вы не имеете права не продавать мне шоколад.

В конце концов он его получил и вновь занял свое место за столиком.

И вот они уже пошли — демонстранты и толпы любопытных, пришедших сюда либо ради развлечения, либо ради оказания им моральной поддержки. Они загрохотали всю улицу, а их громкие голоса и топот ног заставляли мистера Ганора дрожать и извиваться. В каком же они настроении? Если полиция разгонит их, не выместят ли они свое зло на нем, мистере Ганоре?

Витрины его лавки потускнели, отделенные от света плотной массой людей. Молодые люди несли плакаты с кричащими надписями: «Нет войне! Нет ядерной бомбе!», «Прекратить ядерное безумие!», «Миру нужен мир!». Несколько женщин с плакатами «Наши сыновья — не пушечное мясо!» шумно вошли в бар, занимая места за столиками, как будто они были владелицами этой лавки, заказывали чай, бутерброды. Мистер Ганор считал себя оскорбленным тем, что он рассматривал как произвол и акт агрессии. Но они ведь были только женщины. Хриплым, срывающимся голосом он закричал:

— Никакого чая, никаких бутербродов! У меня не хватает обслуживающего персонала.

Ведь это была его лавка, и он продиктует им свои правила, даже если они убьют его за это, эти нетипичные австралийцы. Он подошел к раздраженным женщинам, не переставая дрожать, но чувство собственника придало ему уверенности и позволило пролиться его гнев. Ведь они были только женщины.

Как раз в этот момент в бар вошли с полдюжины полицейских, бросив внимательный взгляд поверх голов сидящих за столиками. Выражение глубокого удовлетворения распрямилось морщины на напряженном лице мистера Ганора. Вот они, его защитники от всяких беспорядков и буйного поведения. Нежнейшим голоском он осведомился:

— Что будет угодно господам?

— Не могли бы принести чаю и бутербродов на шесть человек?

— Конечно, господа, конечно.

Несколько демонстрантов выразили свой протест:

— Но ведь вы сказали, что нет ни чаю, ни бутербродов.

— Да, да — нет! — сказал с плохо скрытой враждебностью мистер Ганор. Разве они не напугали его до смерти?

— Как же получается, что и то и другое есть для полицейских?

Очень громко мистер Ганор сказал:

— Особая любезность для господ полицейских.

— Это нечестно!

Сейчас демонстранты не видели никакого различия между полицией и ими самими, другое дело там, на улице, когда они скандировали лозунги и напирали на сцепленные мясистые руки стражей порядка. Здесь, в лавке, по их мнению, все люди были равными. Отнюдь нет. В лавке мистера Ганора полицейские были более равными, чем другие. Те полицейские, которые защитят его любимую собственность. Никто не мог претендовать на большее равенство, чем полиция. Мягким, нежным голоском мистер Ганор добавил:

— За мой счет, господа!

Когда он отказался подать демонстрантам чай и бутерброды, он карал их за тот ужас, который они ему внушили, и в то же время буквально лизоблудствовал перед поли-

цейскими, так же навязчиво ласкал их, как это делает супруга мэра перед королевской знатью. Если бы полицейские пользовались большим уважением, то они могли бы себе позволить с презрением отвергнуть крошечную подачку от мистера Ганора, — его потуги удержать их в своей лавке, пока демонстранты еще были на свободе. Но нищие не имеют права выбора, и лица полицейских расплылись в благодарной улыбке, когда подносили с дымящимся чаем и бутербродами проплывали мимо носов голодных демонстрантов и были поставлены на столики перед избранными. Мистер Ганор знал о людях лишь то, что знал о себе, то есть очень мало и лишь с практической точки зрения. Многие люди соглашались «иметь дело» с мистером Ганором после того, как он вкладывал им в руку пачку сигарет или плитку шоколада. Поговаривали, что у него «на крючке» какой-то местный член парламента. Мистер Ганор, этот иностранец и лишенный всякого обаяния человек, свято считал, что никто ничего не сделает для него ради простого христианского милосердия. Все это походило на мелкую сделку, на какую-то мини-политику. Широкий размах был не по плечу мистеру Ганору. Бесплатным чаем и бутербродами он добивался всего, чего хотел.

Какое-то время среди демонстрантов царил недовольство, многие с шумом вышли из бара, некоторые остались, с раздражением принимаясь за напитки и шоколад — единственное, что соизволил подать им мистер Ганор, по крайней мере, пока за столиками сидели полицейские. Новые посетители требовали, чтобы их обслужили, и теперь каждого охотно обслуживали. Мистер Ганор смешился коктейли, продавал бутылки кордиала, точным движением бросал на стойку пачку сигарет или конфеты, бегал по залу, подгонял своих девиц, сладостно дышал, как нетерпеливый любовник. Он теперь был словно на крыльях, совершал услужительные полеты от столика к столику, а кассовый аппарат звенел, как нежный колокольчик. Люди входили и выходили, собирались группами, вели разговоры, — лавка стала похожей на пчелиный улей. Многим приходилось выбирать на улицу или протискиваться на свое место, отодвигая за плечи сидящих. Кассовый аппарат звенел беспрерывно. Мистер Ганор вихрем, как прима-балерина, кружился между столами, переходя от посетителя к посетителю, а его девицы явно устали и начали жаловаться на боль в ногах, расширение вен, головокружение.

Постепенно суматоха стала спадать, в лавке народу оставалось все меньше. Полицейские встали из-за столиков, подмигивая знакомым посетителям, и вышли, кивнув мистеру Ганору, что означало: «Теперь мы квиты».

Кассовый аппарат, изливший музыку, теперь лишь время от времени издавал икающий звук. Девушки сняли липкие от пота халатики с горячим стремлением поскорее уйти и опустить ноги в соленую ванну.

— О боже, — произнес, сияя от счастья, мистер Ганор с искренним религиозным чувством. — Что за прелестный денек!

Его ноги почти не чувствовали цементного пола.

Разошлись по домам последние демонстранты. Их лица были серьезными и безрадостными. А мистер Ганор приступил к подсчету дневной выручки.

Чокнутый Бод вприпрыжку отправился во дворец в счастливой компании своего Небесного Пса, бормоча про себя:

И вот уж слышен шум

Той длительной погони,

И слышу голос я,

И ржут уж близко кони...

Ло, все бежит тебя, ведь ты бежишь меня!

О боже, боже!

В молочном баре мистер Ганор был погружен в свою маленькую, самым достойным образом приобретенную страсть, заворачивая в бумагу сотни монет перед тем, как отправить их в банк. Его трепетный голос выводил:

Бледные руки,

которые любил я в Шалимаре,

Где вы теперь, где вы теперь,

Где вы теперь... теперь... теперь...

Перевел с английского Л. КАНЕВСКИЙ

СУДЬБА ВАЛААМА

Статья специального корреспондента «Огонька» М. Поспелова «Судьба Валаама», опубликованная в нашем журнале (№ 8, 1982), вызвала широкий и заинтересованный отклик читателей.

Уважаемая редакция!

По-моему, защитить Валаам, возродить на нем его красоту, умножить богатство — дело большой государственной важности. И не потому только, что важно оздоровить лес, отремонтировать дороги, реставрировать скиты, но еще и потому, что вид запустения, разрухи, бесхозяйственности, царящий сейчас на Валааме, действует весьма отрицательно в воспитательном, моральном отношении. Резкий контраст между призывами беречь природу, памятники старины, разумно хозяйствовать и тем, что творится на этом благодатном, прекрасном острове, действует прямо-таки разлагающе. Пора бы перейти от хороших постановлений к их выполнению, но, к сожалению, неясно, кто же это должен «перейти к выполнению». Все организации, ответственные за судьбу Валаама, видимо, маломощны и заинтересованы как бы «вообще». К сожалению, не чувствуется, что положение изменится к лучшему в ближайшее время.

Н. КУЛЬБОВСКАЯ,
старший научный сотрудник ИЗ АН СССР

Мы были на Валааме, в восторге от природы и архитектурных памятников Карелии. По тому хотим поблагодарить вас за выступление в защиту Валаама. Он действительно нуждается в срочной защите. Охрана Валаамского архипелага — это вдвойне трудное дело: создается впечатление, что вода не преграда, а скорее прикрытие для промысловиков, «диких» туристов, хулиганствующих бездельников, использующих лодки с моторами.

И, конечно же, нужно создать строгие маршруты пребывания на островах, строго ограничить, а на время реставрации запретить пребывание на острове практически бесконтрольных туристов, доставляемых экскурсионными теплоходами, увеличить престижность ознакомления с Валаамом (да и другими памятниками архитектуры).

Муж и жена САМОЙЛОВЫ, врачи.

С большим волнением прочитал я статью Михаила Поспелова «Судьба Валаама», опубликованную в одном из февральских номеров вашего журнала. По моему глубокому убеждению, этой публикацией редакция сделала большое, благородное дело по спасению неповторимой жемчужины, — Русского Севера, имеющей непреходящее значение для поддержания связи времен, столь необходимой в наш технократический век, для развития русской советской культуры, для укрепления сыновней любви к нашей великой матери-родине.

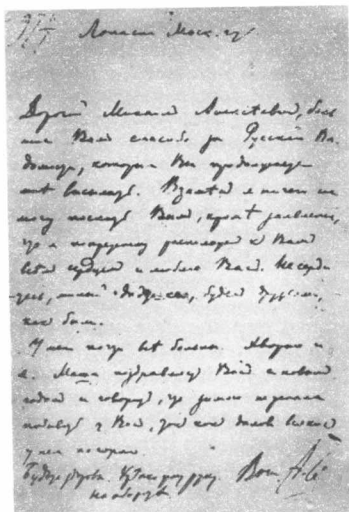
Однако спасение Валаама, «консервация» его уникальных природных и рукотворных красот, по моему убеждению, это необходимая, но лишь первая неотложная мера. Нужна комплексная долгосрочная программа возрождения Валаама как исторического природно-архитектурного заповедника. Такая программа должна включать как минимум четыре подпрограммы: экологическую, историко-архитектурную, культурно-воспитательную и экономическую. Разумеется, говоря о Валааме, я имею в виду весь Валаамский архипелаг и прилегающую к нему акваторию Ладоги.

Убежден, что это должна быть государственная программа. Однако для начала разработку такой программы можно начать на общественных началах. Думаю, что желающие принять участие в разработке такой программы среди поклонников Валаама найдутся. Во всяком случае, автор этих строк в их числе.

М. ЛЕМЕШЕВ,
заведующий отделом экономических проблем природопользования Центрального экономико-математического института Академии наук СССР, доктор экономических наук, профессор.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. П. ЧЕХОВА

Автограф письма А. П. Чехова
[публикуется впервые].

М. А. Саблин, Е. А. Кнорре (внучка Саблина), Н. М. Блинова (дочь Саблина), А. М. Саблина [публикуется впервые].

В. САБИНН

Подлинник этого письма был найден недавно в бумагах Елены Андреевны Кнорре. Письмо адресовано ее деду Михаилу Алексеевичу Саблину — статистику и общественному деятелю, соиздателью газеты «Русские ведомости». В газете, выходившей с 1863 года, печатались Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Короленко, Тимирязев и другие, вел музыкальную хронику Чайковский. В девяностые годы в газете часто публиковал свои произведения А. П. Чехов. Саблин и Чехов связывали не только деловые, но и дружеские отношения, которые возникли еще до того, как Чехов стал печататься в «Русских ведомостях». Чехов был знаком с детьми Саблина, в частности с сыном Владимиром Михайловичем, впоследствии известным книгоиздателем и переводчиком, с дочерью Надеждой Михайловной — матерью Е. А. Кнорре. 9 февраля 1890 года Чехов отвечает на просьбу о помощи писателя К. С. Баранцевичу, связанную с возможностью публиковаться в «Русских ведомостях»: «Нахожу более резонным действовать через единого из пайщиков («Рус-

ских ведомостей».— В. С.) Саблина, доброго моего знакомого... Саблина я увижу сегодня на балу в Благородном собрании; если не увижу, то завтра напишу ему письмо». Саблин неоднократно гостил у Чехова в Мелихове, Чехов останавливался у Саблина в Москве. В 1894 году 27 апреля Чехов пишет из Мелихова своей сестре, М. П. Чеховой: «...Михаил Алексеевич у нас», а 23 июля сообщает ей же: «...Мой адрес: Арбат, Б. Власьевский пер., дом Офросимовой, кв. Саблина. Живу в одной квартире с Потапенко...» Несколько позже, перед отъездом из города Сумы в начале августа, Чехов пишет В. А. Гольцеву: «Ждем тебя в Мелихове 15 августа. Непременно приезжай вместе с Михаилом Алексеевичем. Потапенко, солнце и луна потонули в блаженстве. Будь здоров!!!»

До сих пор было найдено и опубликовано (впервые в 1929 году) лишь одно письмо Чехова к Саблину, от 12 августа 1897 года (десять писем Саблина Чехову хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина). Еще о трех известных из писем Чехова и его адресатов. Теперь к опубликованному письму прибавляется письмо, содержащееся в настоящей публикации. Оно найдено через 52 года

после первого и через 85 лет после написания! Вот это, письмо:

6
«97 $\frac{1}{1}$ Лопасня Моск. губ.

Дорогой Михаил Алексеевич, большое Вам спасибо за Русские ведомости, которые Вы продолжаете мне высылать. Взамен я ничего не могу послать Вам, кроме заявления, что я по-прежнему расположен к Вам всем сердцем и люблю Вас. Не сердитесь, милый дедушка, будем друзьями, как были.

У меня почти все больно. Хвораю и я. Маша поздравляет Вас с новым годом и говорит, что зимою не успела побывать у Вас, так как делов всяких у нее по горло.

Будьте здоровы. Крепко жму руку. Ваш А. Чехов.

На обороте.

Р. С. Я должен Русским Ведомостям, давно уже должен, но... что делать? В этом году я постараюсь погасить свой долг.

Василию Михайловичу привет и поклон.

Судя по содержанию и характеру, это письмо написано в связи с какой-то размолвкой между Чеховым и Саблиным: «Не сердитесь, милый дедушка, будем друзьями, как были». Предположение о размолвке, притом длительной, подтверждается и тем, что примерно за месяц до этого, 12 декабря 1896 года, Чехов пишет в постскрипту к письма к Лине Мизиновой: «Дедушка на меня дуется». Есть еще два интересных обстоятельства, говорящих в пользу высказанного предположения. Первое заключается в том, что все пять писем, о существовании которых известно, относятся к одному году — 1897, при этом публикуемое письмо является по дате наиболее ранним. По-видимому, именно оно положило конец размолвке, после чего установилась переписка и прежние дружеские, близкие отношения. Вторых, Чехов в публикуемом письме пишет о том, что давно должен «Русским ведомостям». Последний раз до этого письма он публиковался в газете в октябре 1895 года (рассказ «Анна на шее»). Такой большой перерыв мог быть связан с размолвкой. Свое обещание погасить долг Чехов выполнил в конце 1897 года 16 ноября: в «Русских ведомостях» был опубликован рассказ «В родном углу».

Теперь о прозвище «дедушка», которое также свидетельствует о близких отношениях между Чеховым и Саблиным. Оно встречается неоднократно, но только в переписке с узким («семейным») кругом лиц. Это сам Саблин и Лина Мизинова, а также М. П. Чехова и В. М. Соболевский, которому в конце публикуемого письма Чехов передает привет и поклон. Впервые в опубликованных письмах прозвище «дедушка» возникает 7 марта 1894 года, когда Чехов заканчивает письмо к М. П. Чеховой словами: «Кланяйся намим, Гольцеву, Лине и дедушке». Писательница Т. Л. Щепкина-Куперник в своих неопубликованных воспоминаниях (архив В. В. Саблина — внука М. А. Саблина) пишет, что это прозвище дала Саблину она, и при следующих обстоятельствах. Както в разговоре с ней Саблин сказал, что хоть она и «маститая писательница» (прозвище, данное ей Чеховым), но для него она все равно что его внучка Леля, то есть Е. А. Кнорре, в бумагах которой и найдено публикуемое письмо. Внучка (Щепкина-Куперник помнит ее в возрасте 4—5 лет, то есть в том, в котором она снята на приводемой фотографии) часто заходила с няней к Саблину в редакцию и принимала участие в чаепитиях. Е. А. Кнорре впоследствии сама вспоминала эти чаепития и то, как она сидела на коленях у Чехова, который за ней очень «серьезно» ухаживал.

СВЕТЛЫЙ СЛЕД

«Рисунок акварелью» — назван сборник произведений талантливого владимирского писателя Сергея Константиновича Никитина, ушедшего из жизни в расцвете таланта уже скоро как десять лет. Творчество этого признанного мастера слова, его тонкую поэтическую манеру письма можно смело сравнить

Сергей Никитин. Рисунок акварелью. М., «Советская Россия», 1981. 256 стр.

с прозрачной акварелью. Чего стоит, например, этот лирический нусочек прозы из рассказа «Голубая планета», дающей нам в какой-то степени представление о языке и стиле писателя: «Знаете ли вы эти дни апреля, когда в скрытых от солнца уголках еще лежит снег, еще пахнет им тревожно и шально, а на припеках уже зеленеет трава и, хилый, сморщенный, вдруг сверкает в глаза, как золотой самородок, первый одуванчик? В такие дни впервые открывают окна... блаженно улыбаясь, часами сидят у ворот на лавочках; в такие дни кажется, что счастье — это просто солнце, просто воздух, просто жизнь сама по себе».

Сергей Никитин оставил небольшое по объему литературное наследие, но сумел сказать в русской советской литературе свое самобытное слово, самостоятельно продолжившее творческую линию «поэтов прозы» И. Бунина, М. Пришвина, К. Паустовского...

Писатель в своих рассказах дает нам непосредственное ощущение родины, изначальной красоты род-

ной ему природы центральной России, правдиво и убедительно изображает доброе и радостное в помыслах и поступках встретившихся ему в жизни людей.

Герои никитинских произведений прапорщик Ладыгин (рассказ «Рисунок акварелью»), кузнец Федор («Оброк»), лесник Кандыбин («Мой знакомый Леший»), колхозница Даша, плотник Матвей («Красивая»), юноша Митя Ивлев («Падучая звезда»), старик Никон («В бессонную ночь») и другие — люди, казалось бы, неприметной судьбы и профессии — запоминаются нам и оставляют после встречи с собой теплый, светлый след в душе. И в этом нет ничего удивительного. Ибо писатель видит в них не так называемых «маленьких людей», а частицу нашего могучего русского народа.

«В моей городской жизни», — говорил С. Никитин в рассказе «Чудесный рожок», — бывают периоды, когда неодолимо, властно, до тоски меня начинает тянуть к реке, к запаху луга, к дымку костра, к случайным встречам с такими же охотниками — бескорыстными и

немногословными любителями природы, с колхозными пастухами, бакенщиками, лесниками».

Мастерски написанные рассказы и короткие повести С. Никитина вводят нас в широкий и многообразный мир интересов этих людей. Через них писатель выразил свои сокровенные мысли о родном Отечестве и русском народе, свое понимание смысла жизни на земле.

«Жизнь моя прошла, как большой праздник. Я радовался тому, что принимал от природы и людей, и еще больше радовался тому, что отдавал людям. Уходя, я оставляю им все и через это остаюсь вместе с ними. Будешь ли ты писать книгу или пахать землю, делай это не для себя, а для них, и никогда глухое отчаяние конца не сожмет твою сердцу...» Эти слова произносит герой рассказа «Весна, старый писатель, маленький мальчик и рыжая собака». Это же целиком можно отнести и к писателю Сергею Никитину, невольно предугадывающему в них и собственную судьбу.

Николай ЛАЛАКИН

Сергей ЛЫКОШИН

«Веруй в человечество, в силу гения, в будущее, в самого себя. Знай, откуда ты исходишь, чтобы знать, куда стремишься».

Иван Киреевский

Без малого полтора столетия назад основоположник отечественной критики В. Г. Белинский писал, что «человек...—сын времени и воспитанник истории: его образ чувствования и мышления видоизменяется сообразно с общественностью и национальностью, к которым он принадлежит, с историческим состоянием его отечества и всего человеческого рода». Говорилось это в той части второй статьи знаменитого пушкинского цикла, где речь шла о развитии литературы как отраженного мировоззрения человека. В задачах и целях литературы мало что изменилось. Все также остается в центре ее внимания человек, как прежде в лучших ее творениях отражаются все наши сомнения, поиски и обретения.

В литературе, как известно, новое не рождается вдруг, внезапно — разве в тех случаях, когда объявление «новизны» становится самоцелью пишущего, — оно, новое, естественно нарастает и развивается с течением литературной мысли, в соответствии с разви-

тые на сегодняшний день понятия и критерии. Именно таким должен быть историзм нашего подхода к литературе. Именно в этом — обещание развития нашего миропредставления. Только такое понимание великого Отечественного Слова принесет и более четкое понимание того, что в его судьбе и в нашей жизни происходит. Стремление к такому историзму уже ясно обозначилось и в самой литературе. Об этом и хотелось бы сказать в настоящих заметках...

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ

Обращение к судьбе каждого человека неизбежно влечет обращение к судьбе народа, равно как и обращение к народной истории неотвратимо заставляет говорить о жизни каждого его представителя. Еще живы в памяти многочисленные дискуссии вокруг так называемой «деревенской прозы», мотивы критического осуждения, претензии к камерности поставленных ею задач, а вот уже и пришло полное признание необходимости и неизбежности возникновения этого литературного направления, достаточно подробно охарактеризованы его положительные свойства, дана высокая государственная оценка произведениям многих его мастеров. Конечно, литература о человеке из народа, о корневом росте нашего Отечества еще не сказала, да и вряд ли когда-либо скажет свое последнее слово. (Тема эта в литературе вечна и непреложна. Остается лишь пожалеть, что иногда мы об этом забываем.) Но на волне общественного интереса появились уже произведения иного свойства, раскрывающие жизнь и поступки этого человека в масштабах глобальных, показывающие судьбу его и его рода в развитии судьбы государственной, говорящие о том, как на его жизнь, на его нравственные устои накладывает отпечаток сама история. В период, когда на время замолчали наши лучшие «деревенщики», занятые, согласно их собст-

Мы помним своеобразную хронику жизни нечерноземного, коренного русского села Липяги, написанную Сергеем Крутилыным, знаменитой тетралогией Федора Абрамова, прошедшего литературных героев по нетеренным до него дорогам советской истории, ждем появления новых частей широкого по замыслу, честного, правдивого романа Василия Белова «Кануны». Писатели эти — первопроходцы в жанре народного летописания, но Арсений Ларионов сделал то, что давалось в нашей литературе немногим. Он соединил жизнь героев с многовековым народным опытом, с традиционным укладом здоровой народной морали, показал роль предания, обряда и традиции в их жизни и отразил развитие этой традиции в характере молодого современника. От этого жизнь героев стала не просто наполненной бытовым, будничным смыслом, сплошным преодолением горестей и невзгод, а обрела особое духовное содержание, несущее смысл такого преодоления. Преодоления во имя продолжения того, что всегда существовало — во имя особой народной обязанности продолжения крестьянского рода. В романе «Лидина гарь» — два светоносных идейных стержня. Это, во-первых, Селиверст Павлович Кузьмин, которого, говоря словами автора-хроникера, «судьба не баловала от рождения», и второй — его воспитанник, деревенский парнишка Юрья, на долю которого испытаний приходится тоже немало. Селиверст Кузьмин — тип народного мудреца и подвижника. Человек он по-своему образованный: и книги, оставленные в его доме ссыльным революционером-большевиком, прочел, да и по свету с винтовкой и плотничьим топором побродил, житейского ума-разума набрался. Селиверст — человек опыта и убеждений, соединенных с непреложной верой в добро. Он не суеверен, но верит свято в способность добра материализоваться в живые образы, и в этом похож на него Юрья: им обоим и только им являются видения шагнущей в огонь ради спасения родного Лышегорья жены Селиверста, праведницы Лиды. Добро, по Се-

НА ДОРОГА

ем нашего сознания и миропредставления. А потому, когда говорим мы о вновь приходящих в нашу словесность качествах, то как бы само собой подразумеваем и отмечаем новые свойства нашего общественного миропредставления. Не установились уже, в силу какой традиции или инерции стали мы оценивать весь ход развития нашей литературы в довольно странных временных звеньях — десятилетиях. В нашу критику и литературоведение прочно вошло разграничение всего цикла существования литературы в советское время на «дециметры пути»: литературы «двадцатых», «тридцатых», «сороковых» и так далее годов. Видится в этом и жажда качественного сопоставления внутри самобытного молодого ее организма, желание оценить органически слитые ее этапы, точнее познать особенности перерастания ее из одних форм в другие, стремление точнее познать себя. Но нередко угадывается в таком делении и другое — намерение расщепить и противопоставить, изобразить десятилетия ее жизни полярно разными, и тогда уже слышен мертвящий оттенок в словах «литература семидесятых коренным образом отлична от литературы шестидесятых годов». Сейчас, когда многие болезни роста позади, когда неизбежно отпадают от нашей литературы искаленные этими болезнями побег, когда окрепла она и ствол, и кроной, можно переходить и к более масштабным, и историческим оценкам ее жизни. Нужно, и даже совершенно необходимо говорить о всей судьбе отечественной литературы, объединившей в многовековом опыте духовные знания десятков поколений, от времен пращуров и до настоящих, включая, как и положено, в эти оценки и новые, сравнительно недавно пришедшие, но самые совершен-

венным словам, сказанным со страниц «Литературной газеты», поиском и работой, в нашей литературе произошло явление нескольких значительных и по-своему каждое замечательных произведений. О них и речь, ибо они и стали носителями нового, приходящего в нашу литературу взгляда.

Не всегда новое имя бывает сразу замечено критикой, но и не каждый год дарит нашей литературе имена, заслуживающие особого внимания. В прошедшем, 1981 году, однако, такое имя появилось.

Роман Арсения Ларионова «Лидина гарь» сразу обратил на себя внимание критики и читателей. Поначалу, правда, это внимание было настолько пристальным, что появились весьма торопливые и потому, должно быть, не совсем точные оценки этого произведения по первой половине его журнального варианта, напечатанного в «Молодой гвардии», под названием «Рябиновые грозды». Роман оказался своеобразным, емким по содержанию и идее, написанным по-настоящему талантливым человеком. Свежая образность языка, идущая от понимания и чувства глубин народной речи и питающего эту речь быта, точная расстановка нравственных и идейных акцентов, непривычная для современной прозы сказовая интонация, раскованное течение действия и психологическая убедительность — это ли не свидетельство яркого, самобытного дарования? Написан роман от лица авторского, и речь в нем идет о жизни архангельского села Лышегорье, о нелегкой, драматичной жизни нескольких лышегорских семей, но главное — о судьбе Отечества, отразившейся в жизни лышегорцев, и о той высокой духовной стойкости, которую обрели они в годы испытаний.

Ливерсту, — понятие не отвлеченное, но конкретно происходящее из жизни. В размышлении о «жизни новой, которую предстоит утвердить», это убеждение звучит так: «А чтобы свет ее был постоянным и негасимым, сколько сил надо положить. Но ведь если не мы, то кто за нас? Мы и есть жизнь. Живое в нас сильнее смерти, сильнее, раз мы способны переносить столь великие бури человеческие, как революция, гражданская война. Сильнее, вот и я теперь за гребень жизни, можно сказать, держусь крепко. Надо жить, раз во мне есть силы... Не настал еще тот день, когда умереть лучше, чем жить...»

Одухотворенный стоицизм Селиверста Кузьмина — прямое отражение его нравственной и душевной чистоты. Что хорошо, в романе он представлен не как нечто идеально-экзотическое, но как самобытное, стойкое — и не случайное, а на народной почве возросшее. И в горьком рассуждении самого автора, выросшего Юрья, есть отражение полного понимания этой самобытности:

«А в детстве-то среди многолюдной деревенской родни все было по-иному — проще, теплее, сердечнее. Хотя бывало и голодно, и холодно, и просто тяжело среди бесконечных житейских невзгод. Но все же жилось там легче, отношения были потребнее и естественнее. Душа не столь была ограничена в своих проявлениях... И теперь еще, рассыпавшись по всей стране, мы по-прежнему силу берем от них, наших родителей, от родной земли, покинутой нами, несем дальше извечную, противоречивую, но пылко страстную, безумную в своей неистовости мысль о человеческом счастье. Этим они приметили нас в лице, душе, характере...»

Станным, кстати сказать, выглядит удивле-

ние одного из критиков романа — Анатолия Карпова — по поводу якобы недостающего Арсению Ларионову умения изобразить «душевную жизнь героев». Дескать, и «кипение страстей» в любовном треугольнике Старопова — Ляпунов — Антонина вызывает... лишь чувство мелкого недоумения, смешанное с некоторым смущением: куда девалось только что обнаруженное умение писать ярко, а главное, точно? да и «нескромные взгляды» такие, что критик, по его собственному выражению, готов «руками развести» — «такой накал страстей да в наших холодных краях». Отмечая при этом, что автору, несмотря на стремление «вырваться из рамок бытописательства, выявить в своих героях сокровенное, значительное», «удаётся, но далеко не всегда», Анатолий Карпов как бы подчеркивает неполноценность психологической основы романа. Упрёк серьёзный и досадно несправедливый в своей голосовности.

Именно «кипение страстей», достоверность душевных движений и психологическая мотивированность всех жизненных поступков героев утверждают единство реальной их жизни (очевидно, той, которую в изображении Ларионова критик называет «бытописательством») и нравственной, духовной ее основы, обретенной и Селиверстом и Юрьей в опыте поколений. И в этом, я бы сказал, целомудренном изображении действительных человеческих чувств нет ни пошлости, ни неуклюжего натурализма.

В изображении душевного мира героев Арсений Ларионов проявил завидное умение мастера. Ну, а доказательством тому достоверность облика и Селиверста Кузьмина, и Юрью, и не нашедшей житейского счастья председательши Староповой...

«Мысль о человеческом счастье», несомая народом сквозь тернии всех невзгод и испытаний на протяжении веков, не она ли свидетельство его исконной мощи и духовного здоровья, в борьбе с этими испытаниями об-

возложено временем высокое назначение защитить родной дом, близких и Родину перед лицом врага. Это роман о неизменной расплате, которая настигнет всякого изменника, даже в том случае, если жизнь его, казалось, складывалась так, что давала право на «выбор». Для одного из персонажей романа, «антигероя» Ильи Рамзина, этот выбор, казалось, был именно так предопределен: несправедливый арест отца в годы культа личности трагически повлиял на характер Ильи, безвыходность боевой ситуации и как итог — плен, долгие годы жизни на Западе. Во всем вроде бы угадывается печать злого рока. Казалось бы, не Рамзин, а кто-то другой предопределил несправедливый «выбор». Но в том-то и дело, что ответственность писатель возлагает на Рамзина. В результате Илья Рамзин стал изгоем. Тем самым он лишился своей гражданской судьбы, став лишь физической, пусть даже мыслящей и страдающей единицей. Он утешает себя тем, что не мог поступить иначе, что оказался жертвой рокового стечения обстоятельств. Для Ильи Рамзина все, что было когда-то между ним и другом его — героем романа — художником Васильевым, как он сам выражается, «быльем поросло». Однако, как выясняется, не «поросло» и не забылось тепло материнского дома: тянет Рамзина домой, к матери. И смерть не хочет он принимать на чужбине — едет в Москву, чтобы там, на Родине, лишить себя жизни. А в итоге, как он сам это понимает, жизнь эта, несмотря на долголетнюю ее сохранность и благоустроенность, оказалась лишённой всякого смысла. Мало того, отрицание породило в Илье беса растления. Люди, общающиеся с ним, переживают нечто вроде искушения, как происходит это, скажем, с дочерью Васильева. Последним он чрезвычайно напоминает другого «ничейного» человека, героя «Бесов» Николая Ставрогина, взявшего, как мы помним, такое же право выбирать, что для него гоже, а что нет, и брезгливо отбросившего все нравственные устои. Да и конец у Ставрогина был тот же, что и у Рам-

тикой по-разному. Хотя в целом все и отметили его гражданский пафос, признали произведением значительным в постановке главных вопросов времени, все же раздавались голоса, отказывавшие роману в народности, ставившие роман вне литературной традиции, упрекавшие Юрия Бондарева в нравственном волюнтаризме, и т. д. Безусловно, «Выбор» — произведение сложное, временами чрезмерно усложненное противопоставлениями позиций героев, щедрое на всевозможные оценки и характеристики, но при всем том цельное и гармоничное по идейному решению. Многообразие в данном случае не признак идейной расплывчатости, но свидетельство разностороннего и глубокого понимания жизни. Четкость проявления идейной позиции художника определена уже самой нравственной сутью характеров героев. Бондарев достаточно определяет свою писательскую задачу в словах о поколении, чья «искренняя чистота, наивная вера... в справедливость и честность человеческого мира... четыре года зажигала костры самосожжений». Новый роман Юрия Бондарева стал утверждением идеи личной ответственности каждого за судьбу Родины и человечества.

Создавая новые общественные отношения, история непреложно вершит судьбы людей.

В нашей литературе Анатолий Иванов известен как писатель, взявший на себя ответственность изображать события сложнейшего, кровавого периода народной истории. Периода классовой борьбы. Что и говорить, задача не легкая, тем более если учесть, что дела этого времени и участники их еще живы и само время борьбы горячо дышит в затылок нынешним поколениям. Потому-то и исполнен особый смысла труд писателя, посвятившего творческий поиск истории недавней, тесно связанной с историей прошлой и вырастающей в историю современную. Герои Анатолия Иванова живут в период высочайшего духовного накала. Жизнь их полна такими испытаниями,

Х И С Т О Р И И

ретаемых. Роман Арсения Ларионова наполнен и земным чувством и высокой поэзией народной легенды. Это произведение в некоторых своих линиях, может быть, и написанное с несущественными подробностями, но в целом — достойно художественное и высоко-идейное, укрепленное твердой верой автора в непреходящие ценности народного характера, утверждаемые с течением исторического опыта. Роман «Лидина гарь» не может оставить читателя равнодушным.

Обращен не только к человеку, но к целому поколению соотечественников, к нравственному опыту этого поколения, поверяемому опытом всей национальной и мировой истории, Юрий Бондарев в новом романе «Выбор».

Юрий Бондарев неоднозначно решает поставленные перед ним временем и опытом истории задачи. Его творчество лично, в хорошем смысле пристрастно. Заинтересованное, углубленное рассмотрение прожитого и пережитого, постоянно развивающееся мировоззрение писателя, стоящее на основе знания и чувства этических и идейных ценностей, хранимых народной историей, неравнодушие к судьбам отечественной культуры — все это позволяет ему в каждом романе открывать новые грани смысла человеческой жизни, воплощать вечные идеи в самых современных образах. Если когда-то в «Тишине» речь шла о судьбах людей, хранящих достоинство и честь в любых, самых крайних ситуациях, то в «Выборе» герои, люди того же поколения, доказывают уже право и неизбежность ответственности каждого из нас за свою судьбу перед лицом истории и народа. Роман «Выбор» не что иное, как отрицание самой возможности «выбора» для человека, на которого

зана. Страшная в своей трагедии судьба Ильи Рамзина поучительна.

Художник Васильев не избалован судьбой, временами его жизнь полна отчаяния и тревоги. Любимая, но не очень-то любящая жена. Душевно искалеченная подонками дочь. Узость и прагматизм профессионального круга с духотой его кастовых интересов. Временами это доводит Васильева до нервных припадков и глухого отчаяния. Но Васильев в отличие от Рамзина всегда оставался верным нравственным устоям своего народа. Страдание для художника Васильева — спасающее мир начало. В достойном противостоянии искушению «выбором» для Васильева заложена основа его творчества, в этом его нравственный и духовный стержень. «Нет, среди тысяч смыслов и выборов есть один — великий и вечный...» Так думает Васильев. А в словах его, обращенных к итальянскому искусствоведа Боцарелли в ответ на вопрос того: «Что должен делать талант художника — прощать человечеству кровавые грехи, войны, убийства или сдаться на него? Любить или ненавидеть?» — слышится ответ самого Юрия Бондарева: «И прощать и не прощать. Любить и ненавидеть... Искусство — самопознание человечества и его самонаказание. Самонаказание... в смысле исторической вины за всю пролитую кровь, за все страдания. Самонаказание необходимо для сохранения человечества... Искусство призвано сохранять человеческое в человеке! Без всяких этих надоевших до черта де Садов, Захер-Мазохов и Фрейдов!»

«Человеческое в человеке» в романе «Выбор» — это верность своему, пусть самому нелегкому, но праведному патристическому долгу.

Роман Юрия Бондарева был прочитан кри-

которые приходятся на долю народную в критические и ключевые моменты истории, когда меняются эпохи, подвергаются испытанию на прочность общественные образования. Жестокость по отношению к классовому врагу и готовность к полному самопожертвованию во имя спасения близкого по духу и идее — особенность этих переломных времен. В понимании этого заключен правдивый историзм прозы Анатолия Иванова.

«Глубоко социальные, так сказать, органические социальные по своему смыслу произведения Анатолия Иванова захватывают нас диапазоном своего общечеловеческого наполнения. Писатель рассказывает о жизни сибирских крестьян, вернее, о жизни выходцев из сибирского крестьянства. Однако обуревающие их чувства, страсти, их вождения оказываются характерными для самых разных социальных слоев в эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму». Так характеризует творчество Анатолия Иванова известный советский критик и литературовед А. И. Овчаренко. К словам этим трудно что-либо добавить, за исключением разве того, что с выходом новой повести «Вражда» творчество Анатолия Иванова открыло читателю особые черты понимания отечественной истории и характера человека из народа.

Как всегда, уже в начале повествования писатель ставит внешнюю сторону развернутого в произведении конфликта. Изложение ее хроникально скупое на краски и сжато: «В високосный день 1944 года, 29 февраля, во вторник, старший из шести оборванцев Катки Афанасьевой — Мишуха, застрелил из берданки председателя романовского колхоза Арте- мия Пилюгина, давно вернувшегося с фронта

по ранению, орденосца». В этом выпуклом, полном драматизма изложении события, казалось бы, все представлено точно, как в протокольной записи. «Орденосец», «фронтовик», «председатель колхоза» убит «оборванцем» Мишухой. Существо дела при формальном взгляде на него не вызывает сомнений. Совершенно злое, кровавое, подлое. Но читаешь повесть и убеждаешься, что не преступление, а акт возмездия вершил своими детскими руками Миша. Возмездия не просто за черное, скотское надругательство Артемия Пиллюгина над Мишухиной сестрой Катериной, но наказания по приговору, вынесенному всей историей деревни Романовки, у начала которой когда-то, еще, согласно молве, «при царице Екатерине», стоял трудовой мужик, переселенец Роман Пиллюгин. От права Пиллюгина-первого на лучшие земельные угодья, от рвачества его потомков и рассекло кривой вражды деревенский мир, противопоставило и столкнуло немущих и угнетенных с обросшими «добром» и распоясавшимися Пиллюгиными. Глубокие корни дала вражда в поколениях — ненависть к семье Афанасьевых, немало поучаствовавших в справедливом разделе пиллюгинского хозяйства в революционные годы, проросла и в сердце Артемия; проросла и змеей ужалила ненавистный «афанасьевский корень» в трудное для всех военное время. И когда это произошло, расплата за все зло пришла из рук ребенка. Мишуха понес наказание, и его беда стала той искупительной жертвой, которая и погубила последние отголоски кровавой вражды. В повести Иванова речь идет не столько о «вражде», сколько о том, как избивается она в народе. Образ «вражды» в этом смысле символ. С одной стороны, ран, врачуемых временем и чистой людских душ, а с другой — неизбежного отсечения всякого зла от здоровой плоти народной жизни. Время бьет, но время и врачует. И как заросли на романовском кладбище едкой полынью могилы атамана Сасония и его сына Артемия Пиллюгиных, как исчезла память о их злом дольстве навсегда, так и будут вечно шуметь над Россией «о вечной и нескончаемой под щедрым солнцем жизни» деревья, посаженные принявшими на себя самые тяжкие дела земного переустройства и народного обновления подвижниками Афанасьевыми, да Тихомиловыми, да и всеми другими тоже...

В повести «Вражда» творчество Анатолия Иванова обрело как бы новую историческую перспективу. Сказано точно и убедительно и о страданиях народа во время войны (с болью читаешь страницы о том, какой ценой держался и работал романовский колхоз в военное время, какой не только трудовой, но и душевный подвиг совершили оставшиеся в деревне женщины. Героизм их будничный, повседневный сродни и под стать фронтовому подвигу романовских мужчин!) и о стремлении его к духовному оздоровлению и самоочищению, писатель еще раз засвидетельствовал

способность нашего человека к созидательному продолжению своей истории.

Если мир Анатолия Иванова — мир емкого общественного образа, где судьба героя подчинена некоей исторической закономерности существования народа и государства и оттого проза писателя по-своему философски насыщена, то в творчестве Михаила Алексеева все исполнено предельной сосредоточенности на судьбе одного человека, на конкретных подробностях народной жизни. Социальные обобщения в его прозе всегда происходят от частного изображения быта и уклада.

Новый роман Михаила Алексеева «Драчуны» займет, думается, особое место в творчестве писателя. Никогда доселе картины народной жизни не давались им с такой предельной полнотой, в такой обобщенной исторической сути. Роман этот автобиографичен. Об этом не раз пишет сам автор, и в его размышлениях о прошлом, в изображении подробностей этого прошлого открывается читателю такое описание народных бедствий и высокой стойкости людей, подобные которому не часто встретишь в литературе. Голод, лишения, горе, вызванное потерей близких, Михаил Алексеев показывает с чувством человека, все это пережившего, и это придает роману чрезвычайную достоверность и убедительность. Все начинается с человека, и все держится на человеке. Любая сцена, будь то охота на хорька, мясом которого надеется вылечиться заболевшая во время голода мать, или, скажем, сельская ярмарка, умирающие на дорогах от истощения люди, или похороны в братских могилах, любое изображение характера односельчан, от взрывчатого горячего отца Ваньки Жукова до фальшивого в своей идейности заезжего чиновника Воронина, страстная вера нового директора школы в дело революции — все исполнено высшей меры художественности, поверяемой правдой жизни. Читателю открыта живущая в писательском сердце боль и убежденность, что правда о трудном времени невзгод и побед — лучшее средство утверждения нашей исторической правоты. Михаил Алексеев вправе говорить спустя полвека:

«И как ни тяжело и ни горько вспоминать... я все-таки обязан сделать это перед... памятью людей, отдавших свои жизни хоть и не на боевых рубежах Великой Отечественной, но совершивших подвиг уже одним тем, что в самую трудную годину, до самого своего смертного часа не разуверились в Советской власти, не предали ее анафеме, не прокляли, заведая эту святую веру всем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых поворотах истории».

Нет, роман «Драчуны» не слеза, пролитая по безвременно ушедшим сверстникам и близким, он — прочное историческое свидетельство, документ народной истории, наполненный высоким авторским чувством и убеждающий в великой жизнестойкости наших людей. В наивной истории ниоткуда, по злему и нелепому

недоразумению возникшей ребячьей ссоры, в том, как разделила эта ссора односельчан накануне бедствия и как забыты были все обиды перед лицом его, есть не малый, но великий смысл! Ведь история живет действительным ходом событий и уроками, которые мы из событий этих выносим. Ведь самое горькое, что в результате ссоры и драки нередко кто-то остается один и одиночество это ничем не восполнимо. Горько звучат в конце книги слова о пропавшем в те годы без следа друге-друге:

«Нет, нету Ваньки. Пропал без вести мой дружище еще до войны. Не замурован ли живо в чьем-либо погребце?..

Тугой, шершавый и горячий ком протискивается к горлу откуда-то снизу, из-под самого, кажется, сердца, заслоняет дыхание. И, молчаливый, слышу накаляющийся издали взволнованный, захлебывающийся Ванькин голос:

«— Миш... Миша... Михаил! И зачем только люди дерутся?.. Давай с тобой никогда... ну, сроду не будем драться!»

В детской прямоте этих слов встает в памяти весь роман, встает со всей необратимостью хода времени, со всей невосполнимостью понесенных утрат. И вместе с Михаилом Алексеевым ни на минуту не усомнишься в том, как надо хранить такой ценой выстраданное...

Говоря о пробуждающемся интересе писателей к исторической судьбе народа, можно было бы вспомнить и другие произведения, так или иначе обращенные к этой теме, с разной мерой полноты, пристрастия и достоверности развивающие ее. Это прежде всего роман Сергея Сартакова «Свинцовый монумент», повесть Петра Проскурина «Черные птицы», роман Даниила Гранина «Картина», повести «Старик», «Дом на набережной» Юрия Трифонова. К сожалению, предметного разговора о связи этих произведений с темой исторической народной судьбы наша критика практически не вела. Однако можно предположить, что со временем он станет неизбежным.

Литература, как и в былые времена, учит нас соотносить исторические события с делами нашей личной жизни, с нашими нравственными устоями; помогает переводить чувства личные в категории общественных и наоборот. Сказать иначе, литература учит нас жить по совести. Ибо отношение к Родине, наши гражданские чувства — тоже понятия нравственные. Нашу сердечную связь с Отечеством определяет не только чувство, но и мораль, чувством этим рожденная. Путь нами пройден немалый. В осмыслении сложившихся на протяжении этого пути убеждений — залог будущего духовного роста и развития. И до той поры, пока литература и мы вместе с ней живем событиями ближайшей и за временем стоящей истории, мы должны и будем идейно совершенствоваться. Главное же в процессе этого развития, чтобы наши убеждения не противоречили нашим историческим поступкам.

В ТРАДИЦИЯХ КЛАССИКИ

КИНО

Кадр из фильма «Бешеные деньги». Лидия (Л. Нильская), Васильков (А. Михайлов).

Еще одну пьесу Островского — «Бешеные деньги» — увидит благодаря кинематографу самый широкий зритель страны. Много лет она с большим успехом идет на сценах театров, а вот теперь интерпретирована в новом жанре, но в лучших «старых» традициях классики. Трантовка произведения, которую предлагает режиссер-постановщик и автор сценария народный артист СССР Евгений Матвеев, и в расстановке сил и в характеристике этих сил сохраняет верность замыслу самого Островского, его отношению к происходящим событиям и героям.

Два лагеря противостоят друг другу. Но силы их неравны. Одна сила — убывающая. Другая — крепнущая. Ее представляет единолично Васильков — именно он противопоставлен драматургом всем этим людям: Телятеву, Глумову, Кучумову, матери и дочери Чебоксаровым, олицетворяющим безделье, тунеядство, душевный упадок. На протяжении всего фильма человек, попавший в чуждую для

него среду. Васильков, ведет непримиримую борьбу с любителями «бешеных» — обязательно дармовых, чужих — денег, и последовательно одерживает победу над всеми остальными «героями».

Режиссер и актеры заставляют понять, что конфликт «Бешеных денег» гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Это не просто столкновение оскудевшего дворянства и новой, растущей силы. Это конфликт нравственный. В фильме ярко показано духовное истощение «высшего сословия». Перед нами паразитирующие личности, не только отрешенные от какого-либо созидательного труда, но даже не думающие о смысле собственной жизни, не помышляющие ни о каких светлых перспективах. Телятев, блистательно сыгранный Ю. Яковлевым, скоро попадет в долговую яму, Чебоксаровы вконец разорены. Кучумов живет на чужой счет, тратит средства жены, Глумов откровенно пошел на содержание...

Васильков чужой среди них.

А. Михайлов великолепно сыграл эту роль. Его герой — настоящий самородок, талантливый русский человек, словно увидев далеко вперед будущее развитие страны, увлеченно работает — создает промышленность. Он, обладатель «бешеных» денег, вовсе не жаден, но прекрасно понимает, как трудно сколотить капитал из ничего. Он знает цену копейке и потому превыше всего ставит честный труд. Хотя впоследствии, может быть, заведет даже и собственный салон, в котором найдет свое место его красавица жена...

С волками жить — по-волчьи выть, и нелегко живется Василькову в этой стае. Но он знает, чего хочет, перед ним большая цель, и это вызывает к нему глубокую симпатию. Понимаешь, что и в дальнейшей жизни несладко ему придется, о чем, наверное, постарается Лидия и ее мамочка. Эти роли в фильме очень точно исполняют артистки Л. Нильская и Е. Соловей.

С. КОЛЫБЕНКО

Ю. Подляский. РОЖДЕНИЕ МАГИСТРАЛЬНОГО. 1979.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40

А. Ткачев, С. Ткачев. СВАДЬБА. 1972.

ГЛАВА VI

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД

Чтобы время не пропадало зря, Басков по дороге от дома Ольги Андреевны Шальневой до железнодорожного вокзала заехал в горотдел милиции и позвонил Марату Шилову — велел узнать адрес Юрия Игоревича, Антонины Ивановны и Нины Матвеевны Мучниковых, а если есть телефон — то и номер телефона. Он почему-то твердо был уверен, что они живут вместе, хотя для такой уверенности не было никаких оснований, кроме тона Ольги Андреевны в тот момент, когда она говорила о Мучниковых. Вторым пунктом Басков продиктовал Марату связаться с Ленинградом и уточнить адрес Игоря Андреевича Шальнева, который, по предварительным данным, прописан в доме на Суворовском проспекте.

Так что, приехав на Петровку в пять часов пополудни, Басков имел все необходимые данные. Мучниковы, бабка, мать и сын, и вправду жили вместе — на проспекте маршала Жукова. Марат записал и телефон.

Вернувшись в Москву один, без полковника Серегина, Басков освободился от невольного чувства подчиненности перед старшим, которое хотя и не очень-то тяготило его, но все-таки мешало и слегка раздражало, как раздражает человека надетый не по погоде лишний свитер или плащ.

Басков сел за стол, закурил и сочинил в уме первую свою деловую фразу — чтобы, как он выражался, не начинать разговор со здоровья. Набрав номер, он после третьего гудка

Но дело действительно касается его сына. Мне нужно задать ему один вопрос, всего один.

На этот раз рычаг как будто скрипнул и перевернулся в другую сторону.

— При чем здесь Юра? Он отца в глаза не видел, он за него не ответчик.

— Понимаю. Но мне надо увидеть вашего внука. Он в Москве?

— Да, в Москве.

— Вечером я могу застать его дома?

— Вы обязательно должны его видеть? А по телефону разве нельзя?

— Можно, конечно, но лучше... — Басков оборвал себя, подумал и сказал: — Впрочем, вы правы... Будьте любезны, дайте мне его рабочий телефон.

Голос Нины Матвеевны, не теряя своего привычного напора, сделался почти нежным:

— Прошу вас, не звоните на работу. Он там недавно... Его еще плохо знают... Он очень нервный... Должность ответственная... Это же внешнеторговая организация.

— Ну хорошо, — согласился Басков. — Когда он придет домой?

— Он на машине... У нас «Жигули»... — Нина Матвеевна заговорила быстрее и с прежней уверенностью. — Так что я позвоню, скажу, чтобы не задерживался.

Басков обратил внимание на то, что она произнесла «задерживался» вместо «задерживался», и в душе подивился, сколь крепко может сидеть в человеке какой-нибудь нелепый порок произношения, приобретенный черт знает когда и где, но в один момент снимающийся с человека даже самым тщательным образом наведенный многими годами городской лоск. И ничего тут зазорного нет. Это как метка на лапе у окольцованной птицы — по выбитым там буквам и цифрам можно узнать, откуда прилетела...

— Значит, когда я могу застать? — спросил он.

— Я-то должна на фабрику ехать... Просят выступить перед работницами как ветерана Великой Отечественной. — Рычаг переключился на «возвышенно». — Я на пенсии... Персональный пенсионер... Но от жизни народа не отрываюсь, дорогой товарищ...

Басков подумал, что уже видел этого красавчика, и начал было гадать, где, но тут же вспомнил фотокарточку, которую показывала Ольга Андреевна. — Юрий Мучников глазами был очень похож на Игоря Андреевича Шальнева.

Из-за правого плеча Юрия на Баскова с прищуром смотрела завитая и напудренная пожилая дама, одетая в черный костюм и белую кофту с кружевным воротником. На бортах ее жакета блестели медали и значки. Значит, Нина Матвеевна все-таки отменила встречу с фабричными работницами. Из-за левого плеча Юрия выглядывала другая женщина — копия Нины Матвеевны лицом, но моложе лет на двадцать. Басков догадался, что это мать Юрия.

Поздоровавшись, Басков сказал:

— Я на одну минуту.

— Нам можно присутствовать? — как бы только для того, чтобы соблюсти необходимые приличия и не ущемить права пришедшего, поинтересовалась Нина Матвеевна.

— Пожалуйста, — немедленно согласился Басков. — Никаких секретов нет.

— Прошу вас. — Наметанным глазом окинув и оценив одетие гостя, Юрий Мучников плавным жестом показал на дверь комнаты, заведенную портьерой.

Басков хоть и не смотрел на него в этот момент, но маршрут его взгляда и выражение глаз угадал безошибочно — по тому, как было сделано приглашение, ясно, что костюм Баскова не произвел впечатления.

— Не надо, — отказался Басков. — Я тороплюсь. Скажите, Юрий Игоревич, вы не посылали в последнее время телеграмму в Ленинград?

— Совершенно четко отвечаю: не посылал, — стараясь быть приятным, но не умаляя собственного достоинства, отвечал Юрий. — Ни в Ленинград, ни в другой город Советского Союза, а также за рубеж я в последнее время не посылал.

— Кому телеграмму? — не выдержала Нина Матвеевна.

— Шальневу Игорю Андреевичу.

— Юра даже не знает его адреса! — повышая голос, сказала она.

Три черепахи

услышал бодрый, густой, среднестатистически приветливый женский голос:

— Вас слушают!

Басков знал по опыту, что такой безлично приветливый голос тут же меняется в ту или иную сторону — в жесткую или мягкую, — как только его обладателю становится известно, кто на другом конце провода.

— Здравствуйте, — сказал Басков. — Это Нина Матвеевна?

— Да. С кем я говорю?

— Это майор милиции Басков. Беспокою вас по вопросу, касающемуся вашего бывшего зятя, Игоря Андреевича Шальнева. Но вы не волнуйтесь, никаких неприятностей для вас лично тут нет.

Рычаг переключения голосовых связей сработал автоматически.

— Я и не волнуюсь. Он что, не алименты ли от сына получать захотел? — с надменной жесткостью спросила Нина Матвеевна.

— Ну что вы! — сказал Басков и с удивлением отметил, что в точности, вплоть до интонации, повторил любимое восклицание Ольги Андреевны. И, кашлянув, тоже изменил тон: —

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—17.

— Басков, — скучным голосом подсказал он.

— Да, товарищ Басков... Так мне, может, лучше отменить?

— Нет-нет, — испугался Басков. — У меня к вашему внуку всего один вопрос. Самый простой... И ответить на него может только он сам... Не беспокойтесь, все будет в порядке.

— Надеюсь... Так я сейчас с ним свяжусь.

— Благодарю. Я приеду в восемь. Будьте здоровы. — И Басков повесил трубку, не дожидаясь ответного пожелания.

Он попробовал покритиковать себя за крайне необъективное, неприязненное отношение к этой Нине Матвеевне, которую он совершенно не знал и никогда не видел. Но эта его попытка, подобно самокритике людей, выступающих на общих собраниях, была явно формальной и притворной. «А за что, собственно, я ее должен любить?» — спросил себя Басков и бросил это пустое притворство.

В восемь вечера он был на проспекте Жукова. Дверь ему открыл высокий молодой человек в сизо-голубом вельветовом костюме и малиновой рубашке с расстегнутым воротом. Поглядев в его серые холодноватые глаза,

— Кто это Шальнев? — спросил Юра у бабушки.

— Вот видите! — воскликнула она, победно глядя на Баскова.

— Да, все ясно. — И, подумав, Басков продолжал: — Тогда еще дополнительный вопрос: двадцатого июля, в пятницу, вечером вам никто не звонил? Часов в десять-одиннадцать...

Юрий наморщил свой идеально гладкий, красиво вылепленный лоб и, помедлив, вспомнил:

— Видите ли, мы в пятницу уехали на дачу. — Он поглядел на мать, ожидая подтверждения.

— Да, Юра заехал за мной на работу в шесть часов, а в семь мы были уже за Внуковым, это я точно помню, — молвила молчавшая до этого мать Юры. — Слушали по радио последние известия.

Нина Матвеевна посмотрела на нее снисходительно и сказала:

— Надо коротко и ясно отвечать. При чем здесь последние известия? А я вообще всю ту неделю жила на даче.

— Ну ладно, — сказал Басков. — Прошу простить за беспокойство.

Басков повернулся к двери, протянул руку к сложной системе запоров, но Юра предупредил его.

Шагнув за порог, Басков, не оборачиваясь, сказал:

— Счастливо оставаться.

— Всего хорошего, — в один голос ответили мать и сын.

Дверь закрылась, масляно щелкнув замками. Басков закурил сигарету и потому не стал вызывать лифт, спустился по лестнице. На последней ступеньке он выбросил эту семью Мучниковых из головы. Он испытывал досаду — может, оттого, что после очного общения с ними опять почувствовал неприязнь к этим незнакомым людям, а больше все-таки потому, что его надежда заполучить путеводную нить от Юры к происшествию на бульваре Карбышева оказалась напрасной.

К себе домой он добрался в девять. И едва вскипятил чайник — зазвонил телефон. Это был Серегин.

— Вы где, Анатолий Иванович? — спросил Басков.

— У себя, в гостинице. Что новенького?

— Сын отцу телеграмму не посылал. А телеграмма подписана «Юра».

— А почему вы так мрачно?

— Тот, кто посылал телеграмму, все до тонкости изучил, очень хорошо осведомлен о семейных делах Шальнева. И действовал без осечки. Боюсь, такого двумя пальцами не ухватишь.

Серегин хмыкнул.

— Вы же знаете, Алеша, иной раз слишком большая осведомленность преступника может дать наводку лучше, чем его ошибки.

В словах этих заключался целый метод. Ну, если и не метод, то один из принципов, которыми можно руководствоваться при розыске преступника. Ищи того, кто мог, например, знать все о разрушенной семейной жизни Шальнева, и, может быть, этот человек как раз и окажется преступником.

Басков был достаточно опытен, чтобы не считать такой подход неким открытием, открытием. Это обыкновенные азы розыскной практики. Но слова Серегина вернули ему равновесие.

Басков медлил с ответом, поэтому Серегин подул в трубку.

— Алло, Алеша! Вы меня слышите?

— Да, Анатолий Иванович.

— Я думал, куда-то пропали... Я говорю, где тонко, там и связывать.

— Наверно. Вы представляете, как Шальнев к сыну рвался... В каком состоянии был... Без промаха действовали...

— А рука-то все-таки дрогнула.

— Ну, это, может, по непривычке к мокрому делу.

— Тоже штрих. — Серегин продолжал вселять в него оптимизм и уверенность. — Лозунг шахтеров знаете?

— Вперед и ниже?

— Ну хотя бы... Не поздно будет нам посидеть?

— У моего отца друг был, моряк, он говорил: поздно только голого раздевать.

— Так приезжайте.

— По маленькой?

— Я из своей большой кружки да-авно не пробовал. Вы прямо в гостиничный ресторан, я места займу.

Басков нашел Серегина в переполненном ресторане гостиницы «Будапешт» за отдельно и уютно стоявшим возле самых дверей столиком. Играл оркестр, пела низким меццо-сопрано высокая брюнетка на эстраде. Публика танцевала.

Разговаривать было трудно, приходилось близко сводить головы, и со стороны, наверное, казалось, что собеседники поочередно жуют друг другу ухо. Все же, пока усиживали графинчик и закусывали каким-то фирменным салатом и семгой, Серегин сумел передать Баскову половину из того, что рассказала ему Ольга Андреевна. Вторую половину он досказал, когда провозжал Баскова на Пушкинскую улицу, на остановку троллейбусов № 3 и № 23.

— Крепко ее Балакин окрутил. Видно, большой ходок по этой части, — сказал Басков.

Но Серегин возразил:

— А может, он ее не морочил? Может, собирался жизнь налаживать?

— На ворованные деньги?

— Тогда у него не ворованные были. Не честным трудом добытые, но и не ворованные.

— Как это?

— А так... Я от нее в горотдел заехал. У них архив налажен превосходно, в пять минут дело нашли. Читаю, и картина любопытная. При обыске обнаружили у Балакина чужой паспорт, поддельное удостоверение личности, рыбацкое, китобойское. И около десяти тысяч рублей — старыми, конечно. А своего паспорта нет. И нигде не устроен, хотя еще годом раньше из колонии вышел — справка имеется. Ну, стали допрашивать: откуда деньги, чей паспорт? Паспорт, говорит, в поезде у одного раззавы принял, а деньги в карты выиграл, в очко. В Сухуми хаза была, играли по крупной, он банк держал. Почему на место не определился, чем жил? Хорошее место подыскивал, а жил картами, да кореша, мол, старые долги отдавали. Начали ему вопросы о Шальневых задавать: почему у них остановился, кто они ему такие? И он заявляет: Ольга Шальнева ему фактическая жена, надо только зарегистрироваться. И просит отпустить его для этого хотя бы на день.

— Тут в протоколе должно стоять: «Смех в зале», в скобках, — пошутил Басков.

— В скобках ничего нет, а смех, наверно, был... И напрасно. — Серегин сердито покалывал в кулак. — Задержали его, взяли у прокурора санкцию — до выяснения... А Балакин той же ночью совершил побег из ка-пз-зз. И попал ему под руку милиционер из новичков — досталось бедняге, три недели в больнице лежал. Балакина словили еще до утра... Ну, и вкатил ему суд пятерку... А насчет денег он, между прочим, не врал. Проверили — и хазу эту в Сухуми нашли и свидетелей...

— Может, и насчет регистрации не врал, — уже совершенно серьезно заметил Басков.

— Вполне возможно.

— Интересно, догадался он, кому спасибо сказать должен?

— Тут ежу понятно.

— Повезло Нине Матвеевне. Одним разом от двух неугодных избавился.

— К слову пришлось, Леша: как ее святое семейство поживает? Вы ведь в хоромах были...

— Дальше порога не ходил. Но скучно, наверно...

— Почему?

— Машина есть, дача есть, должность у внука ответственная, во Внешторге, у самой — персональная пенсия союзного значения, кругом почет и уважение. Все есть... Разве не скучно?

— Э-э, бросьте-ка, пожалуйста! — Серегин взмахнул рукой. — Будьте уверены, этим Мучниковым совсем не скучно...

— Ну их к богу, Анатолий Иванович, а?

— И то верно... Что-то троллейбусов нет...

Басков посмотрел на свои часы.

— Без четверти двенадцать. Еще будут... У вас теперь какой план?

Серегин вздохнул, расправил плечи.

— Да что ж, пора домой возвращаться, я вам тут больше не нужен. А там дела ждут. Басков достал из кармана сигареты, хотел закурить, но раздумал.

— Я вот о чем, Анатолий Иванович... Шальнев-то когда-нибудь очнется.

— Нет вопроса, — живо откликнулся Серегин. — Мне самому смерть хочется с ним поговорить, потрогать его живого, а не чурку безгласную... Как только в себя придет — давайте телеграмму, не задержусь.

— От вас он ничего не скроет, а я ему кто? Просто сыщик.

— Может, там и скрывать нечего.

— Я завтра в Ленинград... Должно там что-нибудь найти, должно.

— Так вы, значит, вечером отправитесь, со «Стрелой»?

— Хочу самолетом. Чего день терять?

— А кто мне командировку отметит?

— Вы зайдите ко мне, Марат на месте будет, я ему все скажу.

Снизу, от Дома союзов, появились огни троллейбуса — длинная лента на лбу и два светлых пятна на полах.

— Ну, счастливо, Анатолий Иванович. Очень рад был вместе поработать.

— Взаимно, Леша.

Подождал троллейбус. Они пожали друг дру-

гу руку, и Басков уехал, а Серегин не спеша зашагал к гостинице.

Басков смотрел в круглый иллюминатор на крыло самолета, которое вот уже минут сорок высоко парило над белоснежным стеганым одеялом облаков, а сейчас с едва ощутимой косиной снижалось, облака стали похожи на покрытую пушистым снегом бескрайнюю степь, и крыло вот-вот начнет срезать верхушки сугробов, между которыми лежит синяя тень.

Как с заигранной, трескучей грампластинки зазвучал из динамика голос стюардессы, призывавшей застегнуть ремни. Стекло иллюминатора сделалось мутно-сизым, и крыло пропало. Самолет вошел в облака...

Через десять минут Басков вышел из здания аэропорта, а еще через полчаса здоровался за руку с начальником жилищно-эксплуатационной конторы, к чьей епархии относился дом, в котором жил Игорь Андреевич Шальнев. Там ждал Баскова ленинградский коллега, старший лейтенант Шустов.

Начальник жэка, у которого на правом лацкане серого пиджака висел знак участника войны, вышел и быстро вернулся в сопровождении низенького немолодого человека с заплаканными глазами и не менее как трехдневной щетиной на небритом лице.

— Это наш слесарь, — представил начальник.

— Здравия желаю, — хмуро проворчал слесарь, и по комнате порхнул перегарный душок. В руке он держал замурзанный чемоданчик.

— Понятых возьмем там, — сказал Шустов, обращаясь к Баскову.

— Тогда пошли.

По дороге к дому Басков узнал от начальника, что Шальнев обитает в двухкомнатной квартире, где есть еще один жилец — Зыков Константин Васильевич, год рождения 1929-й, одинокий, прописан в Ленинграде с 1973 года, приехал из Пскова, жилплощадь получена в порядке обмена. Работает Зыков на железной дороге, должность — составитель поездов. Больше ничего о Зыкове начальнику неизвестно... Да, квартплату в сберкассу вносит своевременно.

— Зыкова мы предупредили. Дождется, куда не уйдет, — заключил начальник. И добавил: — Он в ночную работал. Спит, наверное.

— А как сказали — для чего придем? — спросил Басков тихо, чтобы слесарь не слышал.

— Как вот старший лейтенант велел. Осмотр квартиры на предмет ремонта.

Эта вынужденная ложь перед соседом Шальнева была необходима, чтобы, во-первых, не пришлось портить замки на квартирной двери, во-вторых, Баскову очень хотелось побыстрее увидеть соседа и поговорить с ним; а в-третьих, было бы неграмотно со стороны Баскова допустить, чтобы сосед заранее, до его появления, знал об истинной причине предстоящего визита в квартиру № 32. Мало ли что может выясниться впоследствии...

Начальник был брит, и пахло от него мужским одеколоном «Шипр», но глядел он не намного веселее слесаря: видно, не причислял хлопоты с милицией к разряду желанных.

— Неприятности, что ли, Иван Степаныч? — спросил у него Шустов.

— Наше дело такое: из крана вода не течет — плохо, с потолка течет — все одно, понимаешь, плохо. Не угодишь, понимаешь, — ворчливо, но без всякого уныния отвечал Иван Степаныч.

— А наоборот бывает — из крана течет, а с потолка нет? — продолжал развивать тему Шустов.

Начальник одобрительно повел на него бровью.

— Иной раз получается... Если верхний сосед не купается... — И, не меняя тона, на том же дыхании повернул вопрос: — А что этот гражданин Шальнев сотворил?

Шустов обернулся к Баскову, и тот объяснил:

— Под трамвай в Москве попал.

— Насмерть?

— Да нет... Помяло сильно.

— Он тихий, — подтверждающе сказал начальник.

— Знаете его?

— Кабы знал, был бы не тихий. Или непла-

тельщик... А так я его фамилию первый раз вчера услышал.

Тут они подошли к дому.

— Постановление на обыск есть? — спросил Басков у Шустова. Он имел в виду обыск комнаты Шальнева.

Шустов похлопал себя по груди, где был карман.

Дом был пятиэтажный, старый, без лифта. На третий этаж поднимались по крутой лестнице с выбитыми, словно обтаявшими ступенями из светлого камня. На площадке второго этажа Иван Степанович позвонил в обе квартиры — тут на каждом этаже их было по две. В одной не отозвались, а из другой женский голос спросил: «Кто?» Иван Степанович назвал себя. Открыла высокая полная старуха. «Еще кто-нибудь есть дома?» Услышав, что есть еще ее старик, Иван Степанович попросил подняться в номер 32.

В квартиру № 32 позвонил Басков. Открыли быстро — ждали. Басков увидел перед собой одинакового с ним роста плотного человека в синей нейлоновой рубашке и черных брюках. Густые черные волосы стрижены коротко. Лицо загорелое, но как-то по-деревенски, по-крестьянски: верхняя половина лба белая, как молоко, а все остальное — того медного, с нефтяным отливом в углублениях цвета, какой бывает только у чеканных поделок массового производства, продающихся в сувенирных магазинах. Лицо это чеканилось без излишней проработки, стилизовано под примитив. Однако в глазах, смотревших вполприщур, переливались некие оттенки. Это Басков заметил и отметил.

— Здравствуйте. Вы Зыков? — сказал Басков.

— Константин Васильевич. Заходите, — пригласил Зыков, отступая в прихожую. Его протуженный тенорок звучал не то чтобы льстиво, но выражая готовность слушать.

— Мы тут заодно с вашим начальником, — объяснил Басков, кивая на Ивана Степановича: надо было как-то оправдать начальника жэка за его вынужденную ложь жильцу, хоть она и была во благо. — Я майор милиции Басков.

— Это мы понимаем. — Зыков согласно наклонил свое чеканное квадратное лицо, и Баскову показалось, что он понимает гораздо больше, чем заключалось в его, Баскова, словах.

Иван Степанович, изображая ремонтную озабоченность, заглянул в ванную, но забыл при этом включить свет.

— Ладно, ближе к делу. — Басков поглядел на слесаря и подошел к двери комнаты Шальнева. Что это именно его комната, было очевидно, ибо дверь другой комнаты, принадлежавшей Зыкову, стояла настежь.

Слесарь осмотрел замок — не английский и не французский, а самый обыкновенный, которые открываются большим ключом через большую скважину, именно такую, в какие на рисунках художников-сатириков вот уже лет сто подглядывают и подслушивают отрицательные персонажи.

— Тут спичкой можно, — проворчал слесарь презрительно.

Он пошуровал в своем чемоданчике, достал кусок толстой проволоки и плоскогубцы, загнул конец проволоки. Потом сунул загнутину в скважину, как-то неожиданно нежно пощупал там внутри, а потом нажал — замок тихо хрюкнул, и дверь раскрылась.

Все, кто стоял за спиной у Баскова, вытянули шеи — с тем врожденным людским любопытством, которое так неудержимо тянет даже самого безразличного человека заглянуть в чужое жилье.

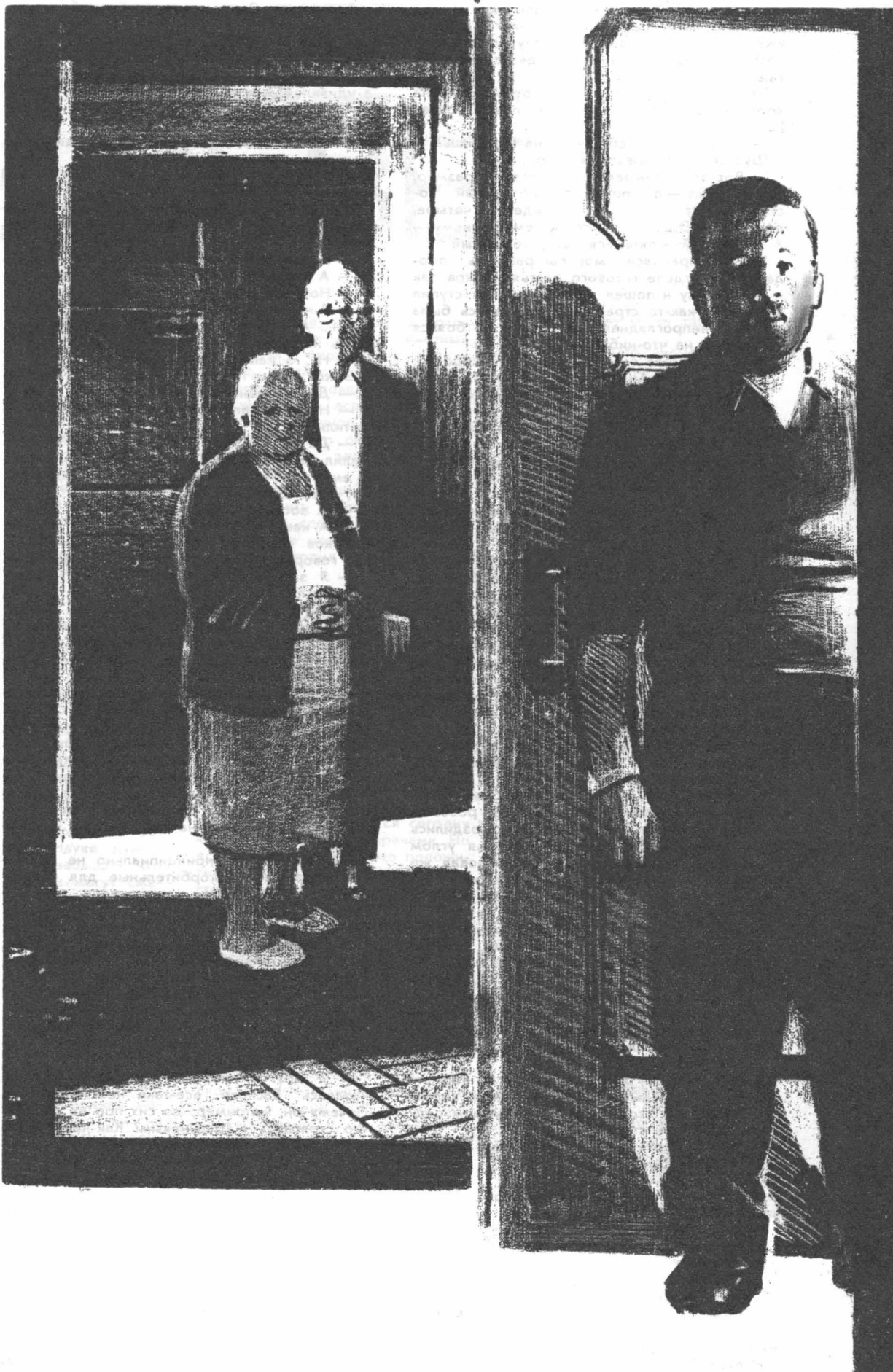
В большой квадратной комнате с двумя узкими окнами стояли платяной шкаф, диван-кровать, письменный стол и четыре стула. И все это старое, того сорта, что потрескивает по ночам. На одной стене, справа — полки с книгами. В левом углу на табуретке телевизор марки «Рекорд», облупленный, с маленьким экраном.

Прибрано, пыли не успело еще накопиться. Басков обернулся к старухе со второго этажа:

— Вас как зовут?

— Мария Антоновна.

— Войдите, пожалуйста, в комнату, Мария Антоновна. Вместе с мужем. Мы тут кое-что посмотрим... Это на пять минут...

Иван Степанович тронул Баскова за рукав.

— Я вам нужен? А то, понимаешь, дела...

— Надо будет после комнату запереть. Мы ее опечатаем.

Иван Степанович посмотрел на слесаря.

— Сделаешь. — И ушел.

— Вы, Константин Васильевич, подождите у себя — разговор будет, — сказал Басков Зыкову и, войдя в комнату Шальнева, закрыл дверь.

Мария Антоновна с мужем стояли в сторонке.

Басков открыл ящики письменного стола и начал перебирать бумаги. Шустов занялся книжными полками.

Собственно, это был не обыск, а осмотр вещей с целью составления их описи. Но Басков все же питал смутную надежду найти здесь хоть какую-нибудь ничтожную зацепку, которая намекнула бы на причинную связь того, чем жил Шальнев до отъезда в Москву, с тем, что произошло на бульваре Карбышева. В существовании такой связи он не сомневался.

Покончив с письменным столом, Басков от-

крыл платяной шкаф. Там на плечиках висели довольно потертое драповое пальто, старый, уже не пахнувший овчиной, полушубок и три костюма — один поношенный, два совсем новые.

Басков разложил костюмы рядышком на кровати, посмотрел на них, отступив, и позвал Шустова.

— Гляди. Ничего странного не находишь?

Шустов раздумывал недолго.

— Вот это, по-моему, пятидесяти размер, третий рост, — он показал на черный костюм. — Этот побольше. Пятьдесят четыре, рост два. — Это относилось к темно-синему. — А серенький — пятьдесят два, четвертый.

Шустов прекрасно мог бы работать продавцом в отделе готового платья. Басков так и сказал ему и пошел за соседом. Тот ступил в комнату как-то странно, словно здесь была полная, непроглядная темнота и он боялся наткнуться на что-нибудь.

Басков показал ему на костюмы и спросил:

— Это Игоря Андреевича костюмы?

— Вроде, — неуверенно отвечал Зыков.

— Но он их носил?

— Мне ить это ни к чему... замечать...

— А вы вспомните.

Зыков ткнул пальцем в черный костюм.

— Вот эт носил.

— А эти?

— Ей-ей, ни к чему мне... Может, когда и носил. Может, он в прежние годы важнее был...

Так, значит... И Зыков тоже с одного взгляда определил, что костюмчики разного размера. Но чего-то он как будто недоговаривал...

— Хорошо, Константин Васильевич, идите пока к себе.

Костюмы Басков повесил обратно в шкаф. Составили протокол, дали понятным подписать.

Потом слесарь тем же своим крючком запер дверь, ее опечатали. Шустов со слесарем и понятыми ушли, а Басков постучался к Зыкову.

Его комната размером была такая же, как у Шальнева, но в ней казалось тесно, потому что вещей помещалось раз в пять больше.

В главном углу, слева против входа, стояла двуспальная высокая кровать. На розовом пикейном одеяле пирамидой громоздились три подушки — две блином, а третья углом к потолку. И сверху наброшена розовая же кисейная накидка. Или тут женская рука, или сам хозяин такой аккуратист, мелькнула у Баскова посторонняя мысль.

Сказать, что Зыков принял появление гостя с удовольствием, было бы сильным преувеличением, но что он ждал нетерпеливо — в этом Басков не сомневался. Весь вид хозяина говорил о нетерпении.

Зыков выдвинул из-под круглого обеденного стола мягкий, в цветастой обивке стул, обмахнул рукой сиденье.

— Пожалста, милости просим.

Басков сел. Ему хотелось пить, и он посмотрел на хрустальный графин, накрытый кисейной салфеткой, стоявший на хрустальном подносе посредине стола.

— Водички хотите? — угадал Зыков.

— Хорошо бы.

— Момент.

Зыков шагнул к заставленному посудой серванту, а Басков окинул комнату быстрым взглядом. На гвозде, вбитом в дверь, висела выгравированная железнодорожная фуражка — единственная деталь, нарушавшая теремную гармонию этого дышавшего прочным благополучием жилища, набитого крепкими, добротными вещами. «Наверное, от этой фуражки лоб у хозяина наполовину белый», — подумал Басков.

И воду Зыков налил в хрустальный же стакан.

— Супруга на службе? — мимоходом поинтересовался Басков.

— Без бабы живу. Разведенный...

Зыков улыбнулся — скромно, но так, чтоб понятно было: мы, мол, хоть и холостые, но не без женского внимания. Он как бы надеялся на мужскую понятливость и солидарность своего непрошеного гостя.

— Давно?

— Да вот, поди, осьмой год будет.

— А сами работаете кем?

— Составы формую... Составитель поездов называется.

Выражался Зыков не всегда грамотно, но доходчиво.

— Скажите, Константин Васильевич, сосед ваш когда последний раз дома был?

— То ись как — последний? — не испугался, а удивился Зыков.

— Ну, когда вы его в последний раз видели.

Зыков собрал складки на своем двухцветном лбу.

— Так ведь Андреич к сестре поехал... В четверг, на той неделе...

Все верно — Шальнев пил коньяк в ресторане «Серебряный бор» вечером в пятницу.

— На поезде поехал?

— А как же. И на дорожку опрокинули.

— Ночным? Может, «Стрелой»?

— В ночь — это так, в двенадцатом из дому ушел... А «Стрелой» иль нет — чего не знаю, врать не стану...

— Ну, а как он себя чувствовал?

Зыков пожал правым плечом.

— Да как обнаковенно...

— Не волновался? Ничего особенного не заметили?

— Да нет вроде. Пить разве не схотел... Налил свой лафитничек серебряный, и все. Я ему: чего-то ты? А он: не идет, извиняй... Ну; я ее один и прикончил.

— А вообще-то он пил?

— А как же!

Зыков говорил о Шальневе таким тоном, как говорят о недоразвитых или чудаковатых.

— Я закурю? — Басков достал из кармана сигареты.

Зыков суетливо как-то поспешил к серванту, подвигал там мелодично позванивавшей посудой, и на столе появилась круглая крутобокая пепельница — опять же хрустальная, свинцово-тяжкая.

Баскову почему-то вспомнилось прошлогоднее дело, которое он вел вместе со следователем из Управления внутренних дел на транспорте и по которому проходили три составителя поездов. Они воровали из контейнеров транзитные приемники, телевизоры, меха и прочие дорогие товары, в том числе, между прочим, и хрусталь. Действовали ловко и награть успели тысяч на шестьдесят... Зыков — тоже составитель...

Однако Басков принципиально не признавал подобные оскорбительные для честных людей силлогизмы: составители поездов имеют возможность вскрывать контейнеры; Зыков — составитель; следовательно... Кроме того, против таких необоснованных заключений убедительно выступал элементарный факт: Зыков прямо навязывался гостю со своими хрустальями, совал их под нос. Будь у человека совесть нечиста, никогда бы он на рожон не лез. Бывает, конечно, наоборот, но для этого необходима изощренность закоренелого преступного ума.

А с другой стороны, поведение Зыкова казалось Баскову все-таки неестественным. Почему он, например, до сих пор не спросит, что стряслось с Шальневым? Как-никак, семь лет в одной квартире. Всякий нормальный сосед не утерпит, поинтересуется. Вон Иван Степаныч, начальник жэка, впервые фамилию Шальнева услышал — и то не удержался.

— Сам-то не балуюсь, а чужого дымку понюхать — ноздрю прочищает, — сказал Зыков, подвигая пепельницу к Баскову.

— Тоже, говорят, вредно.

— Да оно ить и кушать вредно и спать... ежели одному. — Зыков робко пошутил и сам хихикнул от неловкости, но тут же приосанился. — Может, закусточку соорудить? У меня имеется...

— Жарко, Константин Васильевич, в другой раз... Я вот сию и думаю: неужели вам не интересно узнать, чего это мы к Шальневу вломились?

Зыков упер руки в колени, а подбородок в грудь — набычился, задумался, сдвинул брови, словно собирался дать ответ на самый главный вопрос жизни. И, наконец, молвил — не простуженным тенором, а басовито:

— Я так разумею, товарищ майор: мне у вас спытывать прав не дано. Коли надо, сами скажете. Чую — неладное дело, а за язык тянуть не гоже.

— Тоже правильно, — одобрил Басков. — Вообще-то он вам нравился?

Зыков прикрыл ладонью рот, чтобы скрыть ухмылку.

— Так ить он не девка, товарищ майор.

— Но жили-то дружно?

— Душа в душу!

Басков встал, прошелся в узком пространстве между сервантом и столом.

— По-моему, вы его не очень-то одобряли, а, Константин Васильевич?

— Не томите, товарищ майор. Не живой уж Андреич, что ли?

— Почему решили?

— Да вы так об нем... как про бывшего...

— Жив Андреич, но состояние неважное. В дорожную катастрофу попал в Москве.

Басков сознавал, что Зыков ему не верит. Самому наивному из наивных ясно: с чего эту станут обыскивать комнату человека, если он пострадал от городского транспорта? Но Зыков сделал вид, что поверил.

— Помогай бог... Здоровья ему.

Присев к столу, Басков поглядел Зыкову в глаза и снова спросил:

— А все же, Константин Васильевич: почему вы его не одобряли? Ну, не во всем, а иногда...

Зыков опять упер руки в колени и набычился — видно, в такой позе ему легче было обдумывать важные вопросы. Но на сей раз заговорил он без нарочитой солидности, даже с некоторой игривостью:

— Малохолный малость.

— Например?

— Ну, касательно баб взять...

— Не увлекался?

— Какой там! Он пятью годками меня постарше, тут особо уж не пожирешь... Да не в том смех.

— В чем же?

— А вот ходила к нему рыжеватенькая, молодая еще, не боле тридцати, и все при ей... Одно — в очках, и зовут чудно — Агриппина, а щечки-губки — аленький цветочек...

Зыков с таким нарастающим смаком излагал предмет, будто сам распалялся от собственных описаний, но Басков вдруг почувствовал фальшь. Все эти зыковские «ить», «может», «спытывать» отдавали специальной нарочитостью. В Ленинграде человек живет уже семь лет и до этого, надо полагать, не в глухой деревне обитал, прибыл-то сюда из Пскова и работает на железной дороге, где не по-таковски балакают, — как же тут деревенский лексикон сохранить?

— Простите, Константин Васильевич, вы сколько классов окончили? — спросил Басков.

Прежде чем ответить, Зыков с каким-то новым вниманием посмотрел на Баскова и, вероятно, разобрал подспудное значение вопроса — отчего и для чего он задан. Дальше он свою речь поддельными простонародными завитушками украшал уже не столь густо.

— Семь, а что? — сказал Зыков, потеряв всю смачность голоса.

— Ничего, так просто... Ну и что этот аленький цветочек?

Зыков словно уж забыл, о чем шла речь. Помолчав, он продолжал без всякой охоты, как досказывают конец анекдота, который, оказывается, давно известен слушателю.

— Ну что... Ходила она, ходила... «Ах, Игорь Андреич! Вы такой хороший, Игорь Андреич!.. Вы себе цены не знаете, Игорь Андреич!» А он ее ни раз за ночь не оставил... Все стишата читал... Твой лоб, говорит, отлит в кудрявой бронзе. А какая там бронза, ежели у бабы бесы в очах? Возьмет шампанское на последние — и все про бронзу...

— А вы помочь не пробовали?

Зыков улыбнулся в точности так, как в первую минуту их разговора, когда Басков спросил о супруге, — улыбнулся, надеясь на мужскую солидарность собеседника.

— Был грех, закидывал.

— Ну и как?

— Дураком обозвала.

Басков счел, что пора кончать разговор, и встал.

— Ну, я пошел. Спасибо за содействие. Может быть, мне понадобится еще раз встретиться с вами.

— Мы всегда рады, милости просим.

Продолжение следует.

ПОКА ЕЩЕ В РЕЗЕРВЕ

«В последние годы в нашей печати много пишут о тибетской медицине, о лечении травами, об иглотерапии, о системе йогов и других методах народной медицины. «Огонек» тоже касался этой темы, но хотелось бы подробнее узнать об изучении этих методов у нас в стране и за рубежом».

С такой просьбой обратилась в редакцию читательница А. Г. Буйнова из Ростова; подобных писем в журнал приходит немало. «Огонек» уже рассказывал о современных исследованиях некоторых древних методов врачевания, например, об иридодиагностике — диагностике по радужной оболочке глаза [№ 12 за 1980 год]. Пять лет назад в нашем журнале, [№ 30 за 1977 год] был напечатан очерк о докторе медицинских наук профессоре Ф. Н. Ромашове, который много внимания в своей работе уделяет изучению нетрадиционных методов лечения. Сегодня мы обратились к Ф. Н. Ромашову, заведующему кафедрой медицинского факультета Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, с просьбой рассказать об изучении и использовании старых методов врачевания.

— Федор Николаевич, в последнее время среди многих врачей наметилась тенденция более внимательного отношения к некоторым старым, наполовину забытым методам лечения. В Москве недавно открыт институт иглотерапии, метода, известного тысячелетия назад. В Бурятии создан специальный отдел, занимающийся изучением древней тибетской медицины. Появились книги, научные диссертации, которые обосновывают эффективность лечебного голодания. В широкой печати опубликована целая серия статей о хатха-йоге.

Как вы думаете, чем вызван такой интерес к забытым в свое время методам лечения и профилактики?

— Очевидно, тем, что существующие методы не могут нас полностью удовлетворить. Не секрет, что количество больных раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями (а они главные виновники смертности) уже долгое время не уменьшается. А возьмите банальный, казалось бы, грипп — смертность от него хоть и уменьшилась, но все-таки ежегодно он уносит тысячи жизней.

Всемирной организацией здравоохранения в различных точках планеты были обследованы несколько сотен тысяч людей. Оказалось, что среди них без признаков атеросклероза только двое детей 10 и 11 лет. А ведь все эти люди считались здоровыми.

Аптеки всего мира завалены всевозможными лекарствами, но они не спасают положения. Более того, мы должны с сожалением констатировать, что во многих развитых странах мира около 15 процентов болезней вызваны медикаментами. Большинство же так называемых народных средств лечения при правильном применении не имеют побочных явлений. Вот почему совершенно оправдан повышенный интерес к таким методам народной медицины, как траволечение, массаж, водные процедуры, гомеопатия, парные бани, уже упомянутые иглотерапия, гимнастика йогов, лечебное голодание.

— Некоторые из перечисленных вами методов до сих пор считаются ненаучными...

— В оценке того или иного способа лечения я предпочел бы исходить не из того, был ли он научно обоснован или нет, а из того, насколько он эффективен и безвреден. Когда-то мы подвели серьезную научную базу под использование красного стрептоцида, а потом так же научно обосновали, что его необходимо изъять из практики. Науче нужно верить, но не стоит забывать, что одни научные теории могут смениться другими, а вот опыт народной медицины проверен столетиями, и это доказывает его жизненность и научность в современном понимании.

Человек — часть природы, он развивался в тесном контакте с ней, выведая у нее множество секретов на случай всех болезней. Множество поколений в течение тысяч лет проверяло на себе этот опыт. Для меня лично то, что использует народная медицина, — это самое что ни на есть научное, и я пытаюсь применить это в своей практике. Конечно, лишь в том случае, когда убежден, что народные методы более эффективны.

Мне кажется, сейчас настало время трезво и самокритично оценить достижения научной медицины за последние десятилетия. Нужно не без сожаления признать, что многие принципы современной медицины основаны главным образом на устранении симптомов. То есть мы не лечим болезнь, а лишь на время прячем ее.

Предположим, у вас поднялась температура или появилась рвота. Что делает врач? Назначает средства, которые сбивают температуру и останавливают рвоту. Но ведь это же защитные реакции организма! Значит, подавляя их, мы препятствуем очищению тела больного. А что предписывает народная медицина? При температуре — горячие обертыва-

ния, горчичные ванны; при рвоте — небольшие дозы рвотных средств или промывание желудка. Это, казалось бы, усиливает болезненные проявления, на самом же деле, если дать этим средствам научное объяснение, то окажется, что они-то как раз и стимулируют защитные механизмы.

Народная медицина всегда знала, что лечить организм надо, помогая ему, следуя его мудрой логике, а не мешая ему. Как ни странно, сегодня мы иногда забываем это.

— «Огонек» (в № 7 1980 года, в статье «Внедрять? Отвергнуть? Исследовать?») уже поднимал вопрос о необходимости создания специального института, центра или даже нескольких центров в разных регионах страны, где обобщался бы опыт народной медицины, где исследовались бы методы народного врачевания. Как вы относитесь к этой идее?

— Считаю, что необходимость в институте народной медицины назрела давным-давно. Накоплен уже огромный опыт лечения народными средствами. Эти средства все чаще назначаются сегодня квалифицированными врачами. Но есть у этого несомненно положительного явления и оборотная сторона. Возрастающая популярность народной медицины приводит к тому, что многие больные занимаются самолечением, забывая, что, например, те же травы могут быть весьма токсичными.

Есть и еще одно «оборотное» явление, ставшее в последнее время просто стихийным бедствием, — имею в виду знахарей, шарлатанов, которые под вывеской народных врачевателей занимаются лечением людей непроверенными и не всегда безвредными средствами. Часто даже безвредное лечение у такого «лекаря» не проходит для больного бесследно — ведь он теряет драгоценное время.

Например, один инженер, так называемый народный врачеватель, лечил больных — и сейчас, кажется, лечит — зубным порошком. Назначает своим пациентам по две пачки в день. Популярность «метода» была так высока, что в Москве одно время совсем не стало зубного порошка. Насколько я знаю, других последствий этот экзотический способ не имел.

Столь широкое распространение непроверенных методов «лечения» вызвано тем, что их просто негде и некому проверить.

— Именно эту миссию — изучение опыта народных врачевателей мог бы взять на себя институт народной медицины. Их великое множество у нас в стране. Сколько из них, к сожалению, умирает, так и не успев передать людям свои секреты! Мы должны

обобщить опыт сотен таких целителей.

— Но, конечно, институт народной медицины мог бы заниматься не только изучением методов, предложенных врачевателями. Цели его, несомненно, шире. Главную его задачу я вижу в том, чтобы весь арсенал народных средств перевести на современную научную основу, придать их распространению целенаправленный, научно обоснованный характер с учетом социально-экономических закономерностей. Для этого, прежде всего, надо собрать, привести в систему, изучить все народные средства. Очень нелегкая, конечно, работа.

Я составил для себя примерную структуру будущего института. Думаю, что в нем среди прочих должен быть и отдел нетрадиционных методов диагностики — ведь в старину врачеватели прекрасно распознавали болезни и по радужке глаза, и по языку, и по ушным раковинам, и по коже, и по пульсу. К сожалению, современные врачи мало знакомы с такой диагностикой.

Нужна будет и лаборатория металлотерапии. Целебное действие некоторых металлов известно очень давно. На нашей кафедре накоплен большой опыт лечения воспалительных процессов с помощью медных дисков. В Англии, например, медные аппликации применяются при лечении артритов и артрозов. Многие англичане ходят с тонкими пластинками из меди, прикрепленными к больным суставам.

На мой взгляд, в институте непременно следовало бы создать и лабораторию лечебного голодания. Сейчас во многих странах мира действуют сотни клиник, где применяется этот древний, известный со времен Гиппократова метод.

Думаю, что более серьезно следует заняться и изучением биоритмов, биополей и биоэнергетики, как это, например, сделано с изучением тибетской медицины в Сибирском отделении АН СССР, где под руководством академика медицины В. Казначеева ведутся серьезные скоординированные работы: расшифровывают и переводят забытые медицинские трактаты, испытывают в лабораториях восточные лекарственные средства. В Новосибирске, например, недавно опубликованы очень интересные результаты физических исследований так называемых «теплых» и «холодных» элементов пищи.

Представления о них занимают одно из важнейших мест в учении тибетской медицины. «Теплые» и «холодные» элементы, по

мнению восточных врачей, оказывают регулирующее воздействие на процессы, происходящие в организме человека, в первую очередь на механизм иммунитета; «теплые» считаются биостимуляторами, они усиливают этот механизм, «холодные» — ослабляют его. Исследования свойств 34 пищевых продуктов растительного происхождения, проведенные сотрудниками вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР, показали, что существует определенная связь между физическими параметрами свойств пищи и содержанием в ней «теплых» и «холодных» элементов. Совпадение было получено в подавляющем большинстве случаев, например, в отношении таких «очень холодных» продуктов, как сахар, мандарины, пиво, и таких «очень теплых», как репчатый лук, красный перец, чеснок, укроп.

Эти исследования носят, конечно, предварительный характер, и из них не может пока следовать никаких медицинских рекомендаций, но, несомненно, работу надо продолжить, подключить к ней медиков, иммунологов, биохимиков, других ученых. Такого мнения придерживается академик Г. И. Марчук, который в предисловии к опубликованным исследованиям отозвался о них с явным одобрением и выразил надежду, что подобные работы, возможно, помогут раскрыть неизвестные пока механизмы процессов, происходящих в организме.

— Скажите, Федор Николаевич, какие научные учреждения у нас в стране занимаются изучением методов и средств народной медицины?

— Их немало. В Москве, например, Всесоюзный институт лекарственных растений, Институт этнографии АН СССР, Институт космической медицины, клиника Института психиатрии, где профессор Ю. С. Николаев руководит работами по лечебному голоданию. Серьезные исследования проводит медицинский факультет Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. В Дальневосточном научном центре член-корреспондент АН СССР Е. Золотов и профессор И. Брехман ведут научное изучение таких издавна известных в народе биостимуляторов, как элеутерококк. В Иркутске исследуют воздействие на человека различных трав, водных процедур. Интересные работы ведутся в фармацевтических институтах Пятигорска, Ленинграда, Харькова, Ташкента, Перми.

Но вся беда в том, что нет учреждения, которое бы координировало и систематизировало все эти исследования. Пока они ведутся без единого плана, нередко дублируются, на это уходят лишние средства и время. Я убежден, что необходимо как можно скорее создать такой координирующий центр, им мог бы стать институт народной медицины.

— Недавно в Женеве прошло совещание Всемирной организации здравоохранения, посвященное путям содействия народной медицине. Целью этого совещания была выработка плана совместных действий специалистов разных стран, действий, направленных на развитие народной медицины, ее научное исследование, подготовку ее кадров. Во многих докладах совещания звучала мысль о необходимости интеграции, тесного слияния народной

медицины с системами общественного здравоохранения. Федор Николаевич, вы много раз бывали за границей. Расскажите, как обстоят дела с народной медициной в других странах.

— Очень широко она развита в Индии, Японии, Китае, Шри-Ланке, Вьетнаме, Болгарии, Чехословакии, США. В ФРГ действует институт фундаментальных исследований в области ириодиагностики, то есть диагностики, основанной на древнем способе определения болезней по радужке глаза. Во Франции существует клиника натуропатических методов лечения. В Республике Шри-Ланка, например, зарегистрировано около 15 тысяч народных врачей-лечебников. Они обслуживают около 70 процентов населения, вести прием им разрешено у себя дома, государственные власти привлекают их в качестве консультантов: часто во время приема в поликлинике пациента осматривают два врача — народный лекарь и представитель современной медицины. В республике имеется два института по подготовке народных врачей-лечебников, в министерстве здравоохранения есть специальный отдел народной медицины.

Так же успешно развивается кооперация обеих медий в Индии. Благодаря государственной политике изучение народной медицины здесь включено в программу учебных заведений, в том числе университетов и медицинских колледжей. В Индии число народных целителей достигает полумиллиона. В стране существует 108 колледжей народной медицины. Национальный центральный совет направляет их деятельность, контролирует уровень подготовки специалистов. В стране утвержден закон о средствах народной медицины, он требует, чтобы у врача-лечебника имелось разрешение на практику, и гарантирует безопасность и контроль качества народных средств.

Всемирная организация здравоохранения много делает для развития народной медицины. В Женеве создан международный центр по ее изучению, запланировано издание специального журнала. Состоялись уже две международные конференции по народной медицине.

— Год назад у нас в стране при Всесоюзном обществе историков медицины создана Комиссия по изучению истории народной медицины. Вы, насколько я знаю, избраны председателем этой комиссии. Каковы ее задачи?

— Прежде всего выявить всех тех, кто занимается у нас изучением методов и средств народной медицины, создать картотеку этих методов, изучить их в этнографическом аспекте. На второй Всесоюзной конференции по народной медицине, которая должна состояться в этом году в Ереване (первая была в 1972 году в Ленинграде), мы надеемся доложить о результатах этой большой и важной работы.

Подводя итог нашего сегодняшнего разговора, хочется выразить надежду, что и Минздрав и Академия меднаук предпримут усилия для создания института народной медицины. Я твердо убежден, что это поможет предупреждению многих болезней и в конечном итоге — оздоровлению советского народа.

Беседу вел Сергей ВЛАСОВ

Чемпионы мира и Европы — сборная команда СССР. Телефото ТАСС

С НОВОЙ ПОБЕДОЙ,

Если в статьях или в разговорах на хоккейные темы говорят или пишут — «чемпионы мира», то всем ясно, что речь идет о сборной СССР. Дебютировав в мировом первенстве 1954 года — и сразу победно, — советские хоккеисты ныне восемнадцатикратные обладатели высших наград главных официальных турниров. В восемнадцатый раз золотые медали советские хоккеисты, ведомые тренерами В. Тихоновым и В. Юрзиновым, обеспечили себе еще в воскресенье 25 апреля. На чемпионате мира предстояло провести еще два заключительных тура, но победитель был уже известен.

Помнится, в 1970 году англичанин Д. Ахерн, в это время президент международной лиги хоккея на льду, спросил Вячеслава Старшинова: «А не надоело ли сборной СССР каждый год получать Кубки?» — на что ныне доцент, кандидат педагогических наук Вячеслав Иванович Старшинов, как обычно, невозмутимо ответил: «Нет, совсем не надоело». В воскресенье Виктору Тихонову на пресс-конференции задали вопрос

из этой же серии: «Может ли какая-нибудь другая команда когда-нибудь стать чемпионом мира?» — на что наш тренер тоже довольно спокойно заметил: «Это может произойти хоть на следующий год, но для этого надо иметь хоккеистов лучших, чем советские, и готовиться к чемпионату мира еще более тщательно, чем мы».

Условия, выдвинутые нашим тренером, вызвали улыбки у всех присутствующих на пресс-конференции журналистов. И действительно, где же найти таких вратарей, как В. Третьяк (отметивший, кстати, именно 25 апреля свое 30-летие) и В. Мышкин, таких защитников, как В. Фетисов и А. Касатонов — мастеров не только разрушать атаки соперников, но и приводить в трепет вратарей противника своими снайперскими бросками, или таких форвардов, какие собрались в звеньях И. Ларионова и С. Шепелева? А ведь есть еще в команде В. Васильев и С. Бабинов, В. Первухин и А. Кожевников, В. Голиков и В. Жлуктов.

Один мой коллега из Тампере,

СПАСИБО ЗА КОНЦЕРТ

После субботника в редакцию «Огонька» с концертом приехали артисты эстрадного ансамбля (музыкальный руководитель — Александр Бирюков).

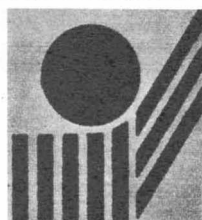
Исполнением народных и эстрадных песен порадовали известные вокалисты: заслуженная артистка Молдавской ССР Мария Кодрану и заслуженный артист Мордовской АССР Валентин Ключин.

ЧЕМПИОНЫ!

помнится, заметил: «Больше всего в матче СССР — Финляндия в финской команде повезло запасному вратарю и двум полевым игрокам, не принимавшим участия в состязании. Всем остальным пришлось побывать под могучим прессом атак чемпионов мира».

И все же В. Тихонов не скрывает, что хоть советские хоккеисты и победили досрочно, успех достался им в труднейшей борьбе. Особенно тяжелыми были два матча подряд с «Кленовыми листьями». Звезды НХЛ пустили в ход все недозволенные приемы. Уже после первого матча почти треть наших хоккеистов оказались с травмами, а после второго игроков, не имевших синяков, шишек и серьезных повреждений, нельзя было и отыскать.

Надо отдать должное канадцам, они во всех матчах боролись до конца. Проигрывая первую встречу — 1:3, довели счет до 3:4, а в повторном состязании, отставая на три шайбы — 1:4, к началу заключительной двадцатиминутки сравняли счет — 4:4. И все же все их попытки добиться хотя бы ничьей

закончились, как известно, провалом. Наши хоккеисты проявили негнимоемые бойцовские качества.

Когда чемпионы мира садились в автобус, чтобы ехать в отель после победы, один из советских болельщиков, а их побывало на чемпионате около пятисот, спросил Третьяка: «Владислав, а почему вы такой невеселый? Вы ведь чемпионы мира!» Вратарь ответил коротко и откровенно: «Так устал за два дня, что даже порадоваться победе не осталось сил». После этого признания понятно, почему в конце второй встречи с канадцами Жлуктов дважды не попал в пустые ворота.

Советская сборная блестяще начала сезон, выиграв Кубок Канады, и столь же победно завершила его на чемпионате мира и Европы.

В. ДВОРЦОВ,
спецкор «ТАСС»
(специально для «Огонька»)

Тампере — Хельсинки.

ЗВЕЗДНАЯ ВСТРЕЧА

Музыка Людмилы ЛЯДОВОЙ

Стихи Игоря МИХАЙЛУСЕНКО

Где-то кружит в пространстве планета,
Где-то братья по разуму ждут,
К ним в ракете со скоростью света
Мы проложим однажды маршрут.

Припев:

Ведь не даром наш советский парень
В космос первым вырваться посмел,
С солнечной улыбкой молодой Гагарин
Землю по орбите облетел!

Неразрывна с полетом опасность,
Не бывает без риска побед,
Но далекой планете прекрасной
Принесем мы земной наш привет.

Припев:

И увидим мы небо иное,
Неземных облаков паруса,
Межпланетною светлой Весною
Улыбнутся нам чьи-то глаза...

Припев.

Поет Мария Кодрану.

У микрофона Валентин Клюкин.

КАК Я
ЗАВЕДОВАЛ
ОТДЕЛОМ

С Аладаром Сливкой мы встретились в прошлом году в Карловых Варах — обычное курортное знакомство, — и я знал только, что он какой-то директор по научной части.

Случайно вновь встретившись в Праге, мы даже не сразу узнали друг друга. Затем я, распахивая дверь новенькой «Татры», как можно небрежнее предложил ему:

— Садись, подвезу!

— О-о, роскошный аппарат! — изумился Сливка. — Молодец!

Когда мы влились в текущий по улице поток автомобилей, я сказал:

— Если у тебя, старый дружище, есть несколько свободных минут, то заедем на дачу. Выпьем, поболтаем!

— У тебя и дача есть? — с уважением посмотрел на меня Сливка.

А когда он увидел дачу, то протиснулся ко мне не то что дружески, а братскими чувствами. После пяти стаканчиков сливовицы Сливка доверительно сказал:

— Я могу устроить тебя в свой институт. На отличную работу. Заведующим отделом квазиинтерологии.

Я запротестовал, ссылаясь в основном на недостаток специального квазиинтерологического образования.

— Человек, который имеет такой автомобиль и такую дачу, — сказал Сливка, — вполне достоин должности заведующего. Главное не эта квазиинтерология и так далее, а сменалка, расторопность, преданность!

После того как опустела еще одна бутылка сливовицы, все мои сомнения как-то сами по себе развеялись, а когда я услышал, какой оклад положен заведующему отделом... ого-го-го!

И у меня не хватило храбрости сообщить ему, что дача с машиной принадлежат не мне, а другу, уехавшему в длительную заграничную командировку, я же только за ними присматриваю по его просьбе.

...Прошла всего неделя, а я уже чувствовал себя во главе отдела бодро, как рыба в чистой от химических отходов реке. В моем подчинении — семь человек. Работы у меня — больше всех.

Директор Сливка то гонял меня (конечно, на «моей» «Татре») к кому-нибудь из приятелей; то я вел собачку директора к ветеринару; то мчался к деревенским родственникам жены директора за овощами; то меня посылали обслуживать какие-то делегации; то, играиво подмигивая, директор просил повозить его «нуколку» по модным салонам или отвезти «куколку» на «мою» дачу (сам он приезжал позже). Пока он проводил время с «куколкой», я должен был возить его жену по магазинам.

— Понимаешь, так мне спокойней, — объяснял Сливка. — Ведь когда она с тобой, то не может в это время следить за мной, хе-хе!

Свой служебный автомобиль директор почти не эксплуатировал, так как включился в общегородское соревнование по экономии горючего на персональных машинах и твердо решил выиграть первое место.

В моем отделе, как уже упоминалось, работало в поте лица семь человек. Старший научный сотрудник модник Олейбух имел большие связи в медицинском мире. Вместо работы он выполнял указания директора Сливки — доставал лекарства, устраивал в больницы, на-

правлял на консультации к «све-тилам» друзей директора и друзей его друзей. Вечно улыбающаяся вдова Лайошова была незаменимым специалистом по курортам — она легко доставала путевки на любые курорты. Толстуха пани Кордова появлялась в отделе только в дни зарплаты: она считалась непревзойденной кулинарной, и супруга директора держала ее почти всегда возле себя. Пронуренный до желтизны научный сотрудник Петрай был выдающимся специалистом по ремонту любого бытового оборудования, как говорится, мастер — золотые руки. Он мог успешно справиться и с туалетным бачком и с цветным телевизором. Понятно, что при обширных связях директора Петрай без работы не сидел. Вежливый до приторности Михалоци специализировался на магазинах: если ему заранее давали список любых товаров, то через день он вам докладывал, где и когда их можно забрать. Две самых молодых сотрудницы — Ниемова и Галарова тоже были незаменимы каждая в своем роде: Ниемова обеспечивала Сливку бесплатными билетами в театр, на стадионы и кинопросмотры, а Галарова была личной массажисткой супруги товарища директора.

Жили мы дружно, хотя и виделись не так уж часто: директор не давал нам бездельничать. Время от времени я сталкивался с моими коллегами, заведующими отделами, но мы только приятно улыбались друг другу, и дальше вопросов о здоровье наши разговоры не шли.

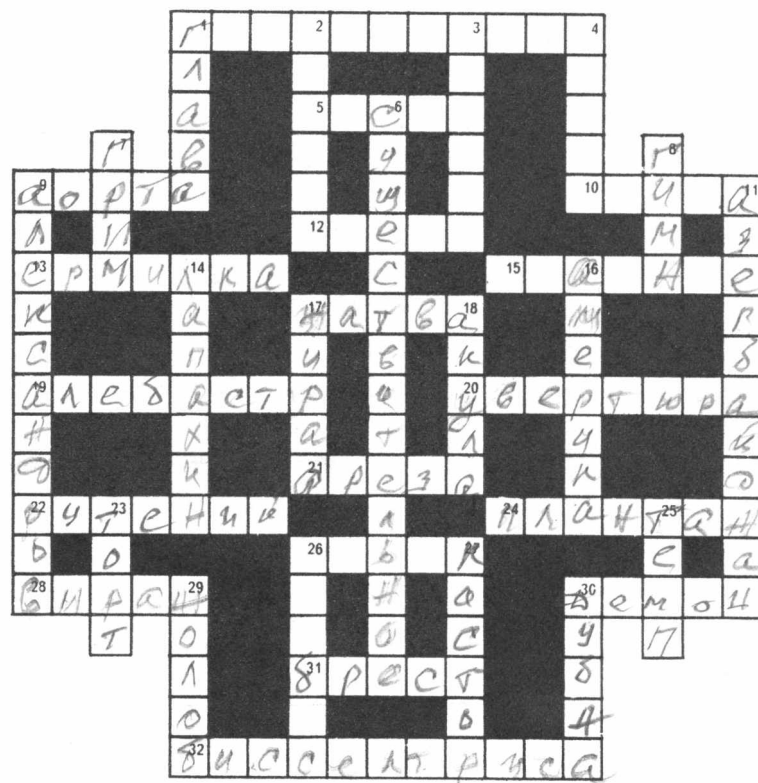
Иногда я встречался с коллегами из других институтов — на собачьей выставке, в бассейне и т. д. Судя по тому, что у них были собственные автомобили и они, как правило, тоже выполняли хозяйственные поручения своих шефов, я понял, что квазиинтерология сейчас одно из самых модных направлений в науке.

Мне очень хотелось (я в детстве любил детективную литературу) решить в конце концов загадку: чем же вообще занимается наш институт? Сколько в нем отделов? Ведь, как мне удалось выяснить, нашим отделом не был охвачен очень большой круг вопросов, в частности дамские и мужские ателье мод, заграничные поездки, развлечения и т. п. Но поскольку товарища директора неплохо развлекали, он ходил в отлично сшитых костюмах и часто ездил за рубеж, то я думаю, что этими научными проблемами занимались мои коллеги из других отделов. И я уже был на пути к разгадке, когда случилось то, что и должно было случиться: вернулся из заграничной командировки мой друг. (К счастью, я успел и его приезде навести порядок на даче и дважды сгонять «Татру» в автосервис.)

Пришлось пойти к директору Сливке и рассказать ему правду о машине и даче. Разумеется, я был тотчас же уволен по собственному желанию.

Сейчас место заведующего нашим отделом еще не занято. Если у вас есть автомобиль и дача, то смело идите прямо к директору товарищу Сливке — не пожалеете. В наши дни такую зарплату найти — это просто фантастика. А что тут особенного в конце концов? Директор же платит не из своего кармана.

Авторизованный перевод со словацкого Бориса ПРИВАЛОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Певчая птица. 5. Приток Днепра. 8. Главная артерия. 10. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 12. План предстоящих расходов и поступлений. 13. Герой рассказа И. С. Тургенева из «Записок охотника». 15. Озеро на Чукотке. 17. Роман Г. Е. Николаевой. 18. Строительный гипс. 20. Оркестровое вступление к опере, балету. 21. Многолезвийный инструмент для обработки металла. 22. Химический элемент, металл. 24. Обработка почвы под питомники, виноградники. 26. Остров в Средиземном море. 28. Поворот самолета. 30. Опера А. Г. Рубинштейна. 31. Крепость-герой. 32. Прямая линия, делящая угол пополам.

По вертикали: 1. Раздел книги, статьи. 2. Указатель, перечень, реестр. 3. Овощная культура. 4. Народный писатель Узбекистана. 6. Часть речи. 7. Искусство изменения внешности актера. 8. Торжественная песня. 9. Один из основоположников атомной энергетики, трижды Герой Социалистического Труда. 11. Союзная советская республика. 14. Персонаж романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 16. Часть света. 17. Северное созвездие. 18. Хищная морская рыба. 23. Кондитерское изделие. 26. Степень быстроты движения. 26. Действующий вулкан в Антарктиде. 27. Самая яркая звезда Северного полушария неба. 28. Углубление для стока воды. 30. Город в Московской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 1. Салават. 4. Колонок. 7. Пшеница. 8. Рагимов. 10. Серпантин. 12. Очерк. 13. «Мятеж». 15. Галка. 16. Шнур. 17. Киль. 18. Домра. 20. Жаков. 22. Нурек. 25. Тимирязев. 28. Природа. 29. Фабрика. 30. Арабика. 31. Реклама.

По вертикали: 1. Сопрано. 2. Лиелупе. 3. Театр. 4. Карат. 5. Номинал. 6. Коврига. 9. Факт. 10. Секундант. 11. Нагульнов. 13. Мираж. 14. Жуков. 18. Дудыпта. 19. Мексика. 21. Курс. 23. Реплика. 24. Камбала. 26. «Млада». 27. Зефир.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ: Москва первомайская. Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

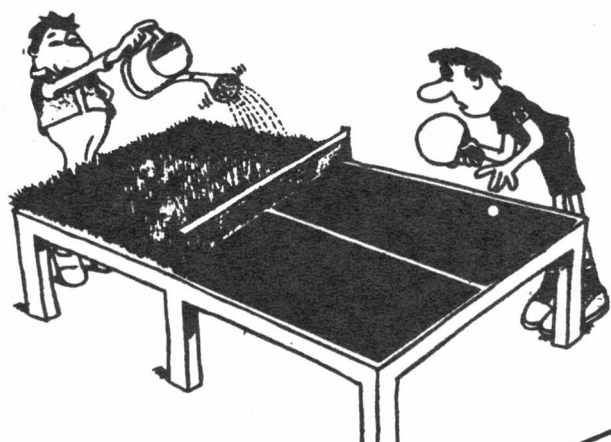
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.04.82. Подписано к печати 27.04.82. А 00360. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1056. Заказ № 2242.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

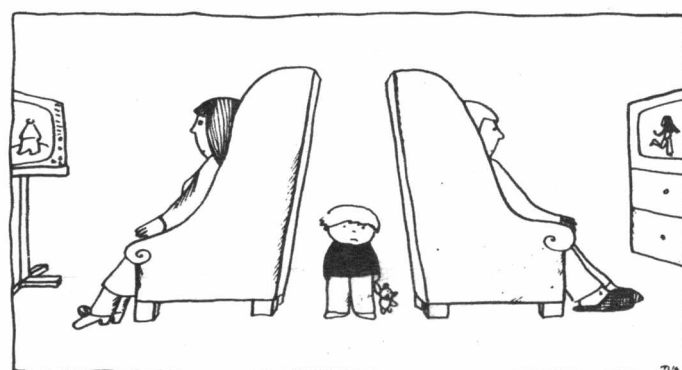
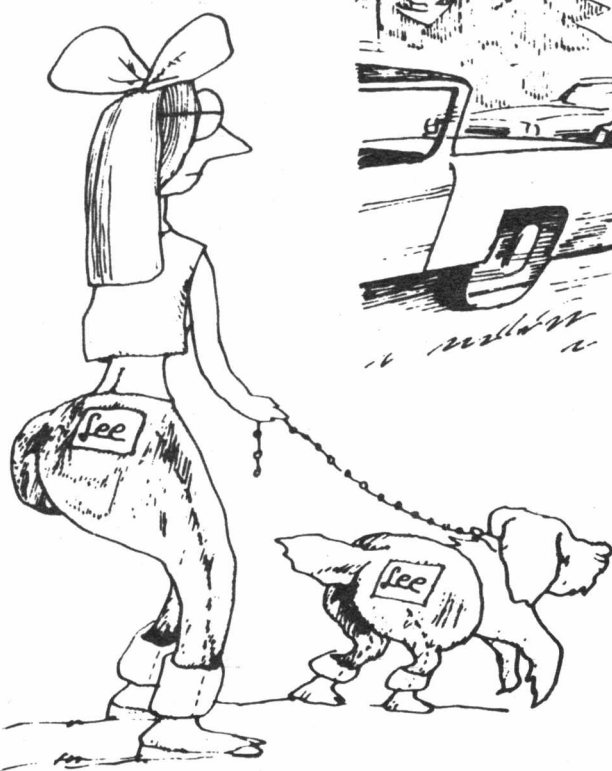

ЮМОР НАШИХ ДРУЗЕЙ

Рисуют
художники
Болгарии,
ГДР,
Кубы,
Чехословакии,
Югославии.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663